

НОВОЕ ВРЕМЯ

Пересадка
органов.
Отрежут всё,
что плохо
лежит

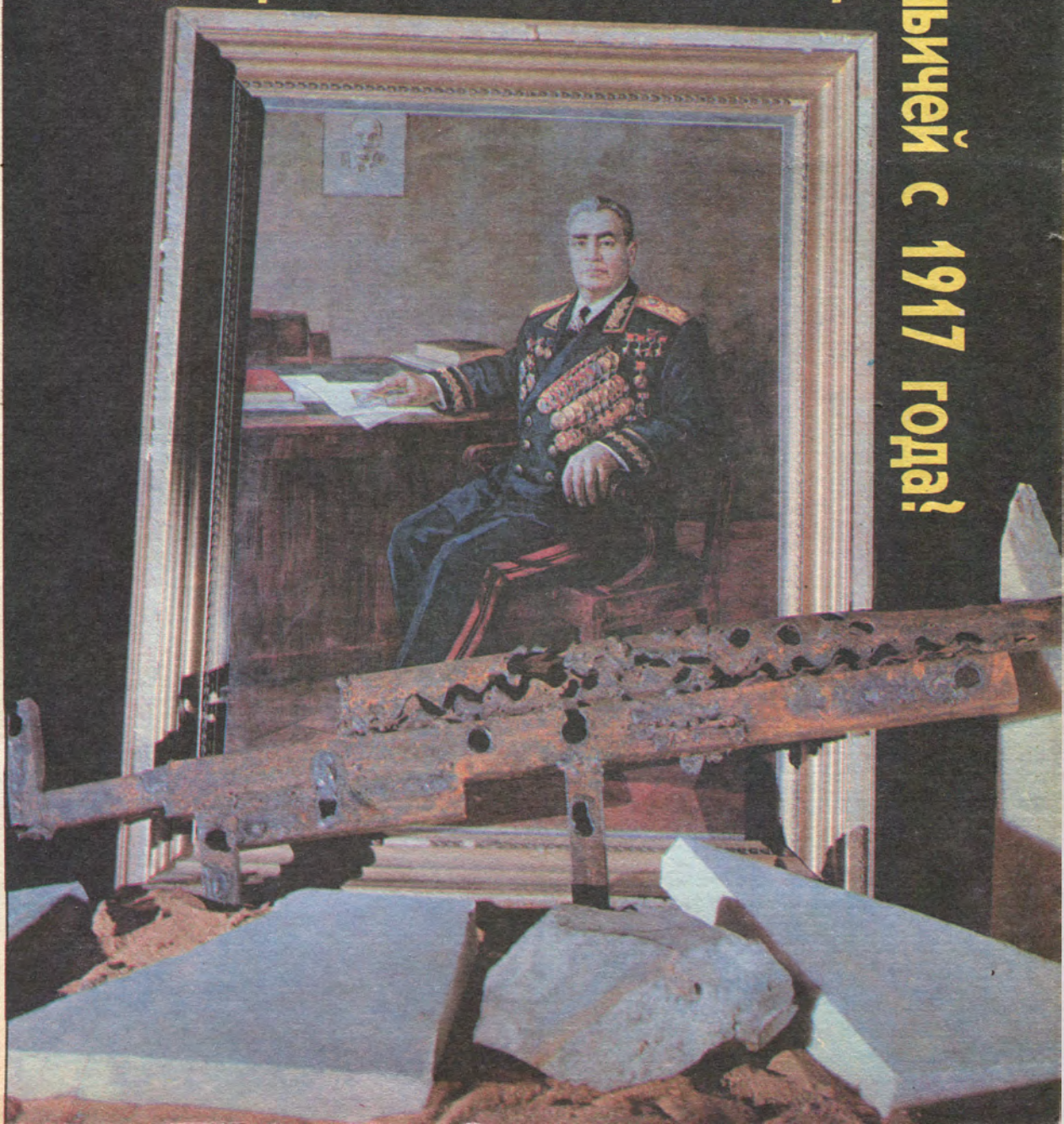
17

апрель 1993

Одобряете ли вы политику

Ильичей с 1917 года?

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

ОРДЕН ОРЛА – НАГРАДА РОССИИ!

Для участия в конкурсе на соискание Ордена Орла необходимо направить ходатайство предприятия или организации с указанием личных заслуг соискателя, а также платежное поручение о переводе платежа (на любую сумму) – «Спонсорский взнос для организации конкурса» или «В фонд развития Ордена Орла».

Факт платежа свидетельствует о серьезности намерений. По запросу Оргкомитета необходимо будет предоставить дополнительные материалы.

Адрес Оргкомитета:

113452, г.Москва, а/я 16.

Расчетный счет № 608086 в 1-м Инновационном комбанке, МФО № 201274 (для «АСТРО»).

Справки по телефонам: 217-15-82, 217-04-02.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Егор Гайдар: КАК ЛЕГКО МОЖНО БЫЛО ВСЕ РЕШИТЬ... (интервью)	4
СУДЕБНАЯ ХРОНИКА А. Пумпянский АВГУСТЕЙШАЯ ДЮЖИНА	8
МЫСЛИ ВСПЛУХ Л. Баткин ПОЛИТИКА ПРЕЖДЕ ПРАВА	10
НРАВЫ О. Кучкина ЖИЗНЬ ЗА УМАЛАТОВУ – ХАСБУЛАТОВА	15

МИР

ТОРГОВЛЯ ОРУЖИЕМ П. Васильев КУПИТЕ АВИАНОСЕЦ!	18
ПАКИСТАН И. Лагунина КОГДА ВОССТАНОВИТСЯ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ?	24
ЭФИОПИЯ Я. Боровой БАЛКАНЫ В АФРИКЕ	28
СКАНДАЛ Р. Борецкий НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ ХУЖЕ...	31
РУМУНИЯ В. Писмаров ЕЩЕ ПРЕСТУПНИК ИЛИ УЖЕ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ?	32

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

МЕДИЦИНА И ЭТИКА Н. Серегин ПРАВО НА ЧУЖУЮ ПОЧКУ	36
С. Зигуненко ЭМБРИОН, КАК СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ	39
АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ А. Антонов-Овсенко СОТВОРЕНИЕ ГИМНА	40
РАССЛЕДОВАНИЕ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»	
Л. Безыменский 108 ФОТОГРАФИЙ ИЗ АРХИВА ГЕСТАПО	46
СТОЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ В. Басков БОМОНД БОМЖЕЙ	52
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ И. Ильин ОТБОР ЛУЧШИХ	56
ТЕЛЕВИДЕНИЕ В. Цветов ЯРАСЭ	62
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ Д. Згерский ЖИЗНЬ ЗА ОКУРОК	64
ПОЧТА (2), ЛИЦА (60)	

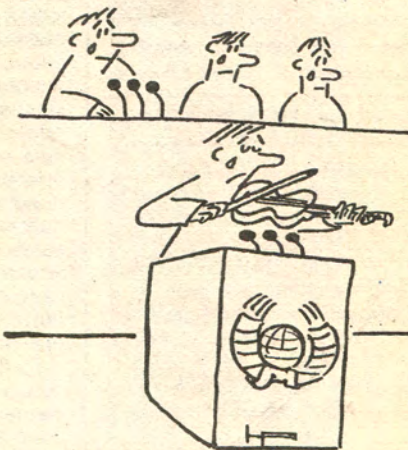
Александр Руцкой доказал, что плох тот вице-президент, который не мечтает стать президентом еще при жизни своего президента

Стр.15

Каждый год Россия может продавать оружия – от «калашниковых» до авианосцев – на 30 миллиардов долларов. И еще нам останется

Стр.18

Что исполнял кружок любителей хорового пения на музыкальной вечеринке в политбюро

Стр.40

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Кронид ЛЮБАРСКИЙ,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

Павел САМАРЧЯН,
ответственный секретарь,

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА

Сергей ДУБОВ,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Мехико, Праге,
Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU

Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Телетайп 113937 Честь.

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

Регистрационное
свидетельство №970.

Тираж 60000.
Заказ №1011.

■ Хочу откликнуться на подборку материалов «Сорок лет без Сталина» (№ 10/93).

Открыв почтовый ящик, я содрогнулась, как если бы обнаружила там змею. Не на меня, но «в вечность» глядел вампир и палач. Такой страшной обложки у вас еще не было.

Но конкретно хочу сказать о материале А.Яковлева. Не могу поставить рядом с Александром Николаевичем, пожалуй, никого из его поколения — по степени вызываемого им уважения. Легко мазать одной краской всех «бывших», особенно членов пресловутого политбюро. А просто ли было Яковлеву? В этой стране, в этой структуре? Конечно, у плеяды истинных диссидентов образ выше. Но, оказавшись волею судеб в таком положении, как Александр Николаевич, кто еще мог бы

совершать подобные поступки? Да никто и не смог. Здоровья ему!

Однако, пожалуй, единственное, что, на мой взгляд, не получило должного места в его статье, — опасность не столько неობольшевизма, сколько обыкновенного фашизма. Я русская, живу в России. Здесь (пока) нет войны. Но кожей чувствую, как в моем городе нарастают национальная напряженность, антисемитизм, ненависть к инородцам. Стыдно за русских! Стыдно давно, а теперь еще и чувство опасности, которое нарастает. Нам дают ежедневный сеанс «десяти-минутки ненависти», нам внушают, что все беды от евреев и «кавказцев», что они всё скупили... Это ли не наследие сталинизма? Может быть, дойдет до того, что пора будет бросить клич: всем порядочным людям

пришить на одежду желтые звезды Давида.

Марксизм-ленинизм мы уже «попользовали». Сегодня грядет национализм. Если мы недооценим его бесчеловечность, не поймем, что это трансформировавшаяся власть ненависти, опять получим то, что заслужили. А.Михник пишет, что диктатура была навязана России силой... самих россиян.

Неужели надежда только на время? «Сорок лет по пустыне»? И нам остается только ждать смены поколений, нового и здорового менталитета? И всё?

Люди, будьте бдительны! Хотя бы не мыльте себе веревки! Хотя бы не кивайте шовинистам, оправдывая себя тем, что вас это не касается.

Ольга Поталова
Санкт-Петербург

Что такое счастье по-русски?

■ Правы, ох, как правы те, которые... Ну вы же знаете, о ком я говорю. У них рты навеки перекошены и ядовитая слюна фонтанирует бесперебойно: мол, видели мы Америку с Европой там, там и там, а у России особенная статья и умом ее не понять. Еще один их тезис: Россия всему миру путь в будущее указывает и все проблемы разъясняет. И это чистейшая истина, уважаемые сограждане.

Не буду касаться того, чему Россия научила весь шар земной в прошлом. Речь о новейшем открытии, сделанном в марте сего года. Уже сколько веков бьется человечество над вопросом: что такое счастье? А Россия за весьма короткое время ответила на него с исчерпывающей полнотой. **Счастье — это когда нет съезда депутатов.** Невиданное блаженство знать, включая телевизор, что не наткнешься в очередной раз на одни и те же физиономии у микрофонов, не будешь слушать очередные провокационные заявления, с тоской и глубоким сочувствием смотреть на усталое лицо президента, который не может себе позволить простую человеческую реакцию: встать, распрямиться во весь свой рост среди этих пигмеев и густым басом послать их... А потом хлопнуть дверью и уехать куда-нибудь на Азорские острова. Не может он этого себе позволить: за ним все мы, за ним Россия, которая ему поверила.

За без малого 60 лет своей жизни я не испытывал более полного счастья, чем то, которое ощутил, когда, вернувшись вечером домой, спросил о съезде: ну что, кончился этот кошмар? И услышал в ответ: кончился. И хотя я понимаю, что все мы получили лишь временную

передышку, что разрабатываются новые стратегические планы (в частности, как я слышал, формируются антипрезидентские женские батальоны имени С.Умалатовой), все-таки какое облегчение!

Я всегда был сторонником демократии. Разговоры о царе казались мне просто нелепыми. Но если этот съезд — символ российской демократии, то: да здравствует монархия! Да здравствует царь-батюшка! Только пусть он будет из числа потомков убитого императора, живущих в эмиграции. А то из своих сограждан мы такого можем выискать, что опять революция захочется.

Точно: не понять умом Россию. Тянут с нас, с русских, налоги, тянут налоги с других, так сказать, «субъектов федерации». Для чего? Чтобы товарищи депутаты полмиллиарда (или сколько там) за один месяц на распыл пустили? Каждый из нас мог бы враз миллионером стать, если бы прислушались народные избранники к предложению самого разумного депутата и разошлись бы в первый же день. Да где им! Они ведь поклялись нас защищать до полного разрушения России. Чтобы было нам потом что восстанавливать под дулами автоматов.

Что же нам остается? Верить в здравый смысл русского и всех других народов России. И не только верить, но и делать все, чтобы как можно больше людей пришли на референдум и сказали «да» президенту и его политике, сказали «нет» депутатскому съезду. И когда этот съезд на законном основании прекратится, мы облегченно вздохнем и скажем: «Вот оно, счастье».

Вадим Белоусов
Ставрополь

«На какой же корке поскользнулся Зорькин?»

Люди, не мыльте себе веревки!

Не желаем подражать вашему Суворову

■ Статья А.Злобина «Санитарный день» (№ 12/93) всколыхнула мою память. Я тоже хорошо помню тот мелкий моросящий дождь в день похорон Н.С.Хрущева. Узнал об этом печальном событии из передач «Голоса Америки» и «Немецкой волны». Вместе со своим однокурсником попытался попасть на территорию Новодевичьего кладбища. Но это оказалось невозможным — кругом было милиционерское оцепление. Беспрепятственно пропускали только иностранных дипломатов. К могиле бывшего руководителя СССР я смог подойти только через два дня, когда кладбище вновь открыли. Возложено было всего лишь три венка — от ЦК КПСС, Совмина и лично от Микояна. Странно было ви-

деть рядом с могилой милиционера. Необычной была и фотография Никиты Сергеевича: сильно постаревшего, без звезд Героя, без галстука...

Через полгода я снова навестил Новодевичье — на этот раз в сопровождении туристов из ГДР. Мы стояли возле могилы Хрущева с зажженными свечами. Одна девушка читала стихи Гейне — и это звучало очень естественно на могиле Человека с большой буквы, который всем нам дал свободу...

Потом я решил навестить места, где в последнее время жил Никита Сергеевич. Из итальянской газеты «Унита» удалось узнать адреса — Барвиха и Петрово-Дальнее. В Барвихе разговаривал со старожилами, но ничего не выудил. Зато в Петрово-Дальнем довелось увидеть, хотя и издали, двухэтажную дачу, где Хрущев провел свое последнее лето 1971 года.

Вячеслав Малахий,
юрист
Москва

■ В России свято чтут имя известного полководца Александра Суворова — в 60 сражениях он участвовал и все 60 выиграл. Но, может быть, россиянам интересно знать, как относятся к полководцу в Беларуси?

В XVIII веке Беларусь входила в состав Речи Посполи-

Рисунок Владимира Ненашева

той. И впервые на землю Беларуси Суворов ступил в 1769 году. Для чего? Для подавления выступления польско-белорусско-литовской шляхты против короля Речи Посполитой, проводившего пророссийскую политику. Немало наших соотечественников уничтожил Александр Васильевич по приказу российской царицы. Биографы фельдмаршала писали: «В проходе Суво-

рова через Литву (читай — Беларусь) усмирены многие мятежи и беспокойства». Ясно, какой ценой. Вот таким вошел Суворов в нашу историю. И тем не менее министерство обороны Республики Беларусь провело в Центральном доме офицеров военно-научную конференцию «А.В.Суворов и наше время». А темы выступлений звучали так: «Сохранение памяти о Суворове как фактор укрепления дружбы между Россией и Беларусью», «Жизнь и деятельность Суворова — достойный пример для подражания». В чем же мы должны ему подражать?!

Иван Стацевич
Витебск, Беларусь

■ Президент России призвал нас проявить свою гражданскую активность на референдуме — в цивилизованных рамках. Надеюсь, ниже следующие сочиненные мною строчки за эти рамки не выйдут.

*Слишком помнит наш народ
Дьявола усатого,
Чтоб на шею посадить
Руслана Хасбулатова.
Закружилась голова:
«Ну, кому давать права?»
На какой же корке
Поскользнулся Зорькин?
Тяжко нашим депутатам —
Все с любовью крутятся,
Вчера клялись КПСС,
Нынче — Конституции.*

В.Авдеева
Якутск

Подборку подготовила Т.Чернова

В нарушение Декларации прав человека

■ Одно из самых больших достижений России после августа 1991 года была полная свобода всех средств массовой информации (телевидения, радио, прессы).

Сегодня каждый россиянин имеет возможность получить информацию из самых разнообразных газет и журналов. Начиная от «Памяти», «Труда», «Советской России», «Дня» до «Независимой газеты», «Аргументов и фактов», «Московских новостей», «Известий», «Московского комсомольца», «Невского времени», «Смены», «Часа пик» и так далее.

По разным каналам российского телевидения можно увидеть выступления: президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина, членов правительства и в равной степени спикера парламента Р.И.Хасбулатова, членов Верховного Совета и не только представителей разных политических фракций, но и таких политических деятелей, как бывший генерал КГБ А.Стерлигов и даже выпущенные на волю гачкачеписты А.Лукьянов, В.Крючков и другие.

Однако такая свобода средств массовой информации, видимо, некоторым политическим деятелям, привыкшим к другим порядкам, была не по душе. На предыдущих съездах народных депутатов уже несколько раз пытались

внести коррективы, и вот наконец IX съезд народных депутатов Российской Федерации 28 марта вынес решение о создании наблюдательных советов для контроля над средствами массовой информации.

Московская и Санкт-Петербургская группы Международного общества прав человека обращаются прежде всего к Конституционному суду, к правоохранительным органам и к российской общественности — предотвратить попытки навязать свободной прессе цензуру!

Наблюдательные советы — это и есть не что иное, как начало введения цензуры.

Этим нарушается Всеобщая декларация прав человека, ст. 19-я: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Любая цензура, независимо от того, от кого она исходит, нарушает Всеобщую декларацию прав человека.

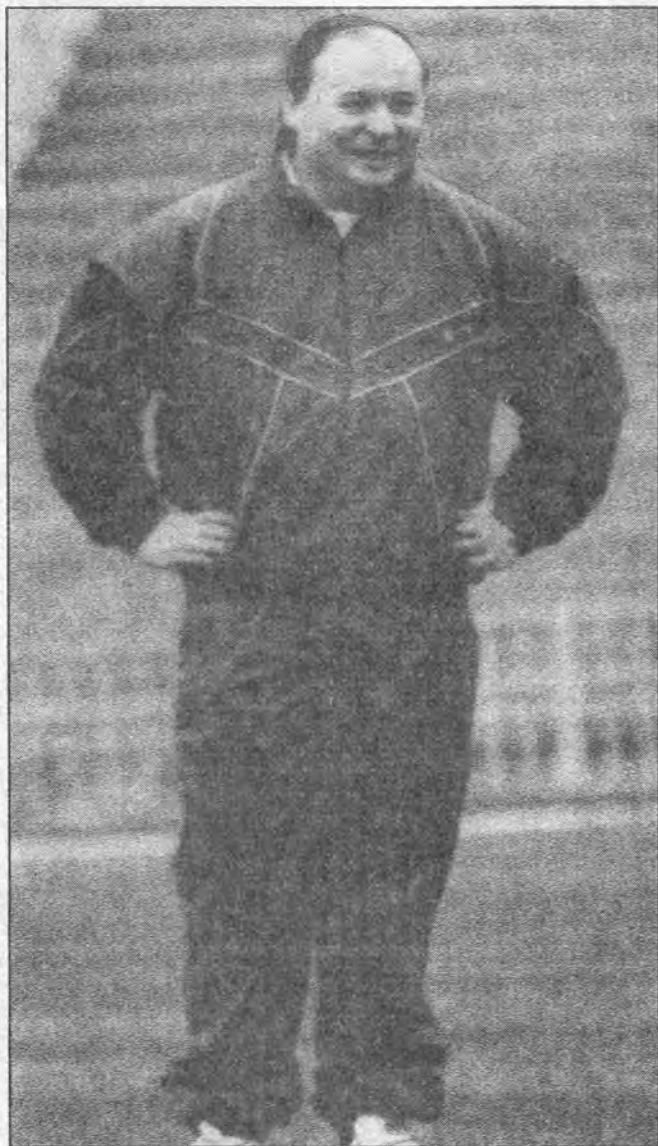
В цивилизованной стране цензура средств массовой информации недопустима.

Московская и Санкт-Петербургская группы МОПЧ
А.Магид, Б.Миллер, Ю.Рыбаков, А.Штамм

Егор Гайдар:

Как легко можно было бы все решить,

если бы у нас в Верховном Совете было парламентское большинство.
Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде, где
ТОЛЬКО МОЖНО

«Правительство — не единственный игрок на поле политики...»

С Егором Гайдаром беседует **Марина Шакина**

«Новое время». Сейчас в связи с референдумом все говорят о новом старте. Представим, что мы вновь оказались в осени 1991 года. С вашим нынешним опытом и вашими нынешними знаниями все бы вы делали так же, как тогда, или нет?

Егор Гайдар. Я бы делал примерно то же самое. По моему глубокому убеждению, принципиальные решения в экономике были предопределены набором обстоятельств. Главное из них состояло в том, что к тому времени механизм директивного управления хозяйством полностью вышел из строя.

Вот один из характернейших примеров. Заготовка зерна всегда у нас проходила из-под палки. Как вы думаете, насколько сократились поставки зерна на следующую неделю после августовского путча?

«НВ». Процентом на пятьдесят?

Е.Г. В четыре раза. Заготовки зерна исторически в нашей стране — самый красноречивый показатель состояния экономики. Так было и в 1917, и в 1921, и в 1927 годах. Осенью 1991 года они практически остановились. И так было по всем направлениям.

Вспоминая ту ситуацию и оценивая ее сегодняшними глазами, я прихожу к выводу, что, возможно, принял бы какие-то иные кадровые решения. Но за все время, что прошло с начала реформы, я не услышал ни одного убедительного предложения, как можно было бы действовать принципиально иначе.

«НВ». Новый руководитель правительства, на ваш взгляд, продолжает прежний курс, ваш курс?

Е.Г. Те, кто его выбирал на съезде, ждали от Виктора Черномырдина полной смены экономической политики. Без всякого сомнения, у нового премьер-министра были колебания. Ведь правительство — это орган, который постоянно испытывает на себе все виды давления, лоббирования. Именно в правительстве пересекаются различные интересы, противоположные устремления. Там всегда борьба и противостояние.

Сегодня в правительстве совершенно четко обозначились — не буду называть имена — два крыла. Одно крыло выступает за продолжение реформы, другое хотело бы по меньшей мере ее замедлить. Надо отдать должное новому председателю Совета Министров —

твердого выбора в пользу второго крыла он пока не сделал.

«НВ». Правительству не дают толком работать — один съезд следует за другим. И все же: на ваш взгляд, действия кабинета Черномырдина отвечают требованиям реформы?

Е.Г. Как у всякого человека, который побывал у руля и впоследствии вынужден наблюдать процесс управления со стороны, у меня возникает бесконечное число мелких замечаний: и это надо было сделать не так, и то — по-другому, и здесь неправильно... Но, честно говоря, я предпочитаю держать свои замечания при себе. Такие придирики, по моему, всегда некрасиво смотрятся.

Сюрпризы в премьерском кресле

«НВ». Когда вы по сути дела возглавили правительство и вступили во владение исчерпывающей информацией о состоянии экономики, содержала ли эта информация какие-то сюрпризы, откровения для вас? Было ли то, о чем вы не подозревали, будучи только ученым?

Е.Г. Все сюрпризы носили крайне неприятный характер. Один из них был связан с состоянием валютных резервов. Я знал, что положение напряженное, однако масштабы нашего валютного краха до вступления в должность были для меня не ясны.

В экономической теории считается, что критически минимальный

валютный резерв государства равен стоимости месячного импорта страны. Я надеялся, что у нас есть хотя бы средства на десятидневный импорт. Оказалось, что у нас валюты всего на несколько часов импорта. Государство не только стало неплатежеспособным, но и вычерпало все резервы российских предприятий, которые хранились во Внешэкономбанке.

Еще один малоприятный сюрприз — состояние стратегических запасов. В конце 1991 года нам пришлось латать дыры в экономике, постоянно залезая в государственный резерв, и его состояние оказалось хуже, чем я ожидал. Правда, к концу 1992 года ситуация начала исправляться.

«НВ». Есть такая точка зрения: у нас в стране существовала мощная экономика, которую пришедшие к власти демократы довели до ручки. Когда вы заняли свой пост, было ли у вас ощущение, что вам доверили могучую экономику?

Е.Г. У меня было то же ощущение, что и у всех. Давайте посмотрим телехронику того времени, прочитаем газеты. Отовсюду сквозило ощущение надвигающейся катастрофы. Это было предчувствие настоящего краха — то есть ситуации, когда в Москве не будет воды, света, остановится транспорт, прекратится подвоз хлеба... Эти настроения отражали представления общества о состоянии экономики, а общество, как правило, сильно не ошибается. Искусственно создать

такое ощущение невозможно. Все мы помним дикую беготню по очередям — хлебным, молочным, возгласы «дают!». Что дают? Мойву дают...

Было ощущение, что экономика катится по заведенному пути, что мы производим вещи, без которых в условиях кризиса, строго говоря, можно обойтись, множим долговстрой, наращиваем производство ядерных вооружений. И одновременно — нет хлеба, картошку не подвозят, затухают коксовые батареи. Было ощущение предельной слабости критических звеньев хозяйства — ощущение общее, внепартийное и поэтому в значительной мере реальное.

ВПК — не миф

«НВ». А подлинные размеры военно-промышленного комплекса не стали для вас новостью?

Е.Г. Нет.

«НВ». Не могли бы вы назвать цифры, чтобы и мы тоже смогли себе представить советский ВПК, доставшийся нам в наследство?

Е.Г. К сожалению, это очень трудно сделать. Не потому, что отсутствует информация, а в силу объективных проблем измерения. Чтобы подсчитать объем производства ВПК, надо называть цены. Какие? Затратные цены ни о чем не говорят — оборонка практически бесплатно получала лучшие материалы, свободные деньги, валюту, потребляла ресурсы самого высокого качества.

Можно взять мировые цены и попытаться сравнить: сколько стоит наш уборочный комбайн на мировом рынке и сколько — наш танк, наши ракеты, во сколько вообще обходится содержать такую военную машину. Но тогда мы получаем парадоксальные цифры — выходит, что ВПК один производит больше, чем объем всего нашего валового национального продукта. Это преувеличение, но довольно близкое к истине. Вся советская экономика обслуживала ВПК, существовала для того, чтобы он мог работать.

«НВ». А сколько людей работает на армию?

Е.Г. В российской промышленно-

Рисунок Марата Таурова

сти всего занято 23 миллиона человек. Из них семь миллионов — в военно-промышленном комплексе.

«НВ». А скажите, пожалуйста, это не миф — наши достижения в области вооружений, высокая технология, которой оснащены оборонные заводы?

Е.Г. Нет, ВПК, надо сказать, не миф. У нас есть великолепные системы вооружений, даже превышающие мировой уровень. До прихода в правительство я разделял ваш скепсис, так что это открытие тоже стало для меня сюрпризом.

Я бы сказал, что за деньги, которые имеются в нашем распоряжении, такие системы вооружений купить на мировом рынке совершенно невозможно. Страна нашего уровня развития такого позволить себе не может, если она хочет иметь что-то помимо оружия.

«НВ». Вас сильно критиковали за политику в области конверсии. Вы и сейчас готовы подтвердить правильность своих шагов?

Е.Г. Да. Нам удалось дать мощный импульс к демилитаризации нашей экономики.

Конечно, я понимаю людей, которые всегда будут критиковать эту политику, — конверсию так не проводят, надо демонтировать военную промышленность постепенно, каждый год на пять процентов сокращая объем производства. Это правильно... для стабильных процветающих экономик с заполненным товарными рынком. В январе 1992 года попытка медленной конверсии была бы, на мой взгляд, совершенно катастрофичной.

Во-первых, такими темпами мы никогда бы ничего не конверсировали. Во-вторых, не сумели бы задействовать свободные резервы. Сегодня уже ни у кого нет ощущения немедленного коллапса, хотя критика раздается со всех сторон — всё не так, всё плохо. Целый год мы продержались потому, что удалось использовать свободные ресурсы ВПК. За счет чего же мы весь год жили?

Мы оборонке сократили военный заказ, притормозили, сказали им: ребята, крутитесь сами, ищите рынки. Они люди опытные, ушлые, стали искать рынки и нашли их именно там, где больше всего горело. Прекратила Прибалтика поставку определенного вида комплектующих — тут же находится оборонный завод, который выходит на этот рынок. Не поступает оборудование с Украины — тут же находится другой оборонный завод, который осваивает рынок. Уходят бывшие поставщики стран СЭВ — их место занимает отечественная оборонка.

ВПК годами писал длинные обоснования, почему он абсолютно не приспособлен к тому, чтобы производить, скажем, нефтедобывающее оборудование. После начала ре-

За все время, что
прошло с начала
реформы, я не
услышал ни одного
убедительного
предложения, как
можно было
действовать
принципиально иначе

формы нефтяники оказались завлечены предложениями оборонных заводов.

ВПК уже привык, что не будет больше военного заказа в прежних объемах. Мы сократили оборонку на семьдесят процентов. Теперь главное — не наращивать ее больше. То есть страна вот это уже пережила.

Не верю!

«НВ». У вас есть ощущение, что низшая точка падения пройдена?

Е.Г. Если говорить об объеме производства, то низшая точка была пройдена в августе 1992 года. В сентябре уровень производства слегка повысился и с тех пор не меняется, если не считать небольших колебаний, связанных с сезонными или случайными явлениями. Например, в январе из-за большого количества праздничных дней наблюдалась небольшая «просадка», но в феврале объем производства восстановился. Эта картина типична для посткоммунистических экономик — они проходят низшую точку и затем в течение полутора-двух лет держатся на одной отметке. Затем появляются предпосылки роста.

Еще предельно напряженная ситуация с инфляцией. Есть небольшие признаки замедления ее темпов, правда, они очень ненадежны и могут смениться

противоположными тенденциями. Но просвет и здесь есть — с инфляцией надо постоянно работать, хотя это и очень тяжело.

Я очень боюсь политической нестабильности. В обстановке, когда непонятно, что будет завтра, ни наши, ни зарубежные бизнесмены не станут вкладывать деньги в производство. Если не будут уверены, что завтра у них ничего не отберут, не конфискуют, не поменяют политико-экономический курс на сто во семьдесят градусов.

Короче говоря, для экономического роста нужны стабильная исполнительная власть и стабильный парламент, которые хотя бы развития экономики на рыночных рельсах, и все кругом понимают, что они этого хотят. А у нас... Слышишь заверения депутата Саенко о том, что, дескать, все за реформы. Слышишь, но не веришь. И ладно, что я не верю. Не верят производители, не верят предприниматели. И не поверят.

И вторая опасность на пути к стабилизации — риск широкой раздачи благ и льгот. Когда в политической жизни происходит такая конфронтация, всегда есть искушение принимать популярные решения. Это понятно. Но очень опасно. Мы сейчас не в том положении, когда можно широкой рукой раздавать «подарки».

«НВ». Когда вы руководили правительством, приходила ли вам в голову мысль: «Как прекрасно я смог бы все сделать, если бы не было этого парламента»?

Е.Г. Приходила постоянно. Почти такая. Я никогда не думал, как хорошо было бы вообще без парламента — все-таки Россия наконец-то пришла к парламентаризму как одному из элементов демократии, и это надо ценить.

Я думал: «Как элементарно можно было бы все решить, если бы у нас в Верховном Совете было нормальное парламентское большинство!» Если бы нынешнее большинство не старалось навредить везде где только можно.

Правительство — лишь один из игроков

«НВ». Утверждают, что летом прошлого года вы все-таки уступили давлению директорского лобби, парламента и раздали дополнительные кредиты...

Е.Г. Это правда. Правительство — лишь один из игроков на политическом поле и к тому же не обладающий правом вето. Оно имеет возможность лишь уговаривать, убеждать, кричать.

Скажем, как раз летом прошлого года Верховный Совет обсуждал бюджет. Вопреки моим горячим протестам депутаты с голоса внесли поправку в бюджет, увеличив расходную часть на восемь процентов валового национального продукта. После этого любые разговоры о стабилизации были, вообще говоря, беспочвенны.

Было два варианта — либо немедленно подавать в отставку. Либо по-

Сегодня в правительстве обозначились два крыла. Одно — за продолжение реформы, другое — по меньшей мере за ее замедление

пытаться сохранить позиции на тех направлениях, где это возможно. Мы как раз начали массовую приватизацию, бросать ее на произвол судьбы не хотелось, хотя было совершенно ясно, что инфляционный удар, который обрушится на экономику вследствие этого решения парламента, будет страшен.

«НВ». Ваши отношения с депутатами были на виду. А с Ельциным вы находили общий язык?

Е.Г. Я считаю, у нас было взаимопонимание. Но взаимопонимание, опирающееся на разделение ролей. Президент всегда очень внимательно слушал и неплохо воспринимал доводы экономические, но сам при этом во время обсуждения выдвигал аргументы социально-политические. И это естественно. Если бы в экономике не было социально-политических ограничителей, то по схеме много чего можно было бы сделать. Но нельзя не считаться с людьми. Иначе все взорвется.

Госплан желает возродиться

«НВ». Вы более года проработали на грани экономики и политики. Кое-кто прочит вас в лидеры демократического движения. Как вы сами к этому относитесь?

Е.Г. Ой, вы знаете, я настолько не вижу себя лидером какого-либо движения!

Что бы я действительно хотел сделать — так это всячески

способствовать единству и взаимопониманию между политиками, которые выступают за цивилизованный рынок. Я знаю, как демократы слабо приспособлены к совместной работе, да еще в условиях кризиса. Но все, что я могу для этого сделать, я сделаю.

«НВ». А если вас снова позвонят возглавить правительство? Пойдете или с вас достаточно того тяжелого опыта, который вы приобрели?

Е.Г. Ну я же не красная девица. Если будет возможность сделать что-то разумное, то, разумеется, пойду.

Это совершенно ужасная работа. Но, знаете, у меня постоянное чувство, что я отвечаю за все, что происходит. Сегодня я уже не имею возможности повлиять на происходящее, но ответственности с меня никто не снимал, потому что мы это начали. Поэтому мы будем стараться делать все, чтобы количество выбоин на дороге стало меньше.

«НВ». Ваши коллеги-ученые, в том числе и ваши непосредственные учителя, не переставали критиковать вас. Вы знакомы с их аргументами, вы видели реальную картину, вы сами пытались что-то сделать. Скажите, есть ли все-таки альтернатива нынешнему пути или нет?

Е.Г. В январе 1992 года никакой альтернативы не было. Сейчас уже есть некоторая свобода маневра и можно спорить. Я сколько угодно готов спорить об альтернативных подходах в приватизации. Но следует понять: если мы хотим поменять модель приватизации, то давайте переводить разговоры в практическое русло, давайте ломать сложившееся нормативное регулирование. Если вы думаете, что мне сильно нравится закон о приватизации, принятый еще до подготовки правительственных документов, то вы заблуждаетесь. Там много, мягко говоря, странностей.

Но мы даже не пытались толком этот закон ломать. Надо было воспользоваться всем, что в нем было хорошего, и запустить процесс. Или приватизации не будет вовсе. А спорить можно несколько лет, у каждого спорщика будут свои аргументы, и аргументы не бессмысленные.

Экономика уже не сможет работать без рынка. Я знаю, что кое-кому предлагали восстановить Госплан. Но его не восстановишь. А рынок не может работать без приватизации — извините, я говорю безумные банальности. Но тем не менее это так. Если рынок не может без приватизации, то ее нельзя останавливать, как бы нам ни хотелось вести теоретические дискуссии о том, какая модель лучше.

Фото Алексея Сазонова и Юрия Штукина

Рисунок Владимира Мочалова

Августейшая дюжина

Удовольствие видеть заседания ГКЧП на скамье подсудимых превышает возможные огорчения от долгожданного процесса

Александр Пумпянский

Суд над ГКЧП начался с замечательного хода защиты. Безошибочно найдя слабое место в обвинении в лице самого главного обвинителя — генерального прокурора Степанкова, которого попутал беслитературного то ли честолюбия, то ли корыстолюбия, подсудимые и их защитники потребовали отвести прокуроров и следователей, которые находятся в отношениях должностного подчинения с генеральным прокурором, а это в наших условиях абсолютно все прокуроры и следователи. Они также потребовали отвести данный состав суда, поскольку судьи военные, а раз так, то ходят под военным министром Грачевым, к которому у защиты свои претензии, а это все военные судьи страны. Взамен они порекомендовали создать институт независимых прокуроров, во-первых, и суд присяжных, во-вторых.

Верните Крым на время суда

Обе идеи, безусловно, плодотворны. Что, однако, мешало нашему первому (еще до Хасбулатова) законнику Лукьянову выдвинуть эту идею в порядке законодательной инициативы в свой час? В Верховном Совете СССР, помнится, у него были кое-какие возможности. Что мешало достойному синклиту партии и правительства, каковым работала августейшая дюжина нынешних подсудимых, реформировать нашу явно отсталую судебную-следственную и вообще пенитенциарную систему? Это было бы, безусловно, предусмотрительно, гармонично сочетало бы будущий личный интерес с давно созревшим общественным и освободило бы сегодня высокопоставленных сидельцев от возможных обвинений в вымогании спецпривилегий.

...Кроме того, защита очень справедливо и уместно отметила целый ряд несообразностей, чтобы не сказать несуразностей, которые изменили весь ландшафт ситуации, геополитическую карту того, что обвинение называет преступлением, а обвиняемые по обстоятельствам — то исполнением служебных обязанностей, то выполнением гражданского

долга, то подвигом коллективного Матросова, бросившегося на амбразуру в безнадежной попытке спасти гибнущую страну. И действительно. Из тяжбы обвинения и защиты может быть и не так ясно, кто был президент Горбачев в августовских событиях — первая жертва или главный злодей, но совершенно ясно, что он уже не президент. И Форос уже не Форос, во всяком случае Крым уже совсем не российский, а украинский. Так что не сразу и поймешь, тянет ли кого-то на место преступления или просто за границу. И откуда тянет? Из страны, которой нет, которая дружно развалилась в одночасье, стоило ее правителям пересечь из кабинетов всевластия на скамью подсудимых.

А как могут российские должностные лица судить за преступления, совершенные в СССР? Без Туркмении, без Эстонии, без дружной семьи народов? Нет, вы соберите междуреспубликанский, международный (в рамках бывшего СССР) суд! Верните России Крым — хотя бы на время суда! Восстановите сначала СССР, восстановите его юрисдикцию и тогда уже во избежание любых логических противоречий и юридических контрверзов судите по его законам.

Ну а после суда, если на то пошло, все можно положить на место.

В России любят импичмент

Впрочем, на место уже, подозреваю, придется класть кое-что другое. Потому что если ради суда над дюжиной заговорщиков надо восстановить страну, которую они по глупости развалили, то после оправдательного приговора эту страну придется уже удерживать силой. Невинно пострадавших от событий действий надо будет вернуть на места прежней работы, для чего восстановить сами эти места — начиная с КГБ СССР и его председателя. Мало выплатить зарплату за весь срок, который они поневоле вынуждены были коротать с адвокатами, врачами и литературными агентами, — инфляцию все равно не догнать. Самое здоровое ради моральной сатисфакции продвинуть их на места, на которых они сами себя и утвердили в огла-

шенных и неоглашенных декретах.

Вице-президент Янаев, без сомнения, должен быть объявлен — пусть даже и задним числом — президентом СССР. Уверен, что это не вызовет в обществе возражений. За последнее время мы вполне свыклись с мыслью, что вице-президенты у нас и сами с усами и плох тот вице-президент, который не мечтает стать президентом еще при жизни своего президента.

Правда, Янаев избрал для этого несколько громоздкий путь, но ведь не вина, а беда его, что союзный парламент был не столь совершенен, как нынешний российский. На то и прогресс, на то и поступь демократии, из всех благ которой российскому человеку ближе всего импичмент. Так что впредь будем плясать от импичмента. Ну а тогда пришлось прибегнуть к танкам.

Под лебединую песнь

Дело ГКЧП — просто показательный случай очевидного-невероятного. Что бы ни происходило за кулисами власти до Фороса, во время Фороса и после Фороса, совершенно ясно одно: утром 19 августа под лебединую песнь ввели в стране новое — декретное! — время и в подтверждение ввели в Москву, столицу нашей Родины, войска. Против кого была поднята армия вторжения? Против внешнего врага? Ни одного империалиста, сиониста, диверсанта, саботажника либо «агента влияния» обнаружено, однако, не было. Армия была поднята против собственного народа. Армия должна была шугануть демократию.

В разбухенной демократией стране жизнь вышла из-под контроля верхов, и неудачливые хунтари решили пресечь все процессы разом, установив или, если хотите, восстановив традиционную — без оттепелей и перестроек — социалистическую диктатуру. То, что попытку

Руководитель — он и на суде руководитель

Фото Юрия Гринаса

эту предприняли не неизвестные заговорщики, а «первые лица» государства, тоже не меняет дела.

Они пошли ва-банк и по всем привычным расчетам должны были выиграть. На их стороне были партия, армия, органы, правительственный аппарат. Вся 70-летняя история политического режима, который можно назвать постоянно действующим заговором против народа, весь опыт дворцовых интриг, перетрясок и переворотов от 1937 до 1964

годов, внушали это. И такой оглушительный провал!

Новые Феликсы оказались недостаточно железными

К тому же они страдали куриной слепотой.

Приговор им был вынесен тогда же. Горбачев сформулировал его уже 18 августа с несвойственной ему лаконичностью и экспрессией: «Мудак!»», освободив еще одно слово от

бремени цензуры и внеся тем самым новый вклад в дело гласности и свободы выражения. Три дня спустя Язов согласился со своим главнокомандующим, горестно и самокритично назвав себя «старым дураком». Волна громких самоубийств показала, что проигравшие признали приговор окончательным, не подлежащим апелляции.

Теперь они снова корчат из себя героев и уже судят нас.

На самом деле они никому не нужны, никому не интересны, кроме самих себя, своих чад и домочадцев.

Ясно, что процесс будет очень длинным и, после того как он перестанет быть в новинку, очень скучным. Откровений в нем не будет, завлекательные намеки и обещания — все пустое. Что могут сообщить подсудимые такого, чего они не говорили и чего мы не знаем?

Что их всех подобрал и вознес лично Горбачев? Что он их ни в грош не ставил и при этом все равно недооценил? Это и так всем известно.

Мы цивилизуемся. За это надо платить

В этом процессе будет много юридических трюков, апелляция к прессе, в том числе, а может, и в первую очередь к зарубежной. Как ни странно, это должно нас скорее радовать. Значит, мы цивилизуемся. Время внесудебных троек и скорых судов прошло. Можно ли представить себе, чтобы в 1937-м решение отложили из-за болезни подсудимого? Или чтобы адвокаты Щаранского, Григоренко или, скажем, Рокотова отводили судей? Наши герои будут пользоваться всем этим без зазрения совести, и слава Богу! Тем самым они по-своему признают ценность демократии.

Перед нами наши последние вожди, плод эволюции Системы, итог жесткой кадровой селекции. Они не кажутся нам венцом мироздания? У них за душой нет ничего, что внушало бы уважение, — ни выстраданной идеи, ни достойного дела? Тем более, тем более...

И это последние защитники СССР? Упаси Господь от таких защитников! И от того, что они защищали.

Нет, пусть уж лучше ГКЧП собирается открыто, у всех на глазах, в зале суда 365 дней в году. Будем считать, что они нашли свое место. И как бы ни звучал приговор, который рано или поздно огласит военный судья Уколов, содержания процесса уже не изменить. Это суд над государством, которое безраздельно правил нами.

Господь Бог послал нам дюжину старых — вне зависимости от возраста — напыщенных идиотов, за которыми ничего не стоит и одновременно стоит история Системы, некогда всемогущей, а ныне абсолютно разложившейся, чтобы, глядя на нее, мы поняли, откуда мы родом, как далеко или недалеко мы ушли и что возврата назад нет.

Наберемся терпения. И юмора.

Политика прежде права

Леонид Баткин

Почти двести лет тому назад, когда кое-где в Европе и Северной Америке начали приходить к гражданскому правопорядку и демократическому образу жизни, у нас Сперанский и Пестель выступили с первыми проектами-химерами.

Так и повелось.

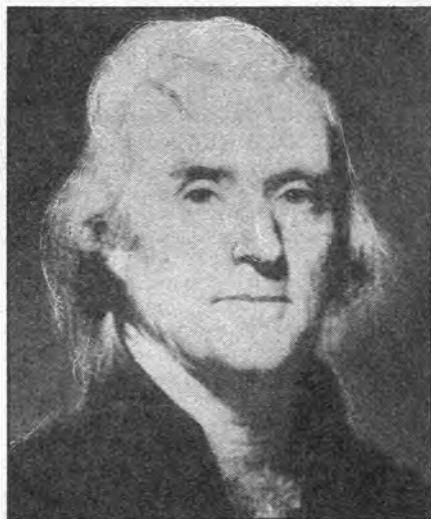
Основной закон, по которому степь плодородит, и диссиденты

«Там» конституционность — отказ от господства силы, освященной обычаем, и от сословной иерархичности — постепенно, мучительно, но основательно становилась политической действительностью. А формализм права — наиболее предметным, конкретным выражением самого существа повседневных отношений индивидов между собой и с государством, то есть их гражданского равенства.

«Здесь» же поныне сохраняется органическое непонимание всякого «формализма», отвращение к нему. Со времен московских дьяков и петровской петербургской бюрократии он связан в сознании не с законом, а с законниками. Сиречь с крючкотворцами и мздоимцами. По средневековой традиции выше «юридизма», выше права писаного мы ставим решение «по совести, по справедливости», иначе говоря, смутное воспоминание о давным-давно исчезнувшей общинной норме. Воплощением и дополнением к этой норме представлялась высочайшая царская воля. Искать «правду» надлежало в миру или ехать в далекую столицу за чудодейственным ее восстановлением. Так пушкинская сирота Маша Миронова отправилась к матушке Екатерине. Так совсем недавно советские люди писали в «ЦК» и «на Съезд». Что бесполезно, так это обращаться в ближайший суд...

Поэтому, кто такой сегодня в России конституционалист? Или поневоле все еще несколько мечтательный, хотя и, как никогда, работающий в створе реалистического будущего, политик с воображением. (Но тогда он обязан — попробую показать это ниже — быть последовательным отрицателем наличной «конституционности».) Или гораздо чаще это обыкновенный советский полуневежда, циник и лгун.

Либо «конституционность» остается фанерной декорацией и поводом для утомительно малограмотной риторики. Либо же это самоновейшая послеавгустовская (в продолжение «перестройки») игра, требующая непривычной и почти увлекательной профессиональной (?) ловкости, важнейший элемент так называемой «политической тактики» при уже не тоталитарном, еще не демократическом режиме. Это также туман в головах некоторых искренних и благонамеренных людей, которые по-

«Там» конституцию принимали на века: до сих пор в США живут по конституции, разработанной Джефферсоном

Павел Пестель — автор «Русской Правды», отец-основатель российской традиции утопического конституционализма

Как разрешить кризис конституционности, которого нет, поскольку нет еще самой конституционности

лагают, что лучше все-таки хоть такая, переходная что ли; ежедневно и прилюдно насилюемая видимость «конституционности», чем отбрасывание даже видимости. Такие люди убеждены, что тем самым они предотвращают физическое насилие и прививают к нашему общественному стволу некое правовое сознание, прививают к настоящему будущее, облагораживают его. Помоему, они жестоко ошибаются, перенося в совершенно иную, нынешнюю ситуацию правозащитную установку 70-х годов.

Оглянемся назад. Сперва, как известно, страна дождалась «самой демократической в мире» конституции, исключительно благодаря массовому террору... Именно ГУЛАГу соответствовал и в паре с ним существовал («в плепорцию», как говорят толстовские мужики) «Основной закон», «по которому степь плодородит». Тем самым советский конституционализм во всей своей беспримерной мнимости вошел в фундаментальный состав сталинско-брежневской системы. Его лицемерие было всепроникающее и принципиально. То есть его иллюзорность куда глубже и насущней, чем просто пропаганда: она и есть действительность. Его ложь есть правда. Оруэлл тоньше и раньше всех понял эту укорененность советского абсурда, назвав, как мы хорошо помним, «двойным сознанием».

Приходилось танцевать от этой печки. Диссиденты решились истолковать подобное сознание не как двойной запас прочности режима, а, скорее, как его ахиллесову пятую. Но тем самым им первым и довелось посчитаться с мнимым «конституционализмом» всерьез. «Соблюдайте собственные законы» — вынужденный, а вместе с тем искренний лозунг правозащитного движения. Как раз в точке наибольшей извращенности нашей жизни они нащупывали упор для ее оздоровления. Таким образом, правоза-

питники могли одновременно и выступить как прирожденные люди этой страны, советские люди, и быть самими собой, то есть антисоветчиками. Они принялись взрывать двойное сознание изнутри него же! Они с поразительной простотой выходили протестовать против советского конституционализма — в День Советской Конституции. Как если бы принимали ее безусловно. Слово она — реальность. Задумчивый Пушкин раз в году склонял к ним голову и молчал вместе с ними.

О, конечно, это было также и приемом, военной хитростью и тому подобное. И кагэбэшники, конечно, сие понимали, и диссиденты знали, что «они» понимают, и «они» знали, что диссиденты это знают... Однако почему хитрость все же оказывалась небезуспешной, сохраняла остроту, была источником нравственной силы? Потому что не сводилась к хитрости. И, если на то пошло, вообще была никакой не хитростью. Советская власть не соблюдала своих законов, они принимались не для этого. Но для чего-то ведь они принимались. Кто тут был падишахом, кто — Шахерзадой? Так или иначе без этих сказок были бы немислимы прожитые нами тысяча и одна ночь. И правозащитники жертвовали собой ради прямого смысла «дозволенных речей». Они полагали смысл действительным; но, стало быть, действительность — бессмысленной. А потому — поставленный под знак перемены.

Власти же в ответ... сочли необходимым изобрести «119-ю прим», ввести в конституцию «статью шестую» и прочее. Казалось бы, зачем?! И так сходило и сошло бы. И так художественно степь плодородила... Но система, пестовавшая свою системность, очень нужен был мнимый формализм и дороги формулы мнимости.

Чтобы верно оценить сегодняшний социально-психологический парадокс «кризиса конституционности», припомним небывалую исходную ситуацию до 1987 года, когда обеим воюющим сторонам, и политической полиции, и правозащитникам, приходилось — диаметрально противоположным образом — действовать так, как если бы советская законность не была в их глазах лишь видимостью и прикрытием.

Фарисейство властей. И трагическая двойственность их открытых противников, смевших надеяться дожить до поры, когда режим станет более цивилизованным, открытым, смягчится — но не до его крушения.

II

Советская власть разучивает конституционные па

Это не прошло бесследно. При Горбачеве власти попробовали подправить, смазать и завести никогда не работавший «конституционный» механизм. И как-то оживить соответствующий словарь, пополнив его даже «правовым государством»,

«плюрализмом», «парламентаризмом», «гласностью», а также — о, Эллочка-людоедка! — примененным совершенно неуместно, но ужасно красивым заграничным словом «консенсус». Система хотела спастись, насосавшись горячей кровью своих ненавистников, кровью их понятий. Ясно, впрочем, что понятия тут же скукоживались. Советская власть, старательно разучивавшая общепринятые процедурные и конституционные па, выглядела невероятно: ни дать ни взять — свинья в бермолке.

Тем не менее незабвенный I съезд в 1989 году всех ошеломил, был по-долгине историческим. Ведь главная черта прежнего ритуала состояла в манекенности, заученности. Лица исполнителей — кроме разве что Первого Лица — ранее были почти неразличимы, поскольку критерий качества исполнения начисто отсутствовал, был бы неуместен. Новый же, «перестроечный» ритуал, начавшись в мае 1985-го с говорения Горбачева без бумажки, допускал — а что было делать? — элемент импровизации. Начались сюрпризы. Их видели и уже азартно ждали миллионы людей. Новый ритуал, пусть квазипарламентский, пусть унаследовавший декоративные, интриганские, лживые свойства прежнего, все же предъявлял на глазах у всей страны требования к сноровке исполнителей. Он потребовал лиц!

Перебранки в прямом эфире уже сами по себе означали, что «советский конституционализм» передви-

нулся на иной, высший и заключительный виток своей исторической спирали. Попутно население начало усваивать некие «правовые» правила игры. Высветленная «гласностью» публично отработываемыми (и публично растаптываемыми) приемами чего-то вроде... неужто парламентской борьбы? — политика и впрямь возникала. Выделялась в особую специфическую сферу деятельности. О ней теперь могло судить и рядить общественное мнение. Заодно вдруг в нее проникло небольшое число непредвиденных начальством людей, независимых и порядочных. А правители, попав в прямой эфир, потеряли последние остатки значительности, за которую как-никак могла раньше сходить непроницаемая тайна.

На этом этапе друг на друга натолкнулись, смешались как обнадеживающие признаки изменений общества, так и опасные свойства инерции. Эта ситуация исторически двусмысленна. Во-первых, в стране возникли начатки правовых форм и сознания, то есть из советского конституционализма было выжато все, на что он был способен. А во-вторых, и по той же причине, то была его предсмертная судорога — с кисло-сладкими потешными ухватками какого-нибудь Нишанова с металлом в голосе и манипуляциями Лукьянова, с фантастическими эпизодами вроде незаконных выборов в марте 1990 года президента СССР на III съезде «в порядке исключения», вопреки только что принятым поправкам к

Рисунок
Аркадия
Гурского

конституции, предусматривавшим всенародное его избрание. Или вспомним нарушения регламента и подтасовки при выборах Янаева. Что хотели, то и воротили.

Собственно, все, что происходило далее и происходит по сей день, ничего принципиально нового к этому не добавило. Нынешние радители «конституционного пространства», как ни выразительно смотрятся, тех, недавних, не переплюнули. Мы дожевываем кислицы из горбачевско-лукьяновских урожаев.

Все дело, однако, в том, что тогда, повторяю, нельзя было не оценивать послебрежневский (и послеправозащитный) этап задействованного «конституционализма» как исторически по-своему содержательный, логичный и небесплодный. 1936 год... 1977-й... 1989–1991-й... Но когда агония советского государственного «права» затянулась, совпала также со следующим, послеавгустовским периодом ранних (ельцинских) реформ, из зажившегося квазиконституционализма стала быстро исчезать вот эта относительная, своеобразная политико-психологическая полезность и самих его неуклюжих кульбитов. То, что было, так сказать, естественным при

«Сталинскую» конституцию написал Бухарин. К реальной жизни она не имела никакого отношения. Она не смогла защитить даже самого автора

убыстрению конца, стало безусловной мертвой помехой для демократического начала. Все это выродилось, можно бы просто заявить, в анахронизм? Нет, хуже, соответствовало как раз тому, чему вместе с тем и помогло задержаться на российской сцене. То есть монополю государственной экономике и советскому классу управляющих. Причина и следствие отчасти (как, впрочем, это в СССР было и раньше) меняются местами.

Итак, «конституционализм» — если не самый важный, глубинный, то самый наглядный, непосредственно опасный, критический признак вдвинутости в «ельцинский» этап прежнего, «горбачевского» этапа. Как же это произошло?

III

В августовскую ночь все становятся убежденными правозащитниками

Августовский «путч» — подобно до этого, пусть в иной форме, и «новоогаревскому процессу» — был той же, давно знакомой, самовластной закулисной игрой верхов, с обязательными атрибутами «юридика» и «конституционализма». Не так уж отличалось 19 августа от всего предыдущего! Этой даме, советской власти, лишь пришлось, чтобы перепрыгнуть через давно обдумывавшуюся чрезвычайщину, все-таки приподнять подол. Блеф, прямой обман, Форос, трое погибших? Да ведь то же самое уже было в дни Тбилиси, Баку, Вильнюса и другие. И неотделимо от попыток соблюсти вид конституционной невинности, скрыть, солгать, употребить «правовые» процедуры и лозунги. 26 августа путчисты распрекрасно провели бы все на Верховном Совете!.. Сорвалось.

Позволю себе припомнить, что вечером 20 августа по «Эху Москвы» я счел необходимым сказать — хотя момент для этого был на первый

взгляд не совсем подходящий — и о том, что нам не следовало бы увлекаться идеей «возвращения законного президента» и «восстановления конституционного порядка». А что, спрашивал я, если бы президент Горбачев вздумал возглавить гэкачепистов — разве тогда нам не надлежало бы вести себя точно так же?..

Но провал «путча» сопровождался психологически и тактически понятным накатом «конституционалистской» лозунговости. А затем раздался крик о «недопустимости охоты на ведьм» (на самом же деле против устранения из некоторых государственных служб и с ответственных постов матерых функционеров партийно-советского режима). Все стукачи и мракобесы в одну ночь стали убежденными правозащитниками... Хотя в Белом доме, где в те дни у дверей председателя Верховного Совета РСФСР экспонировалась православно-монархическая выставка «Россия державная», никто не помышлял о большем, чем подключение к существующей политической системе новых аппаратных пристроек и выдвижение своих людей. Те же цы разжижили «демократии». Потрясающе и характерно, что именно после августа и роспуска СССР первым делом были заморожены... выборы в высшие и местные органы власти как-никак нового государства! Что, впрочем, совершенно отвечало традиционно верхушечному характеру реформы 1992 года.

Рухнули КПСС и СССР — но не советский конституционализм. И в этом смысле сегодня действительно есть «кризис конституционности» как самое непосредственное продолжение кризиса 1989–1991 годов, с точно такими же гримасами тогдашних «съездов» и «указов». Это знак нерешенности исторических задач русского общества в странном августе. Это плата за революцию без революционеров, за ее верхушечность, номенклатурность — простите: младонomenclатурность! — без мирной (на центральноевропейский лад) замены структур и людей, отношений власти и собственности. «Нестабильность» — не в более или менее неизбежных при таком грандиозном переходе элементах хаоса, чересполосицы, не в экономическом спаде, инфляции и тому подобном. А в том, что социальное качество и вектор этого перехода все еще не вполне определились.

Гайдаровская реформа — словно палка, разрушившая муравейник, сыграла и полезную роль, но была ограниченной и крайне непоследовательной в воплощении, в отношении своих положительных целей провалилась. Никто не может сказать, идет ли какая-то реформа и сейчас или плутает среди «текущих задач», попросту загнивает. Скорее, конечно, последнее. Мы зависли на полпути. Так больше продолжаться не может, это-то ясно. Будет либо более глубокое продвижение вперед,

либо попытка реставрации, либо что-то невообразимое, чего даже наша страна еще не переживала? Нечего пугать «гражданской войной» и «гибелью России». Россия не может погибнуть. Однако никто не в силах разглядеть более чем на два-три месяца вперед... Ну, «готовимся к севу»... как всегда. И вот это-то барахтанье, эта неясность пути и есть гнетущее всех ощущение нестабильности, неизвестности, тупика.

Апатия населения при таких тревожных обстоятельствах — мнимая. Такая апатия возникла вновь ввиду очевидного для всех вымороженного, фальшивого характера «политики», изжитости самой системы власти, а значит, и борьбы за эту власть. Такая апатия — изнанка тоскливой и гневной потребности в новой и продолжительной политике, в которой что-то значили бы мы сами, многообразные избиратели. Мы сами, народ (не очень, впрочем, люблю это романтическое и поношенное слово). Такая «патия» весьма неординарна, не обыденна и может вдруг перейти в свою противоположность.

IV

Не играйте в шашки с Ноздревым!

Но если сказанное справедливо, лежит на поверхности, то... не хватит ли с серьезными лицами толковать о «конституционности», уличать в ее нарушении Хасбулатова, съезды и прочее? Ничего они не нарушают. Или иначе: конституция такова, что не нарушать ее и невозможно. Или еще иначе: поскольку эта старая «конституционность» была и остается не самоцелью, а политиканским средством, поводом, уловкой, условностью, словесным жестом, лозунгом момента, теперь же стала концентрированным выражением гнилости новосоветской жизни, — она, «конституционность», только нарушениями и глумлениями над собою же и жива еще.

И в этом смысле кризиса конституционности все-таки, разумеется, нет, потому что нет еще самой конституционности. В последние месяцы и дни сотни раз говорилось и писалось, тут мне нечего добавить, что у нас нет парламентаризма, нет конституции и нет Конституционного суда, как и вообще независимых судов. Нет также «исполнительной» власти, так как — что она, собственно, исполняет, чью волю, какие законы? И как может существовать эта правовая «ветвь» при отсутствии дру-

Особенно начиная с

Брежневская конституция открыто ввела знаменитую 6-ю, провозглашающую всевластие КПСС

решения Конституционного суда по делу КПСС, решения вызывающие антиюридическое, грубо конъюнктурное («компромиссное», ибо, видите ли, большинство судей склонилось к еще худшему), отечественной игре в юризм пришел конец. Ибо конец настал двойному сознанию: утратив известную историческую почву, оно обратилось в примитивное шулерство. Теперь люди, настроенные истинно демократически и пытающиеся по инерции ухватиться за конституционность, всегда лишь проигрывают. Пафос «права» в нынешних условиях исчерпал недавнюю ценность относительно продвижений и приговоров к нему, невольно подключается к полководию демагогии, более того, распадается едва зародившееся в обществе правовое сознание. Разговоры о «конституционном пространстве», столь любимые особенно со стороны депутатов, прививают здравомысля-

щим гражданам безразличное равнодушие к закону. Как и с «демократией» и «демократиями», с этим самым «пространством» отчетливо связано ощущение лжи. Причем и президентские политики охотно декламируют о «конституционности», обмениваются на сей счет с рябовыми и астафьевыми взаимными упреками. Наконец, даже и люди независимые неизбежно начинают шустрить на эту тему. И чем больше слов о «конституционности», тем дальше общество отчуждается, разочаровывается, откатывается от подлинной,

то есть будущей, конституционности. И Запад, часто сбивый с толку, этого не понимает, декларирует поддержку нашим... правовым институтам, хотя бы и «несовершенному» парламентаризму, и тому подобное.

Не довольно ли? Грустно это или нет, но «конституционализм» — тот самый, нашенский, родной! — стал преградой для прихода правовой демократии, последним прибежищем негодяев, как выразился Лев Толстой о другом понятии, тоже прекрасном самом по себе, но, увы, совершенно зависящем от конкретного историко-политического контекста.

В послании Б.Ельцина Верховному Совету впервые официально была поставлена под сильнейшее сомнение наличная конституционность. Это хорошо, но, по-моему, недостаточно. Насчет «неправа» вывод сделан такой: мы должны двигаться от этого «неправа» к праву реальному... через право на ошибки. Сейчас этих ошибок, допустим, было 547 за год, потом будет становиться меньше и меньше? Так, что ли? Баланс права и «неправа» шаг за шагом должен улучшиться? Нет. Эволюции уже не получится. Нет условий, сил, просто времени. Видовые свойства не изменить, к березе ольху не привить, хотя Лысенко утверждал обратное.

Я лично в перепалках вокруг пустого места — советского «конституционного пространства» — участвовать не желаю. Кто-де «вышел» из него, а кто «не вышел». Вы сперва войдите в него...

Надо бы все продумать и выговорить до конца, не боясь выводов из положения вещей.

Если вышеуказанное «конституционное поле» — это что-то из области советской голографии, то и бессмысленно уличать Зорькина и его сообщики: новенькие мантии их не преобразили. Серьезные юристы превосходно и полезно уличили. Ну и что? А ничего... Незачем политикам, желающим действительной конституционной демократии, садиться играть в шашки с Ноздревым. Вы ему ход, правовой аргумент, параграф закона, а он стащит пашку с доски, и вся игра.

Думать, что можно будет через эти съезды и тому подобное «конституционно» перейти к отказу от этих же съездов, от этой же «конституции», короче, посредством советской власти от этой же власти, — вряд ли приходится... После референдума появится новый серьезный штрих, выветрится некое настроение, начнут толковать его, а беспорядок ожесточится еще более: это предвидеть несложно, это предсказывают все.

Какой же может быть выход?

V

Выход из политического тупика

Мое мнение: дело решится политическим насилием. Как?! А вот так, как решилось со съездом народных депутатов СССР и президентом СССР... (Кто-кто, а г-н Хасбулатов

Депутат Олег Румянцев мечтает остаться в истории отцом российской конституции

должен бы отнестись к этому с пониманием?..) Речь, упаси бог, не о физическом или ином насилии над живыми людьми, какие бы чувства они ни вызывали. Все они благополучны, кстати. Но — о насилии над мертвыми, унаследованными от РСФСР государственными институтами. О мирном **чисто политическом** решении проблемы.

Надо объясниться жестко, открыто. Ах, мы без «конституционного процесса», без законничества прямо-таки дышать не привыкли? Такие почтенные, цивилизованные слова. Очень хорошо бы. Только не стоит валять дурака, обманывать себя и других.

Ах, «политика — дело грязное, в ней нельзя не врать» (только и слышишь)? А вы — не врите. Не более это грязное дело, чем, скажем, коммерция. Или даже любовь. Можно вести себя чисто, порядочно, то есть **крупно!** — и потому выигрышно — и в этом, и в том, и в другом. Хотя мелочных, хитрых соблазнов предостаточно.

Проблема не в природе политической деятельности, которая в XX веке принципиально переменилась, став массовой, многопартийной и публичной, неизбежно открытой в главном. А в том, чтобы находились люди, достойные трудных и опасных исторических обстоятельств. Понятно, почему до сих пор их в бывшем СССР слишком мало. Порядочные люди еще недавно в «политику» (за ее отсутствием) не шли, только изредка разве что на каторгу, но для этого нужны не столько политические способности, сколько особый тип умственной чувствительности и особый род мужества.

Право выше политики лишь там и тогда, где и когда политика создает такое право, то есть политика раньше права. Это слишком известно и старо, но не перестает быть верным только оттого, что было аксиомой и для старика Маркса, за «разоблачение» которого теперь платят его ренегатам со Старой площади не хуже, чем раньше они получали за его обожествление.

Хотя бы ради идеалов **права**, пора вернуть достоинство и величие не менее цивилизованному слову: **политика**.

Но не отдаст ли сие призывом к так называемому «революционному праву», не опасна ли инстанция политической силы? Нет, если это сила созревшего для действий **общества**, а не насильственного аппарата и тому подобное. И если политика практически и неуклонно основывается на соблюдении — нет, не законов бывшего режима, но трех принципов, трех источников права, закрепленных в международных пактах. При чем каждый из этих принципов обладает собственной суверенной ценно-

До лета 1992 года Юрий Афанасьев, Глеб Якунин и Геннадий Бурбулис — единая «Демократическая Россия». После раскола движение заметно ослабло

стью, а не проистекает из остальных, тут нет их иерархии, все одинаково фундаментальны и применяются вместе.

Современная политика должна быть **переговорной и безусловно бескровной** (что означает также применение силы к нарушителям этого условия, вот тут пригодны и нынешние **уголовные законы**, но их-то советская прокуратура и прочие. — напомним о последних событиях в Петербурге, о прошлогодних событиях в Останкине и так далее — соблюдать не охоча).

Современная политика при любых обстоятельствах должна чтить и оберегать личные права, **права человека**.

Наконец, слом прежних властных структур должен основываться на **волеизъявлении граждан**, на свободных выборах, на решении большинства как законном источнике возникновения законности.

Надеюсь, я не сказал ничего нового.

После референдума 25 апреля, несмотря на запланированную двусмысленность, можно ожидать двух бесспорных, вопреки любым спорам, результатов. Мандат президента будет подтвержден в соответствии с процедурой, предусмотренной для выборов президента, то есть Б.Ельцин получит более половины голосов от числа избирателей, пришедших на референдум. И еще более значительным числом голосов — скорее всего, даже от списочного состава избирателей — население выскажется за роспуск нынешнего съезда.

Если произойдет именно так, дело — за политической волей.

Но такая воля нуждается не просто в благоприятном общественном настроении и не только в приятных

«наверху» решениях, а в объективных и мощных опорах. Иначе следствия плохо предсказуемы; опасность подмены воли произволом и хаосом слишком велика. По-моему, любой исход референдума ввиду отсутствия сейчас таких опор не станет «победой» демократии и сам по себе еще не откроет выход из политического тупика, не откроет прямую дорогу к правовому гражданскому обществу.

Тревожней всего два обстоятельства. У нас нет влиятельного, мощного, независимого от властей **демократического движения**, и само это слово испорчено, дискредитировано. Корни такого жалкого положения вещей надо искать помимо более глубоких, социально-исторических причин в деятельности (еще с весны 1991 года) руководства «Демроссии», в котором возобладали люди ограниченные, а то и небескорыстные, конформисты и политиканы. Вторая волна такого движения, возникновение настоящей парламентской партии вообще-то неизбежны.

Но пока условия для нового подъема не видны.

И второе. У нас нет **федерализма**. А без этого тоже и в потенции нет ответственной, демократически сильной власти, есть лишь начальство. Административные советские территории, области и края (причем не их население, а всего только опять-таки местные начальники) стали, то есть объявили себя, «субъектами федерации»... Администраторы заключили «федеративный договор». По какому праву? Что за «субъекты»? Это даже из тутошней «конституционности» не вытекает. (Или, что то же самое, это выверт совершенно в ее духе.) Российскую федерацию еще предстоит создать, **сконструировать** из республик и крупных русских земель, проведя местные референдумы и избрав равное число депутатов от каждой из равноправных частей федерации в одну из палат федерального парламента. Лишь тогда исчезнет пугало «распада России» (составные части федерации выйти из нее не могут). Лишь тогда — став реально федеративной, «делимой», с очень высоким уровнем самостоятельности регионов — Россия станет навеки «единой».

Как и когда мы начнем создавать оба эти важнейшие условия? Не знаю. Пока даже разговоров об этом почти не слышно. Для нового общественного подъема требуется какой-то неосоздаемый всеми экономический успех. А для успеха нет потребной политической структуры. Придется как-то разрывать замкнутый круг: именно через политику. Надо прежде всего выбраться из тупика наличного «конституционализма». Потому что именно его «поле» и угрожает сверж всей грязи еще и кровью.

Жизнь за Умалатову—Хасбулатова

Ольга Кучкина

В последнее время много пишут и говорят о школе выживания. Нужная вещь. Раньше писали о других школах. Скажем, о философской школе Сократа. Или фламандской школе живописи. Или бахтинской школе в филологии. Принадлежность к подобной школе являлась знаком культуры.

Знаком бескультурия помечена распространенная в советском обществе школа демагогии — производная этого общества. Ее окончили и к ней принадлежат многие и многие из тех, кто и ныне претендует на наше внимание. Особенно через электронные средства массовой информации. Проще — телевизор. Вот почему столь лаком этот кусочек для всех вожделевующих. Чего? Власть, разумеется. Вообще или по крайней мере над умами. О-о-о-о! — как до дрожи хочется кое-кому войти с улицы, через экран, в каждый дом, в каждую душу. Для того и существует школа, в которой сперва проходят специфическую обточку мозги и язык говорящего, а затем уши слушающего. Они входят — но мало, мало, хочется гораздо больше.

«Вчера мне была нанесена ушибленная рана головы». Или: «Давайте совершим маленький ракурс в историю». Или: жалоба на «удары ниже пояса по законодательному органу» — тут прямо плакать хочется от сострадания. Вы узнали их? Ну да,

**Если поверить
нашим
ораторам и
оракулам на
слово — им
пора ставить
памятники**

Гипс

наши дорогие, во всех смыслах, депутаты во главе с дядькой-Хасбулатовым. В этих начальных фразах еще нет свидетельств об окончании названной школы. Свидетельства последуют ниже, с развитием тезисов. Однако основания — малограмотность в соединении с претензиями — налицо.

Модель от Руцкого

Каковы признаки этой популярной в нашем Отечестве школы? Как у Гамлета. Слова, слова, слова. Произнесенные с гражданским пафосом, душераздирающими патристическими призывами, научными оборотами, народным юмором, женской искренностью, грубой мужской прямоотой, с использованием наряду с правдой маленькой или большой лжи, а главное, со

Буллат. (Здесь и далее — предлагаемые строительные материалы для памятников)

смещенной по отношению к смыслу произносимого целью.

Например. Вот Тулеев сообщает ложные цифровые и иные данные, выступая с трибуны Верховного Совета Российской Федерации. Объявленный смысл: ради народа. Скрытая цель: принизив роль правительства и президента, преувеличить свою как возможного лидера.

Или Руцкой несет с собой на ту же трибуну большой портфель, объявляя, что у него одиннадцать таких портфелей, наполненных делами о коррупции и растаскивании народного добра в высших эшелонах власти, и оглашая не им обнаруженные и назначенные к расследованию дела, с завидным мужеством называя коррупционеров и расхитителей (Гайдар, Шумейко, Козырев, Чубайс и другие), а когда его спрашивают, сколько дел им передано в судебные органы, отвечает: одно. Чубайсу при этом слова не дают и вынуждают обратиться через журналистов к Руцкому, даже не как к политику, а как к мужчине: «Дорогой Саша, ну подай в суд! Подай в суд и доведи хоть один из своих ярких лозунгов до реального результата». Речь не о том, что в стране нет коррупции и хищений. Они есть, к несчастью. Речь об использовании этой темы как инструмента в борьбе со своими политическими противниками и только. Цель барабанной дроби Руцкого, которая раздается столь часто, подменяя реальное дело: принизив роль правительства и президента, возвысить собственную как возможного лидера.

Или вот Хасбулатов, признающийся с мягкой, располагающей интонацией (новый присоветованный имидж), что готов немедленно уйти в отставку (вспомним отчаянное, белое лицо, когда она ему впрямь грозила), сообщает, что изо всех сил старается вести к «миру», в то время как другая сторона ведет к «войне». В этот момент типография «Известий» получает от высшего руководства Верховного Совета распоряжение о печатании антипрезидентских листовок к референдуму, в том числе настолько одиозного характера, что одну из них рабочие отказались матрицировать. Сомкнувшийся с коммунистами, «фронтовиками» и иными оппозиционерами, жаждавшими реванша, спикер, выворачивая все наизнанку, пугает, что, дескать, президент начнет всех «брать», и кокетничает своим страхом, что лично он скоро услышит стук сапог. Чисто шулерский прием: передергивание карты. Известный пианист на встрече интеллигенции с президентом вспомнил старую российскую

традицию чести: бить шулера канделябром. Пожалуйста, еще один удобный случай завопить: наших бьют. До крови или до смерти.

Модель и хасбулатовской демагогии точно та же: принизив президента и его команду, возвысить себя. Конечно — во имя народа. Как лидера, необходимого народу. То бишь народным депутатам, полноценно замещающим народ.

Собирались печатать эту статью в «Комсомольской правде». Редактор возразил: вы берете одну сторону, а другая разве не из той же школы? Подсказал: Полторанин, Горбачев, Ельцин. Согласилась: из той. Однако не могу не видеть, как, скажем, Ельцин с каждым — тяжелым — шагом ее преодолевает. В такие обстоятельства поставлен, что не может не преодолевать. Потому что вынужден делать и отвечать за дело. Когда следует этой школе — теряет очки. Когда преодолевает — набирает. Последний пример — Кузбасс. Мог по старинке наобещать шахтерам с три короба, имея в виду демагогическую цель: понравиться, сделаться милым в это время и в этом месте, а там замнем и забудем. Поступил иначе. Ввязался в спор с рабочими и доказал им, почему сейчас нельзя пойти на все их требования.

Правда вызывает уважение. Но для этого надо иметь твердые и честные тылы.

Демагогия по-гречески — это лапша на уши

В Древней Греции «демагогом» первоначально назывался и крайний демократ, и глава народной партии, и тайный возмутитель, а «демагоги-

ей» — как народовластие, так и господство черни в управлении. Позднее «демагогия» дистанцировалась от «демократии» и стала означать только политиканство — способ обмана ложью и извращением фактов.

Демагогия постепенно дистанцируется от демократии и в нашем обществе. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс, Александр Шохин, Андрей Козырев, Борис Федоров потому и злят демагогов, что профессионально делают свое дело. Профессионализм — та грань, которая отделяет и отбрасывает прочь болтуна любого уровня. К профессионалу потому и трудно подступиться, что он знаток, мастер, в нем как в личности нет тех ужасающих внутренних лакун, пустот, какие наполняют раздувающегося демагога: ткни в него, воздух выйдет с шумом — и остается ноль.

Хотя и то надо признать, что таких демагогов, каких породил наш строй, в других странах днем с огнем не сыскать. Ни школы знаний, ни школы умений, ни школы культуры, ни школы морали за ними, в конце концов — зато оконченная на «отлично» высшая партийная школа демагогии. Кого ни возьми — Бабурина, Константинова, Стерлигова, Горячеву, Умалатову, Павлова, — все выпускники и выпускницы с «красным дипломом». Чем всерьез помогли они России, о которой пекутся? Какую реальную программу выдвинули? Что практически сделали? Ничего, за исключением многоглаголения, в котором никакой иной цели, кроме — выбери меня, выбери меня.

Ну выбрали бы — и что? Николай Павлов по ТВ подтвердил необходимость расстрела на месте, «если бы стали сопротивляться», без суда и следствия «беловежских кайнов». Милая, женственная Сажина Умалатова опять вот только что заявила: «У предателей — одна дорога: это виселица и решетка. В том, что они вверх ногами будут висеть, я не сомневаюсь». Господи, да откуда в бабе такая свирепость?

Между прочим, тот, кого оппоненты называют не иначе как «предатель», «оккупант» и так далее, будучи у власти, никого еще не повесил и никому в дверь кованым сапогом не постучал. Так что его принципы и привычки мы могли уже проверить на деле. Не дай нам Бог проверить на деле принципы и привычки нынешней оппозиции.

Кажется совершенно абсурдным, что эти люди могут быть во главе групп, движений, партий, общественного мнения. Сказано: много знающих — мало избранных. У нас

Дерево

и тут абсурд: мы же их и избрали, мы и позвали. Почему? Да потому что из той же школы: на наши уши намотана и продолжает мотаться их демагогическая лапша.

Перед референдумом объединенная оппозиция наконец-то обнародовала свою экономическую программу. В ней сказано: «Тактические цели — не только достичь, но и удвоить к 2000 году для подавляющего населения России уровня жизни 1985 года» (цитирую по «Московскому комсомольцу»). Текст до боли знаком. Но что значит «удвоить... уровня»? Как удвоить? Может, если «уполовинить» население? Одну половину — в лагеря, и пускай старается для другой? Есть два способа хозяйствования: свободный труд заинтересованного свободного человека и рабский труд человека принуждаемого. Реформа в обществе имеет целью перейти к первому способу. Антиреформа хочет вернуть на место второй. С помощью демагогии — проверенного орудия партии.

Я застала Сталина ребенком, подростком и все равно принимала на свой счет (а на счет родителей и по-прежнему) упреки, что горохом посыпались в пору гласности: да как же вы жили под этим тираном, почему не протестовали и тому подобное? Добро бы, только чужие упреки — а то собственные. На какой-то исторический миг показалось: в самом деле, сбросили бы узды тирана — давно были б в другой стране, так просто. Но вот уж сколько живем «под» Хасбулатовым. Ничей депутат, ловкий интриган, забравший себе столько власти, что можно подавиться, существующий и действующий «по лжи» — и что? А ничего. Чего же не отзовем, не отрешим, никак не сбросим это почти неприличное иго? Хасбулатов — не Сталин? Бесспорно. По многим параметрам. Но разве Сталин не начинал столь же добродушно? Разве он не мог пошутить о себе: «Мир не родил большого демократа, чем ваш покорный слуга»?

Оконченная на «отлично» высшая партийная школа демагогии, в которую отлично wpisались и любимые партией массы.

Сдавайте ваши денежки!

А тут еще пикантная новость. Новая компания объявляет о создании акционерного общества «Союз» и распечатывает устав и другие документы в газетах «Советская Россия», «Труд» и «Комсомольская правда». В виде рекламы. За деньги. Возможно, пользуясь тем, что деньги всем нужны. В наблюдательном совете акционерного общества — А.Владиславлев, В.Чикин, И.Кобзон и другие. Солидные люди. В

Булыжник

этот же день «Известия» публикуют материал под названием «Панама», где рассказывают, как два предпринимчивых молодых человека в рекордно короткий срок собрали у населения 60 миллиардов рублей, обещая каждому через три года увеличение его суммы в 18 раз. История не знает ни одного случая выполнения подобных обещаний, но, возможно, молодые люди просто пошутили, подсчитав инфляцию, когда будущие 18 рублей будут стоить 1 сегодняшний рубль. Во всяком случае коллегия Волгоградского арбитражного суда, занимавшаяся «Русским домом селенга» — так именуется компания, — установила, что исполнение селенг-договоров и сохранность вкладов практически ничем не гарантированы, а привлечение и размещение средств юридических лиц и граждан незаконны. Гарантия есть лишь на первоначальные 10 тысяч рублей, с чего вся «панама» и начиналась. Продолжилась «Союзом». Поясню: «панама» — значит грандиозная афера, а «селенг» — не старорусское слово, на что как бы рассчитано, а новозападное типа «маркетинга», «кворума» и «спикера». Собранные деньги идут покамест на содержание не только самой компании (57 процентов вместо разрешенных законом 7,5 — данные отдела борьбы с преступлениями в сфере экономики Волгоградского УВД), но и еще одной компании, состоящей из Бабурина, Стерлигова, Зюганова, Алксниса, чью известную поездку в Волгоград «Русский дом селенга», не скрывающий коммунистических пристрастий, как раз и профинансировал.

Интересное складывается положение. Стало быть, можно объ-

вить под каким угодно соусом — но, конечно, с обещанием последующей прибыли — примитивный всенародный сбор денег, которые пойдут на какие угодно нужды. Скажем, на возрождение компартии. Или (если это все еще, или уже, не слишком популярно) на возрождение СССР. И тогда финансирую себе из этих денег в первую очередь себя, то есть сборщиков, а во вторую — любые акции, аккредит, как это делает «Русский дом селенга» или будущий «Союз»...

Постойте, постойте. Что-то это напоминает... А, ну да: партийные взносы. Только тогда они были обязательны, а теперь добровольны. Но и раньше нам обещали, что это для нашего общего массового блага. И теперь обещают. Демагогия та же самая. И суть ее прежняя: обмануть людей, нажиться на них, устраивая свои собственные делишки, стремясь, как и всегда, к власти и собственности, пусть даже под соусом «селенга».

Собирались ставить точку на этой истории, когда из недр Минфина вышел документ о незаконности деятельности «Русского дома селенга» и а/о «Союз», предупреждающий средства массовой информации, участвующие в рекламе и пропаганде их деятельности, о том, что одновременно они участвуют в обмане населения. Но, оказалось, и это не конец. Не согласившись друг с другом, обе стороны подали в Минюст — чтоб юстиция их рассудила. Причем «Русский дом селенга», извернувшись, назвал свое последнее начинание не подпиской на акции, а... «растянутым во времени учредительным собранием». Учредительным собранием чего? «Союза»? Или Союза? Ловок, однако, голова «Союза» С.Грузин со товарищи!

Я срединный, массовый человек, не политолог, не специалист и обращаюсь к массовому человеку, желая поделиться мыслями или предупредить об опасности.

Народ! Доколе будем невеждами и последними учениками — не в придурочной школе демагогии, о которой нам давно пора знать, где ее место, — а в настоящей жизненной школе?

Нет, конечно, кто хочет отдать кошелек в «Союз» или жизнь за Умалатову-Хасбулатову, тянущими в старый Союз, — вольною воля, у нас в стране свобода, всяк сам себе хозяин. Только не говорите потом, что вы не знали и вас не предупредили.

Предупреждали.

Есть горская пословица: если в проводники взять свинью, остановка будет у помойки. Заметьте: свиный никого не называю, привожу исключительно пословицу. Где остановились — откуда выбираемся — и откуда совершенно сознательно не дают выбраться — очевидно.

Купите авианосец!

Петр Васильев

Все 80-е годы вплоть до 90-го бывший Советский Союз прочно удерживал лидирующее положение в мире среди стран — экспортеров оружия. За это время было продано и безвозмездно передано различным «дружественным» режимам вооружений на сумму, превышающую 121 миллиард долларов. Продукция экспортировалась в 55 стран. Самыми крупными получателями были: Индия — 18534 миллиона долларов, Ирак — 13665 миллионов, Сирия — 12636, Чехословакия — 10089, Польша — 6663, Афганистан — 6608, Ангола — 6251, Северная Корея — 6139, Ливия — 6093, ГДР — 6075 миллионов.

Но в действительности в госказну поступила лишь десятая часть этой суммы. Большой процент поставок шел в виде «братской» помощи либо в виде долгосрочных или льготных кредитов, выплаты по которым собрать не удастся до сих пор.

Пропорциональное деление потоков вооружений приблизительно выражается следующим соотношением: соцстраны получили четвертую часть поставок, развивающиеся — три четверти от общей суммы. Вместе с оружием бывший Советский Союз продавал некоторым странам технологию его производства. Получателями были страны — члены Варшавского Договора, а также Индия, Ирак и Китай.

Соединенным Штатам принадлежит с 1990 года прочное первое место по продаже оружия. В 1990 году США вместе с бывшим СССР контролировали более 70 процентов мирового экспорта. Доля США была около 40 процентов. Оружие у США покупали 98 стран. Всего за период с 1981 по 1990 год было продано вооружений на сумму 111307 миллионов долларов США. Только на 1990 год пришлось 9528 миллионов долларов экспортных поставок.

Франция продала за минувшее десятилетие оружия на сумму 33311 миллионов долларов, а Великобритания — 15644 миллиона долларов.

Завеса секретности

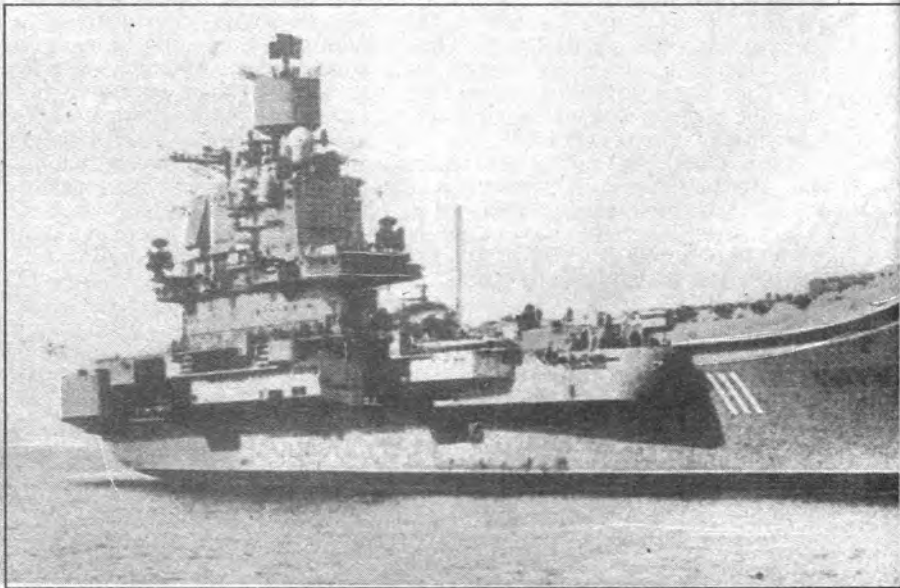
На протяжении всей истории советского государства эта тема была закрыта не только для журналистов, но и, как ни парадоксально, для многих государственных мужей, политиков и экспертов. Замкнутый, непроницаемый мир ВПК приоткры-

Вооружения — единственное, что мы производим на мировом уровне. Но продать толком не умеем

вал свои секреты лишь единицам. Насколько ревниво оберегалась от посторонних глаз информация на эту тему, говорит тот факт, что ни министр обороны СССР, ни министр иностранных дел не знали до конца ни реальных объемов производства оружия, ни масштабов его продажи. Сложилась абсурднейшая ситуация: Советский Союз выступал на международной арене инициатором идеи ограничения вооружений, а тогдашние министры иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе и Александр Бессмертных не могли ответить на вопросы своих западных коллег относительно масштабов производства и продаж советского оружия.

«Мы не знали настоящих объемов продаж оружия, как не знали полных объемов производства того или иного вида вооружений. Мы не знали точного количества накопленного оружия внутри страны и не всегда могли ответить на вопрос, сколько, где и какого оружия складировано, — признался недавно Бессмертных. — МИД от этого очень страдал». Прозрение, да и то, как подозревает бывший министр, неполное, пришло в период работы над Договором об обычных вооруженных силах в Европе. Тогда-то и начался счет. И оказалось, что многие цифры являются полным откровением для политического руководства страны, как, впрочем, и для самих военных.

Покойный маршал Сергей Ахромеев как-то заметил, что даже на посту началь-

«Калашников» —
ходовой товар

Один из таких авианосцев
Украина продала — как
металлолом

ника Генерального штаба он не знал подлинных масштабов производства вооружений. Главкомандующий объединенными вооруженными силами СНГ маршал авиации Евгений Шапошников поделился: «Что продается, какие образцы вооружений, Министерство обороны, конечно, знало, но в каком объеме — трудно было сказать». Полную картину имели лишь на самом верху и в Министерстве внешнеэкономических связей (МВЭС), выступавшем в роли непосредственного торговца этим товаром.

В 1990 году бывший Советский Союз объявил размер своего оборонного бюджета: 17,8 миллиарда рублей. Эдуард Шеварднадзе в письме Генеральному секретарю ООН обещал тогда назвать точные масштабы производства и экспорта советских вооружений. Однако полные данные на этот счет опубликованы не были. Заместитель

председателя Совета Министров СССР Игорь Белоусов, курировавший ВПК, в конце 1990 года признался, что за период с 1986 по 1990 год СССР экспортировал вооружений на сумму более 56,7 миллиарда рублей. В 1990 году страна продала оружия на 9,7 и передала бесплатно на сумму 8,5 миллиарда рублей. Но экспортное оружие не имело отдельной статьи в бюджете, средства на его производство шли из ассигнований на оборону, однако денег от таких продаж Минобороны никогда не получало.

Уместен вопрос: каков же был тогда реальный военный бюджет бывшего СССР? Маршал Шапошников: «Я сомневаюсь, что даже сейчас найдется человек, который мог бы сказать, каков был настоящий военный бюджет СССР до 1991 года. Все цифры, называвшиеся до сих пор, — липа, а точную никто толком не знает».

Вопрос экспорта оборонной продукции целиком находился в ведении МВЭС и, в частности, одного из его управлений — ГИУ, Главного инженерного управления. Непосредственно руководил продажей один из зампредов Совмина, курировавший ВПК. Министерство обороны никогда продажей оружия не занималось. Оно его рекламировало, готовило иностранных специалистов, обучало обращению с приобретенным. Поэтому дать исчерпывающие ответы на все вопросы может только руководство МВЭС и ГИУ, но говорит на эту тему до сих пор с крайним нежеланием. Даже если журналисту удастся добиться встречи с руководителями этих ведомств, вам расскажут о частностях, например о выставке оружия в Абу-Даби, назовут, какие виды продукции там выставлялись, какие из них привлекли

внимание зарубежных специалистов и так далее, но никогда не раскроют статистики и подробностей продаж ни в прошлом, ни в настоящем. В лучшем случае удастся узнать общий объем экспорта, из которого реальной картины не составишь.

«Продается все подряд»

В среде кадровых дипломатов и военных прочно укоренилось мнение, что продажей оружия в бывшем СССР, а теперь в России занимаются люди случайные. «Я постоянно испытывал чувство горечи и стыда, когда мы поставляли некоторые образцы авиационной техники за рубеж. Запасные части приходили совершенно не той номенклатуры, какая была предусмотрена договором. Это показывало, что занимаются этим вопросом люди абсолютно неквалифицированные. Я встречал чиновников из МВЭС, продававших самолеты и не знавших марок авиационных масел», — рассказывает маршал Шапошников.

Вред от такой деятельности огромен. В начале 80-х СССР продал Ираку несколько эскадрилий самолетов МиГ-25. Советские летчики-инструкторы, обучавшие иракцев, говорили автору этих строк, работавшему тогда в Ираке, что сделать это мог либо аферист, либо вредитель. МиГ-25 создавался как высотный скоростной истребитель-перехватчик стратегических бомбардировщиков и мало приспособлен для маневренного воздушного боя на малых высотах. В Ираке ни с какой другой целью, кроме той, к которой он менее всего был приспособлен, МиГ-25 не применялся. Естественно, что иракское командование, разочаровавшись в летных качествах самолета, с радостью приняло предложение французов приобрести у них «Мираж-2000».

Россия, став правопреемницей Советского Союза и в военных вопросах, к сожалению, унаследовала многие пороки несбалансированной политики экспорта оружия. Кроме того, отсутствие продуманности привело к тому, что на международном рынке вооружений сейчас буквально пестрит от названий российских государственных и коммерческих структур. Здесь все те же МВЭС и его дочерние «Оборонэкспорт» и «Спецвнештехника», множество других организаций, производителей и посредников, даже фирма «Московит» Иосифа Кобзона. С монополизмом вроде бы покончено, но появились новые болезни. Главная — самостоянно возникающая конкуренция, причем большей частью нездоровая. Представители командования российского военно-морского флота, участвовавшие в недавней выставке вооружений в Абу-Даби, отмечали, что на себе ощущали конкурентную борьбу между тремя экспортерами за один и тот же проект — кто его будет продавать за рубежом. Поскольку сферы не поделены, продавцы и посредники соперничают между собой, постоянно споря, кто и какой вид вооружений будет продавать. В схватке за клиентов играют на понижение цен.

Сейчас вопрос экспорта этой продукции хотя и рассматривается в контексте экономической политики России, но весьма односторонне. К нему подходят не иначе как к од-

Оружие СНГ на мировом рынке

● Некоторое время назад начались переговоры между Украиной и Китаем о продаже ему авианосца «Варяг» (водоизмещение 67 000 тонн), строительство которого завершается в доках Николаева. По некоторым данным, переговоры зашли в тупик. «Варяг» может разделить незавидную участь другого атомного авианосца — «Ульяновск» (75 000 тонн), который прямо в доке был продан на металлолом. ВМФ России пытается спасти «Варяг» и заменить им один из своих авианосцев на Северном флоте. Но пока ни Россия, ни Украина не имеют средств для завершения строительства корабля. Индия и Аргентина фигурировали как возможные претенденты на покупку «Варяга», но сделка не состоялась. Россия отказывается комплектовать «Варяг» своим корабельным электронным оборудованием, а установка западной техники будет делом крайне дорогостоящим.

● Россия продала один из своих авианосцев «Минск» Индии на металлолом. У корабля, который с марта 1989 года находился на приколе во Владивостоке, обнаружился необратимый проблемы с энергетической установкой. Предполагается, что такая же судьба готовится еще двум судам такого же класса — «Новороссийск» (Тихоокеанский флот) и «Киев» (Северный).

● В конце 1992 года первая российская подводная лодка

ному из источников быстрой и легкой валютной наживы. По сути это сейчас главный аргумент, который определяет нашу оружейную торговлю. Складывается впечатление, что у людей, ответственных за экспорт вооружений, отсутствуют какие-либо внутренние ограничительные факторы.

Вот оценка представителя военно-морского командования: «Пытаются продать все подряд, что удастся урвать у государства. Никакой системы или планирования нет. Пытаются продавать за бесценок новейшие корабли, которых у нас самих еще пока нет на вооружении».

Безоглядность в сфере торговли оружием чревата многими осложнениями для страны-продавца. Принципиальный вопрос в том, кому и что продавать. Необходимо гарантировать себя от ситуации, когда ваше же оружие будет повернуто против вас же. Кроме того, оружейный рынок — вещь чрезвычайно консервативная. Продавцы и покупатели в силу специфики товара и необходимости его последующей эксплуатации сотрудничают друг с другом в течение долгого периода времени и, как правило, не расстаются. Конкуренция на этом рынке — вещь нормальная, но — конкуренция между различными производителями из разных государств. Российские МиГи вполне способны конкурировать с американскими «Фантомами» или французскими «Миражами». Абсурд начинается там, где МиГи начинают соперничать друг с другом. Происходит это вследствие скольких энергичных, столь и несогласованных действий различных российских ведомств и фирм, которым сейчас дано право самостоятельно торговать этим товаром. Убытки от этого несет прежде всего государство.

Упущен благоприятный МиГ...

В 1992 году в России была создана Государственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству (ГВТС) под председательством вице-премьера Георгия Хижи. Задача комиссии — контролировать процесс торговли оружием в интересах государства. Ей также предстояло выработать единую российскую политику в области экспорта оружия. И не вина, а беда комиссии, что ее захлестнула необходимость борьбы с партизанскими методами российских оружейных торговцев. Не исключено, что российское правительство решится наконец ограничить число спецэкспортеров. Предостережения на этот счет не раз звучали в последнее время. Наиболее вероятно, что их количество ограничится 5–6 внешнеторговыми фирмами крупных отраслевых корпораций. Кому эта мера может показаться достаточно жесткой — мол, опять нам диктуют. Но пора уже, чтобы на смену анархии пришла цивилизованная форма ведения государственных дел.

Царящий сейчас в этой сфере хаос приводит к потере выгодных сделок. Увеличение числа экспортеров подстегивает конкуренцию между ними, что автоматически ведет к снижению цен на оружие. Экспорт перестает быть эффективным. Наглядный пример — практически похороненная

Т-80? За пару миллионов долларов можем уступить...

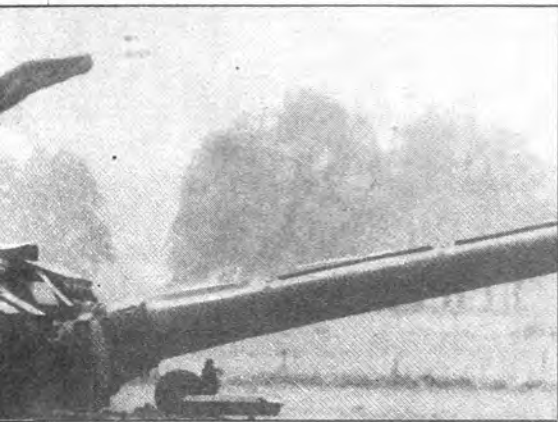
сделка по продаже самолетов МиГ-29 Малайзии. Борьба между четырьмя российскими структурами — производителем и тремя посредническими фирмами — за право продавать самолеты на тот рынок привела к потере самого рынка, значительным убыткам, нанесла ущерб репутации России как экспортера оружия. Кстати, в Малайзии мгновенно оказались американцы.

В 1991 году объем продаж оружия сократился с 12–13 миллиардов долларов в год до 3,7 миллиарда долларов. Конечно, среди причин и последствия распада Советского Союза, нарушение экономических связей, волонтеристские шаги бывшего министра внешнеэкономических связей Петра Авена. Ликвидация им прежней ведомственной специализации российских фирм — торговцев оружием как раз и привела к тому, что торговать этой продукцией стремятся все, кто что-то где-то может достать.

Не секрет, что большинство стран не являются производителями оружия и, естественно, будут продолжать его покупать. Закономерен и тот факт, что крупнейшими экспортерами оказались государства — члены Совета Безопасности ООН, страны с наиболее развитой промышленностью. Как известно, рынок, а тем более такой, не потерпит пустоты. Если кто-то из продавцов с него уходит, освободившееся место мгновенно занимает другой. Что, в частности, и произошло с отечественным экспортом этого товара после распада Союза. Нас потеснили американцы, французы и англичане.

Торговать, но с умом

В торговле оружием принято различать два главных подхода: во-первых, куда оно продается, во-вторых, что от этого имеет страна-поставщик. Будем надеяться, безвозвратно ушли те времена, когда мы этот товар поставляли бесплатно различным режимам, которым удавалось уверить нас, что они тоже за социализм. По мнению отечественных и ряда зарубежных специалистов, не должно быть нескольких структур, занимающихся этой деятельностью, достаточно одной или двух, а ведомство — экспортер оружия должно быть подконтрольно руководству страны. Решения о продаже того или иного вида вооружений, как и то, кому данный вид вооружений

продавать, должны приниматься совместно с МИД и Минобороны. «Министерство обороны и Генштаб разрабатывают нашу военную доктрину, определяют возможных противников, союзников и нейтралов на случай войны. Вне всякого сомнения, Минобороны должно влиять на политику оружейного экспорта и даже иметь право вето, — утверждает Шапошников. — Но — не торговать. Это аморально для вооруженных сил».

Помимо чисто военно-экономических вопросов необходимо видеть политические последствия торговли оружием как для страны-экспортера, так и для покупателей. Следовательно, данный вопрос необходимо согласовывать с МИД. «Только профессиональная дипломатия должна определять, что отвечает политическим интересам России, а что нет, какие последствия для интересов России может иметь та или иная сделка», — подчеркнул А. Бесмертных.

КБ брошены на выживание

Распад бывшего СССР как единого экономического пространства не мог не отразиться на общей картине производства и экспорта оружия. Нарушение экономических связей привело к снижению госзаказа российским предприятиям оборонки в 1992 году на 12 процентов. Это в свою очередь повлекло за собой отток научно-технических кадров.

Почти 70 процентов научно-технического потенциала из числа высококлассных специалистов, в первую очередь конструкторов и ученых, уже ушли или собираются это сделать в ближайшее время. Если эта тенденция продолжится, в конце 90-х оставание России в области производства вооружений — единственной области, где Россия конкурентоспособна на международной арене, — приобретет необратимый характер. Страна, считает один из директоров ВПК, сможет еще некоторое время «прожить» на старых запасах технических разработок, которые внедряются и будут внедрены в ближайшее время. Но перспективных разработок в различных КБ крайне мало. Такие исследования просто никто не финансирует. Конструкторским бюро остается бороться за выживание. Для них единственная надежда — найти зарубежного партнера. Самыми удачливыми оказались авиационные конструкторские бюро Яковлева, Миля, Камова и

некоторые другие, создавшие СП с европейскими и американскими фирмами, что позволяет им сохранять штат и вести перспективные исследования.

С другой стороны, естественный отбор и борьба за выживание различных КБ строже, чем любая государственная комиссия, проведут испытания их новых разработок образцов вооружений и техники. Выживут сильнейшие, те, кто сможет предотвратить дальнейшее вытеснение российского оружия с мирового рынка. Ведь не логично производить первоклассные самолеты или корабли и жить впроголодь. Эта проблема требует безотлагательного решения. Председатель Роскомоборонпрома Виктор Глухих считает, что российские предприятия оборонки могли бы продать вооружений только в этом году на 3–3,5 миллиарда долларов. Ведущим предприятиям необходимо дать право самостоятельного экспорта вооружений, но под строгим контролем государства.

Однако и эта цифра не отражает настоящих возможностей российских предприятий, если будут налажены связи и преодолены перебои в поставках сырья. По мнению наших и зарубежных экспертов, страна в состоянии продавать вооружений ежегодно на 30–32 миллиарда долларов.

Другими словами, вопрос торговли оружием из сугубо ведомственного просто должен быть трансформирован в общегосударственный. Необходимо, наконец, разработать четкую и ясную стратегию в этих вопросах, частью которой должно стать стремление к международному регулированию этих процессов.

Проблему надо вывести в разряд самых приоритетных межгосударственных вопросов. Необходимо начать готовить международное соглашение на этот счет, которое бы ограничивало или регулировало продажу этой продукции. Следует предотвратить или хотя бы ограничить потоки оружия в регионы с тлеющими и тем более разгоревшимися конфликтами. Вряд ли кто-либо станет оспаривать тот факт, что конфликты малой интенсивности не только возможны, но наверняка будут и в дальнейшем возникать в различных частях земного шара. Решение вопроса? Необходимо найти золотую середину — соотношение между императивами безопасности и экономическими интересами. И, конечно, наша политика просто обязана содержать концепцию регулирования потоков продаж оружия.

Любой сделке должны предшествовать два момента. Во-первых, получение твердых гарантий от приобретающей стороны относительно целей использования оружия. Во-вторых, безоговорочный отказ от «благотворительности» по идеологическим соображениям.

На полученные от экспорта деньги надо не закупать колбасу или сигареты, а на тех же оборонных заводах смонтировать оборудование и линии по производству товаров народного потребления. Кстати, именно в этом и была бы суть конверсии.

Фото из журнала «Панорама» (Италия) и из ежегодников «Совет милитари пауэр» (США)

класса «Кило» продана Ирану. Лодка базировалась на Балтике. Она совершила переход через Средиземное и Красное моря с российским экипажем на борту под Андреевским флагом. Еще две подводные лодки такого же класса, как ожидается, будут проданы Ирану в ближайшее время.

● Абу-Даби закупил у России партию новейших боевых машин пехоты БМП-3. Россия предлагает подобные машины на мировом рынке по ценам значительно ниже мировых.

● Цена БМП-3 — 800 тысяч долларов. БМП-2 — 400 тысяч долларов. (Цены здесь и далее даются по материалам журналов «Джейнс дифенс уикли» и «Джейнс интеллидженс ревью».)

Танк Т-80У оценивается в 2,2 миллиона долларов. Его предшественник Т-72С — в 1,2 миллиона.

Цена на 152-миллиметровую самоходную гаубицу 2С19 составляет 1,6 миллиона долларов, а на самоходный зенитный комплекс 2С6М — 12 миллионов.

МиГ-29 стоит 12 миллионов долларов. МиГ-31 — 45–50 миллионов.

Автомат Калашникова идет за 150–200 долларов.

● Россия предлагает к продаже самолеты А-50 типа американских АВАКСов. Потенциальными покупателями могут стать Индия и Китай.

● Впервые российская авиационная техника была отобрана для участия в специальной испытательной программе США образцов вооружений. По результатам испытаний они рекомендуются к использованию в вооруженных силах США. Среди них — катапультное кресло КЗБ, разработанное в КБ «Звезда», которое позволяет пилоту покидать самолет на скорости, вчетверо превышающей скорость звука.

Руководителям предприятий
и начальникам отделов МТС!!!

АО "Восток-Сервис"

производит поставки
профессиональной одежды и
хозинвентаря

* Мы поможем укомплектовать Ваше
предприятие спецодеждой в
кратчайшие сроки.

* Ассортимент самый широкий.

* Доставка заказа в любую точку
России.

* Форма оплаты любая.

Профессиональная одежда - не мода.
Профессиональная одежда -
необходимость!!!

Телефоны: (095) 168-18-50, 169-98-78, с 9 до 18 ч.

Факс: 177-05-22, круглосуточно

Акционерное общество закрытого типа

"РУСМАШИН"

предлагает со склада в г. Химки Московской области
товары народного потребления по низким ценам:

- вафли;
- печенье
с начинкой;
- крекер;
- леденцы;
- конфеты
"Бон-Бон";
- шоколад;
- драже
в шоколаде;

- жевательные
резинки;
- соки;
- сигареты
(без фильтра
и с фильтром);
- детскую
спортивную
обувь;
- плоды.

Наш адрес: Россия, 109088, Москва,
ул. Шарикоподшипниковская, д. 4.

Факс: 116-85-32.

Тел.: 275-83-91, 275-83-69, 275-83-04

Обращаясь к нам - Вы экономите свое время!

"БОСТОН"

специализированный магазин пр. Шверника, дом 37

- более 200 видов тканых этикеток импортного производства для дизайна швейных изделий,
- кнопки и пуговицы типа "пластик-металл",
- пряжки, зажимы, наконечники, нитки и молнии, пользующиеся особым спросом,
- образцы подкладочных и прикладных материалов,
- декоративные шнуры модных расцветок.

Приглашаем к сотрудничеству:
производителей и поставщиков, организации и частных
лиц, заинтересованных в реализации своей продукции
в Санкт-Петербурге.

Любая форма оплаты и бартер.

- это лучшие образцы
отечественной и импортной
продукции для
производства швейных
изделий!

С. - Петербург

п о к у п а е м

п р о д а е м

принимает на комиссию

Обращаться по тел.: (812) 552-22-18, с 10 до 19 ч.

**Фирма
разрабатывает
проекты:**

архитектурно-
строительные,
сантехнические,
отопления,
вентиляции,
электрофицирования,
дизайна,
реконструкции.

**Тел.: 285-05-19,
408-56-50**

ФИРМА

"ВЕРСИЯ-ЭКСПРЕСС"

ПРЕДЛАГАЕТ:

- персональные компьютеры AT 286, 386, 486 различной конфигурации, комплектующие к компьютерам;
- принтеры "Panasonic-1624" - 24 pin;
- лазерные принтеры "Panasonic-4410";
- тонер "Canon-1215";
- факсы, радиотелефоны, автоответчики и диктофоны фирмы "Sony", "Panasonic", "Sanyo";
- фотоаппарат "Polaroyd".

Тел.: 165-55-83, факс: 165-57-92.

**Северо-
Русская
компания -**

действительный член Российской гильдии реалторов и Петербургского клуба по работе с недвижимостью - предлагает услуги по купле-продаже, аренде квартир, дач, земельных участков и иной недвижимости в Санкт-Петербурге, Сочи и Ленинградской области. Располагаем обширным банком данных.

Наш адрес: 198217,
г. Санкт-Петербург, а/я 1.

Тел. в Санкт-Петербурге:
(812) 235-39-14, 152-46-66,
298-49-76,
в Сочи:
(862) 97-12-06.

Журнал

We offer

распространяется
в 50 странах.
Публикует
частные коммерческие
объявления
за рубежом.

Тел.: (095) 209-70-72

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

Для размещения экспресс-информации "Фирмы сообщают" обращайтесь по адресу:
103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская площадь.
Телефоны: (095) 209-92-82, 209-76-52, 200-41-10.
Телефаксы: (095) 200-42-23, 200-41-92.

Пенджабцы — самый рослый и самый лояльный по отношению к правительству народ в Пакистане. Из них отбирают и в полицию, и в почетный караул

Фото автора

Когда восстановится шелковый путь?

Ирина Лагунина,
специальный корреспондент
«Нового времени»

Для того чтобы купить в Исламабаде пиво, надо заполнить анкету. Вопросов в ней едва ли не больше, чем в анкете для въезда в страну. Ее смысл — доказать, что пьющий не исповедует ислам. Но местное пиво, произведенное в Равалпинди, городе-спутнике столицы, стоит того, чтобы за него хлопотать.

Из пакистанцев алкоголь могут потреблять, как, впрочем, и продавать, те десять процентов немусульманского населения, чье присутствие в стране обозначено белой полосой на государственном флаге. Власть против экстремальных проявлений — и в быту, и в религии.

Из пестрой и по-восточному невысокой толпы выделяются рослые полицейские.

В Исламабаде борются за власть. В Кабуле правят исламисты. А в Дели громят мусульман

— Здесь что, в полицию по росту отбирают?

— Нет, — ответили мне, — по национальности. Это пенджабцы. Пенджаб — самая лояльная по отношению к правительству провинция.

Наследие генерала Снесарева

Нельзя сказать, чтобы Пакистан изобилует антиправительственными выступлениями на национальной почве. Хотя борьба за власть, развернувшаяся в Исламабаде, может их спровоцировать.

Конфронтация президента страны Гулам Исхак Хана и, после апрельских событий, бывшего премьер-министра Наваза Шарифа, роспуск президентом парламента и ввод армии для охраны «стратегических» объектов типа административных зданий и дома телевидения тем не менее в большей мере отражают другое противоречие в пакистанской политической жизни — между исламистами-консерваторами и новым демократическим крылом в правительстве.

Однако как бы ни складывались отношения в исполнительных и законодательных ветвях власти в Исламабаде, Пакистан пересматривает свою роль в регионе.

В СССР рассматривали Пакистан как потенциального врага. Во-первых, он принадлежал сразу к двум «агрессивным» блокам — СЕНТО и СЕАТО. Во-вторых, был врагом дружественной Индии. В-третьих, опирался на поддержку США, что само по себе вызвало ревность Москвы. А с началом афганской войны еще и вооружал и готовил отряды афганских моджахедов и выработывал политику лидеров джихада.

Пакистан же в свете старой геополитики и существовавшей до недавнего времени блоковой системы видел в Советском Союзе постоянного потенциального агрессора. Москва противостояла Исламабаду и тем, что оружием насаждала прокоммунистический режим в Кабуле, и тем, что имела военное стратегическое партнерство и коллективную систему безопасности с Дели. Да и вся история создания Советского Союза убеждала Пакистан, что с соседом ему не повезло.

Еще в 1920 году один из стратегов Красной Армии генерал Снесарев, выступая с курсом лекций в академии Генерального штаба РККА, говорил, что главный узел всей проблемы Среднего Востока — это полуторастолетнее соперничество России и Англии. «С политической точки зрения, — продолжал Снесарев, — под территорией Среднего Востока понимают территорию, в которую входит Индия как объект для обладания... группа государств-буферов и огромный русский Туркестан — как база подготовительных операций к овладению Индией». Снесарев же предложил два возможных маршрута для проведения военной операции и выхода к южным морям и богатствам региона: напрямую в Индию и через Афганистан...

И хотя после второй мировой войны уже не Россия и Англия, а СССР и США противостояли на Среднем Востоке, а государство Индия после распада Великой Индии стало ближайшим партнером Советского Союза в Азии, боевой поход «ограниченного контингента советских войск» в Афганистане по маршруту и тактике в точности повторил план, предложенный Снесаревым.

Вряд ли, конечно, советский генералитет думал о выходе к теплым морям и захвате Пакистана, когда вводил войска в Афганистан, но точно известно, что кабульское руководство в середине 80-х эту мысль Москве «забрасывало». Об этом говорил в январе 1985 года Наджибулла, тогда Наджиб, руководитель афганской разведки. Наджиб обещал, что если он будет руководить Афганистаном, то уж точно постарается распространить советское влияние и на Пакистан. Советскому руководству эта мысль нравилась. Сам же Наджиб, пуштун по национальности, ратовал отнюдь не за интересы Москвы на Востоке. Его привлекала идея соз-

дания объединенного Пуштунистана вместо двух пуштунских территорий, поделенных условной границей между Афганистаном и Пакистаном, прозванной «линией Дюранда» — по имени англичанина, прочертившего ее как бог на душу положил.

Кстати, одной из самых спорных для кабульского руководства при подписании Женевских соглашений 1988 года была формулировка преамбулы о ненарушении границ. Наджибулла даже созвал заседание Политбюро ЦК НДПА, чтобы принять коллективное решение: признавать линию Дюранда границей или нет. Слишком сильна была идея пуштунского братства.

В Пакистане об этом всегда помнили и учитывали и советскую угрозу, и афганскую. После отделения

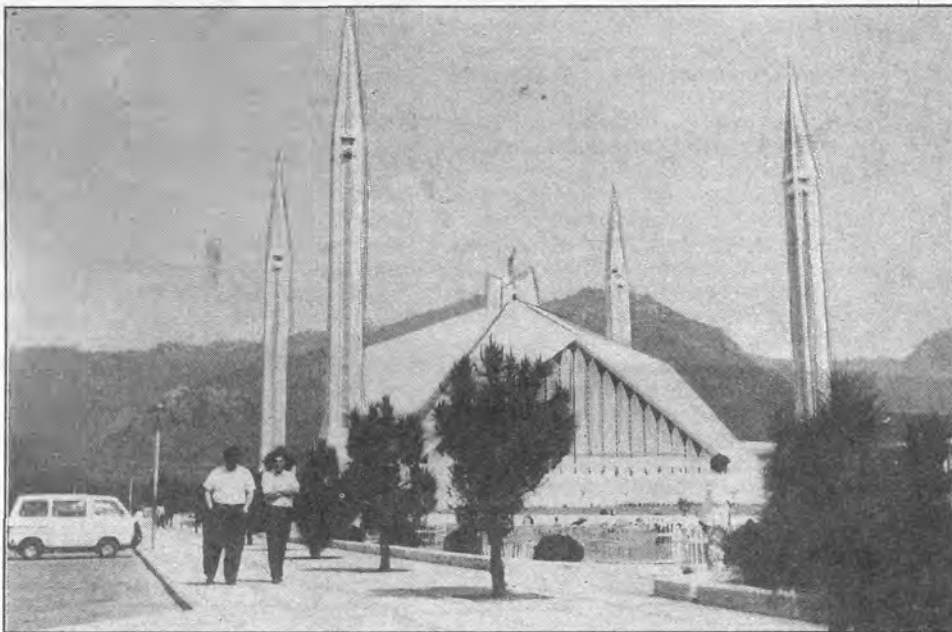
раз накануне визита министра иностранных дел России Андрея Козырева в Исламабад.

Что же касается Афганистана, то ситуация в нем беспокоит Пакистан едва ли не больше, чем в годы борьбы с НДПА и коммунизмом.

Афганские беженцы говорят по-русски

Год назад, когда к власти в Кабуле пришли моджахеды, в Афганистане родилась шутка: «Пешавар переехал в Кабул». Борцы джихада перенесли с собой на родину пакистанские привычки — даже езду по левой стороне улицы.

Теперь в Пакистане говорят, что Кабул переехал в Исламабад. В городе действительно появились бе-

Самая большая и современная мечеть в мире построена в Исламабаде на деньги Саудовской Аравии. Пакистанцы любят проводить выходные дни на травке вокруг величественного строения
Фото Максима Юсина

Бангладеш Исламабад больше всего боялся, что государство лишится еще какой-нибудь части своей территории, а потому пуштуны на своих землях имели «режим наибольшего благоприятствования» и правительство относилось к ним с большой деликатностью.

Сейчас с распадом СССР границы России «отодвинулись». Геополитика региона изменилась. Более того, у Пакистана и Российской Федерации появились общие задачи — добиться стабильности в Средней Азии, и прежде всего в Таджикистане. Негативное отношение к русским пытаются сгладить. Недавно норвежский ученый Одд Арне Вестад высказал гипотезу, что СССР вводил войска в Афганистан отнюдь не для того, чтобы подчинить себе эту страну, а чтобы противостоять распространению иранской исламской революции. Пакистанская пресса моментально начала обсуждать эту мысль — как

женцы — в основном средний класс, — хорошо говорящие по-русски и получившие приличное образование в Советском Союзе. Всего от новых кабульских властей за год в Пакистан бежало около 60 тысяч человек. Жить в Пешаваре и в лагерях на границе с Афганистаном большинство из них не может — привыкли к городу. Да и с беженцами прошлых лет, которые из-за войны не хотят возвращаться домой, происходят стычки на почве полного политического несогласия. «Старых» беженцев, за счет которых в свое время пополнялся джихад, в Пакистане осталось больше миллиона. В основном они настроены исламистски, что, похоже, мало нравится правительству.

Приехавшие из Кабула иногда заходят в российское посольство в Пакистане, поминают добром годы, проведенные в Советском Союзе. Судя по нескольким разговорам в Исламабаде, эти люди иногда даже

приносят пользу России. Один пакистанец рассказал мне, что в первый раз узнал что-то хорошее о Советском Союзе именно от такого кабульского беженца и лишь после этого познакомился с русскими. Он коммерсант и теперь хочет вести бизнес с Россией. Если бы не война в Афганистане, то торговать ему и с Россией, и с государствами Средней Азии было бы достаточно легко — есть чем. Но транзит возможен только через Афганистан, а он пока закрыт.

Именно на почве сотрудничества со Средней Азией и начали в Пакистане два года назад критиковать политику президента Гулам Исхак Хана в отношении Афганистана. Тогда пакистанский министр торговли после турне по среднеазиатским республикам впервые открыто выступил против односторонней поддержки моджахедов, которую оказывало политическое руководство в Исламабаде.

Но торговые ведомства, как, впрочем, и МИД, никогда не формировали отношение Пакистана к Кабулу. С самого начала афганской войны этим занималась «тройка», прозванная в Исламабаде «мозговой клеткой афганской политики». В «тройку» входили президент Зия уль-Хак, глава военной разведки Дуран (наполовину пуштун по происхождению) и начальник объединенного штаба или, временами, начальник штаба сухопутных войск.

Кстати, в начале 80-х штабом сухопутных войск командовал генерал Аслам-бег, чьи родственники — выходцы из Узбекистана. Аслам-бегу принадлежат пакистанская концепция стратегической оборонной инициативы. Ее суть в том, что существуют три линии безопасности. Первая проходит по Средней Азии. Собственно пакистанская граница — это лишь третья, последняя линия обороны. Согласно этой концепции Пакистан, видимо, и поддерживал все эти годы афганских исламистов. Теперь, вероятно, та же концепция требует мира в Афганистане и стабильности в Средней Азии.

Тем более что сейчас Пакистану приходится «выкручиваться» из создавшейся ситуации одному. США, прекратив военную и финансовую помощь моджахедам, отстранились от конфликта и даже начали периодически критиковать Исламабад за недемократические методы правления в стране, за засилье военных, за нежелание поставить подпись под Договором о нераспространении ядерного оружия и за отсутствие реальных действий против контрабанды наркотиков и подготовки террористов. В Пакистане боятся, что если так пойдет и дальше, то Вашингтон скоро будет делать ставку на Индию — «самую большую демократию в мире».

До 1988 года, когда к власти в Исламабаде пришла Беназир Бхутто, Пакистан, казалось, безоговорочно выполнял все рекомендации США о том, как помогать моджахедам в войне. Правда, как вспоминает об этом времени сотрудник военной разведки Мохаммад Юсуф, американцы могли дать лишь деньги и оружие. Обучать моджахедов воевать выпало пакистанцам — в Америке слишком мало специалистов, понимающих, что такое партизанская война в местных условиях.

Иногда, однако, пакистанцы все-таки заявляли себя с другой стороны. В 1982 году в Москве на похоронах Брежнева президент Зия уль-Хак сказал, что готов обсудить ситуацию в Афганистане и возможности выхода из афганского кризиса с новым советским руководством. Но когда Андропов откликнулся на предложение, Зия уль-Хак от диалога отказался.

Хекматиар не устраивал всех

Два инцидента в 1988 году заставили Пакистан по-новому взглянуть на войну и занять более гибкую позицию.

Пакистан обеспечивал связь Вашингтона с лидерами оппозиционных Кабулу политических партий и распределял среди них оружие. К 1988 году один из руководителей джихада — Гульбеддин Хекматиар понял, что накопил достаточно оружия, чтобы вести самостоятельную политическую игру. В 1988-м он приехал в Нью-Йорк в ООН на переговоры. Там же должна была состояться его встреча с Рональдом Рейганом. От встречи Хекматиар отказался. Американцы высказали недовольство Пакистану. Зия уль-Хак был взбешен.

Еще больше неприятностей пакистанскому правительству доставил взрыв склада боеприпасов для афганских моджахедов. Склад находился в Равалпинди, густонаселенном городе, где живут в основном беднота и люди, обслуживающие столицу. Более ста человек погибли, более тысячи получили ранения. По стране прокатились демонстрации против вмешательства в афганскую войну.

С 1990 года, когда ООН начала активно разрабатывать план политического урегулирования в Афганистане, Исламабад стал открыто заявлять, что не имеет влияния на наиболее радикальных афганских лидеров типа Хекматиара или Халеса.

Сейчас, судя по настроениям в пакистанской столице, для Исламабада не столь уж важно, кто будет у власти в Кабуле. Лишь бы Афганистан не вмешивался в дела Пакистана. Особенно когда ситуация в самом Пакистане резко обострилась.

Принадлежащие к одной партии

В Кашмире индийские солдаты тщательно проверяют всех приезжающих из Пакистана. Дели говорит, что Исламабад засылает в Кашмир террористов. Исламабад обвиняет Дели в нарушении прав человека на спорной территории
Фото из журнала «Камбио-16» (Испания)

президент, представляющий исламистское крыло, и премьер-министр, которого называют исламистом-демократом, уже давно вели друг с другом «холодную войну». В начале года из правительства ушли восемь министров, поддерживающих более открытую политику и реформы в экономике. Гулам Исхак Хана обвиняли в стремлении править «жесткой рукой» и в нежелании считаться с демократическими институтами. Полагают, что президент может действительно спровоцировать откат назад и в условиях безвластия дать больше полномочий армии, традиционно игравшей слишком большую роль в политической жизни Пакистана.

Однако специалисты все-таки считают, что резкого поворота не произойдет и Гулам Исхак Хан пойдет на компромисс. Если не с фракциями своей партии, то с оппозиционной партией Беназир Бхутто. Сейчас она выступает посредником между президентом и отправленным в отставку правительством.

Вмешательство Кабула в политическую жизнь Исламабада в таких условиях было бы крайне нежелательным.

Семеро из лагеря в Бадабере

По мере того как Пакистан отходил от политической и военной поддержки афганского сопротивления (в 1992 году афганцам запретили держать на пакистанской территории даже склады и базы), менялось и отношение Исламабада к проблеме советских военнопленных в Афганистане.

До 1988 года официальная позиция пакистанского руководства в отношении пленных звучала так: советских военнопленных на нашей территории нет, эти люди находятся в руках моджахедов, мы ничего сделать не можем. Правда, при этом не запрещали провозить пленных через свою территорию из Афганистана. Единственным освобожденным при непосредственном участии пакистанской стороны был нынешний вице-президент России Александр Руцкой. Но говорят, что его спасать было легко: в Москве о нем все знали — где он, у кого в плену содержится и на кого давить, чтобы его освободили.

Беназир Бхутто первая заявила, что пленные — гуманитарная проблема, и доказала, что Пакистан может помочь: при ее содействии были освобождены Прокопчук и Лопух — в обмен на узников кабульской тюрьмы Пули-Чархи.

И все последние пять лет пакистанские власти пытались помогать решать проблему пленных. В феврале 1992 года, когда председатель Исламского общества Афганистана, нынешний президент ИГА Бурхануддин Раббани освободил троих узбеков и двое из них не захотели вернуться домой, пакистанцы настойчиво уговаривали их съездить на родину и гарантировали возвращение в любой район Афганистана.

Во время пребывания Андрея Козырева в Исламабаде премьер-министр Наваз Шариф выступил с новой инициативой: создать совместную рабочую группу для решения проблемы пленных и переговоров с моджахедами. А в дополнение к этому передал российскому министру сведения о семерых из десяти погибших в лагере в Бадабере в 1985 году. Лагерь принадлежал Исламскому обществу Афганистана во

главе с Раббани и находился на территории Пакистана.

В прошлом году пакистанцы выдали пять фамилий погибших в Бадабере (список был неточным). Во время визита Козырева госминистр Канджу и премьер-министр Наваз Шариф обещали организовать посещение места, где был лагерь и где сейчас находится могила погибших, российскими представителями и родственниками пленных.

Отбитая рука Будды

Приятное открытие в Исламабаде: женщина может ходить по улице без платка или паранджи. А иностранке ничего не скажут, даже если она оголит руки или наденет юбку покороче. Если сравнивать Пакистан с Ираном, то можно сказать, что религиозного фанатизма в нем вовсе нет. Если сравнивать с Египтом или Турцией, — то это «строгая» страна. Кстати, въезд туристов в Пакистан все-таки ограничен: из-за «развращающего» влияния Запада.

Как и во многих восточных городах, мест, куда можно прийти с семьей и отдохнуть на природе, не предусмотрено. Основная масса по выходным дням приходит к центральной мечети, построенной несколько лет назад на деньги Саудовской Аравии. Там можно расстелить на травке подстилку, пообедать с друзьями и родными...

Но внешняя «светскость» может в любой момент исчезнуть. После разрушения в Индии мечети Бабри в Пакистане прошли антииндийские демонстрации, погромы. Несколько десятков индусских храмов были разрушены. Правительство осудило фанатиков и даже выделило деньги на реставрацию храмов. На деле никаких строительных работ не ведется.

Мусульманские погромы в Индии лишь спровоцировали антииндийские выступления в Пакистане. Реальной основой враждебного отношения двух стран остается Кашмир.

Пока партии и организации мусульманского толка, в основном требующие независимости или присоединения к Пакистану территории Кашмира, в Пакистане не так уж сильны. Хотя им удается временами проводить достаточно многочисленные марши до линии контроля. Официально правительство их поддерживает, но не поощряет. Однако последние события в мусульманском мире — конфликт в Боснии и Герцеговине, ситуация вокруг Ирака, депортация палестинцев из Израиля — могут легко привести и к вспышке религиозного фанатизма в Пакистане. Для этой страны религиозное брожение моментально аукнется межэтническими столкновениями. В Исламабаде, похоже, такую ситуацию просчитывают. Вероятно, именно поэтому пакистан-

ское правительство пошло на некоторое изменение позиции в кашмирском вопросе.

До последнего времени позиции Пакистана и Индии по Кашмиру оставались неизменными: в Дели между всеми политическими партиями существует консенсус, что Кашмир — неотъемлемая часть индийской территории; в Исламабаде добиваются претворения в жизнь резолюций ООН, предусматривающих проведение референдума по вопросу о самоопределении.

Последний проблеск возможного политического соглашения между Индией и Пакистаном был в 1962 году, когда президент Неру предложил поделить Кашмир по линии контроля. Пакистанцы потребовали дополнительные земли. В ответ Индия тоже ужесточила позицию.

В 1991 году вице-президент России Александр Руцкой, будучи в Исламабаде, на вопрос о том, как ему видится решение кашмирской проблемы, сказал, видимо, не зная всей предыстории: конечно, в соответствии с резолюциями ООН. В Дели такому заявлению удивились.

В 1993 году президент России Борис Ельцин во время визита в Индию, выступая перед индийской общественностью, сказал, что Российская Федерация поддерживает позицию Индии по Кашмиру. Пакистан вздрогнул.

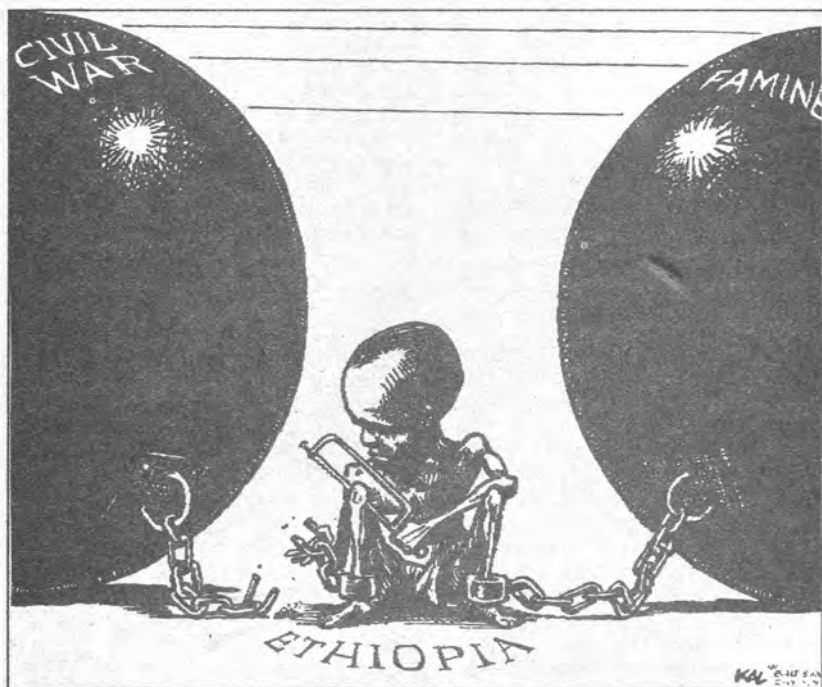
Похоже, что в новых геополитических условиях Пакистан вынужден искать более конструктивные подходы. Во время визита Андрея Козырева пакистанская сторона заявила, что готова вести двусторонние переговоры с Дели на основе Симлского соглашения 1972 года.

Тем временем газетные полосы изо дня в день пестрят информацией о Кашмире — в Пакистане пишут о зверствах, чинимых над мусульманами индийской полицией и армией; в Индии с избытком знают о террористических актах, подготовленных с помощью пакистанских боевиков. Это смахивает на психоз.

Но пресса в Пакистане независимая, а официальный Исламабад хочет всячески избежать любых экстремальных религиозных проявлений. Отсюда и страх перед Афганистаном, и ограничение на въезд мусульман из Индии. После бомбейских погромов среди индийских мусульман, стали ходить лозунги: «В Пакистан или на кладбище». Исламабаду эти настроения не нравятся.

Вместе с тем в Лахоре в музее истории и археологии на всех статуях Будды правая, несущая знамение, рука бога отбита. Что это — проявление религиозного фанатизма или неприятие всего индийского, пусть даже и не индусского? Впрочем, кто знает, зачем и в какие века это делали. Здесь было столько завоевателей и такая смесь религий...

ИСЛАМАБАД—ЛАХОР—МОСКВА

Эфиопия: между голодом и гражданской войной

Балканы в Африке

Яков Боровой

В первые годы революции Менгисту Хайле Мариам обещал: «Пока я жив, ни одной пяди эфиопской земли не отойдет к мятежникам».

«Тактика салями»

Но ни помощь друзей, ни самая огромная армия в Африке, ни 60-процентные отчисления из государственного бюджета на гражданскую войну, ни всеобщая мобилизация, под которую попадала и молодежь до 14 лет, ни убежденные сединами ветераны, воевавшие еще с итальянскими фашистами в 30-е годы, не могли сохранить территориальную целостность Эфиопии. К «отступникам» применялись самые жестокие меры устрашения. В армии действовала бригада Революционного дисциплинарного координационного комитета. В ее задачу входило выявление дезертиров, шпионов, паникеров... Бригадой уничтожены десятки тысяч солдат. Однажды целая дивизия «Асэфа», отказавшаяся участвовать в сражении и покинувшая боевые позиции, была окружена и расстреляна артиллерией.

Специальная бригада безопасности — местный «смерш» — «специализировалась» на уничтожении недовольных среди местного населения. «Врагов народа» — детей, женщин и стариков — закалывали пятаками. В местных гулагах погибли тысячи эфиопов.

Окончание. Начало в № 16.

На территории древнейшего государства вскоре возникнет несколько маленьких независимых стран. Голодных и враждующих друг с другом

За 17 лет правления режим израсходовал на армию и службу безопасности 51 миллиард долларов. И это в нищей стране!

И все же ничто не помогло Менгисту...

К началу 1990 года около половины территории страны контролировалось мятежными формированиями. Партизаны постоянно отвоевывали у центрального правительства все новые и новые земли. Их успешные военные действия в народе прозвали «тактикой салями».

Оппозиционные группировки, несмотря на различия между ними, ставили первоочередной задачей уход с политической арены Менгисту Хайле Мариам. В рядах противников режима, объединившихся в Эфиопский народно-революционный демократический фронт (ЭНРДФ), воевали многие солдаты регулярной армии, представители всех народностей страны (Эфиопию издревле называют «Хабеш» — «смешение языков»). В освобожденных районах ликвидировались прежние институты власти. Разгонялись кооперативы. Местные жители не горели желанием поддерживать режим Менгисту.

21 мая 1991 года наступила развязка. Официальное — последнее! — сообщение властей гласило: Менгисту Хайле Мариам выехал с официальным дружеским визитом в соседнюю страну. На самом же деле президентский авиалайнер взял курс на Зимбабве. Здесь «красному негусу» было предоставлено политическое убежище. Шикарная вилла в 40 километрах от Хараре была загодя приобретена диктатором...

«Верной дорогой идете, товарищи...»

На улицах Аддис-Абебы появились бородатые партизаны, денно и нощно палившие от радости в небо из автоматов Калашникова. Противоречивый альянс из Народного фронта освобождения Тыграй (НФОТ), выступавшего от имени всего населения Эфиопии, и сепаратисты из Народного фронта освобождения Эритреи (НФОЭ), сторонники отделения Эритреи от Эфиопии, праздновали победу. В дальнейшем пути соратников по борьбе на два фронта против тоталитарного режима Менгисту, разумеется, не могли не разойтись...

Между тем власть в Аддис-Абебе перешла к лидеру НФОТ Мелесу Зенауи — человеку маленького роста, с усами и бородкой. Он родился в 1955 году в Адуа, на севере Эфиопии. Женат на «товарище по партии». Отец одного ребенка.

Мелес Зенауи — выходец из семьи со средним достатком. Учился в привилегированной средней школе. Блестяще знает английский язык. Два года отучился на медицинском факультете Аддис-Абебского университета... после чего примкнул к партизанам. Вдохновенный революционными трудами Че Гевары, Мао и Ленина, он стал рьяным сторонником марксизма и албанского пути развития. По национальности принадлежит к народу оромо, одному из крупнейших племен Эфиопии, исповедующих в основном ислам, но воз-

главлял с 1987 года народный фронт тыграйцев, придерживающихся христианства. Навел в НФОТ железную дисциплину. Постепенно происходил его отход от догматического марксизма. Возможно, это произошло потому, что его любимая фраза звучит так: «Доказательство любой теории лежит в практике». Сам о себе Мелес Зенауи говорит: «Потребовалось 17 лет для прозрения молодому человеку из провинции. Я не говорю, что все идеи, которые были у меня в ту пору, бесполезны, но они представляли собой мешанину из всякой всячины».

Экономическая политика нынешнего переходного правительства, в котором тыграйцы заняли ведущие посты, носит половинчатый характер. И сегодня М.Зенауи не изжил в себе «родимые пятна» марксизма. Торговля приватизирована, но остался государственный контроль над многими отраслями промышленности; колхозы ликвидированы, но частная собственность на землю не введена... В окружении президента находятся «товарищи по партии», крайне некомпетентные в вопросах экономики. Так, к примеру, ведущий советник президента по экономическим вопросам Касу Илала до своего прихода на этот пост... занимался наукой о растениях...

Практически единственное достижение нынешней администрации — это демократизация общественно-политической жизни в стране. Пресса пишет как ей заблагорассудится, стремясь впервые выговориться за долгие годы диктатуры. Демонстрации проходят чуть ли не ежедневно. Мелес Зенауи шутит: «Я думаю, что у нас в Аддис-Абебе больше демонстраций, чем где-либо в мире». Новые власти преуспели на стезе разрушения. В июне 1991 года распущена Рабочая партия Эфиопии как «диктаторская и фашистская организация». Членам РПЭ запрещено избирать и быть избранными в руководящие структуры государства. Разрушены памятники коммунистическим вождям, в том числе и Ленину, в столице. Восстановлены старые названия улиц и городов...

Впрочем, в рассуждениях нового лидера Эфиопии о демократии нет-нет да и проскользнет старая марксистская демагогия. «Демократия — это единственный путь вперед, однако она не должна служить игрушкой в руках элиты», — утверждает М.Зенауи. — Демократия должна распростра-

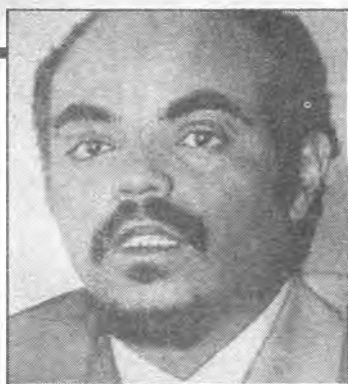
няться даже на так называемого «темного крестьянина»... поскольку только тогда, когда в демократическое управление вовлечена основная масса народа, можно действительно контролировать деятельность центральной власти».

Мелес Зенауи — сторонник демонтажа традиционного авторитарного центрального правления. Национальная политика правительства сводится к созданию системы «этнического федерализма» в рамках единого многонационального государства. На практике это означает раздел страны на 14 национально-административных округов в соответствии с границами компактного проживания различных этнических групп. Вновь избранным правительствам предоставляется полная самостоятельность при решении социальных и экономических вопросов. В новообразованных районах язык большинства населения становится официальным. К такому решению национальных проблем переходное правительство подталкивает американская администрация, в частности помощник госсекретаря США по африканским делам Герман Коэн. «Мистер Африка», как его величают на континенте, так и сказал: «Децентрализация власти свидетельствует о том, что Эфиопия находится на верном пути».

Эритрейская карта

Эритрея в 1890–1941 годах была итальянской колонией. Войска Хайле Селассие I принесли освобождение этой стране. В 1950 году вопреки воле эритрейцев, высказавшихся в результате всенародного опроса за независимость, Генеральная Ассамблея ООН приняла решение об объединении двух стран в составе федерации. Между прочим, Советский Союз в то время выступал за предоставление независимости Эритрее. В 1962 году последний эфиопский монарх, ликвидировав федерацию, аннексировал эту провинцию.

Но эритрейцы (их еще называют на старом ладе абиссинцами) не согласились с таким решением национальной проблемы. 12 лет воевал с мятежниками «царь царей» и еще 17 — «красный негус». Ни тот ни дру-

Мелес Зенауи — последний лидер империи?

гой покорить Эритрею не смогли.

В гражданской войне погибли десятки тысяч эритрейцев, сотни тысяч остались калеками... Эритрейский порт Массауа, считавшийся самым красивым городом на Красном море, превратился в руины. Неразрушенных зданий практически не осталось, в «мертвом

городе» повсюду лишь свалки металлолома из советских танков, орудий, БТР... Ведь именно в основном советским оружием воевали центральные власти с сепаратистами. Тяжелое наследие досталось бойцам НФОЭ, ворвавшимся в столицу в мае 1991 года. Три четверти населения провинции живут за счет милосердия международного сообщества. Люди гибнут от голода. Промышленности нет, а сельское хозяйство не восстановить. Один эксперт из Европейского сообщества сказал: «Там, где между камнями нет больше земли, не поможет никакое орошение». Зато переименованы все улицы, своим названием напоминавшие об империи. Есть уже свои флаг и гимн. Гордые эритрейцы отказываются вести по телефону переговоры с заграницей, ибо у них пока нет собственного международного телефонного кода. А ведь, скажем, Канада и сегодня пользуется телефонным кодом своего южного соседа...

Окончательный развод с Эфиопией назначен на лето 1993 года. В голосовании за независимость примет участие 3,5 миллиона жителей провинции. Итог будущих выборов предрешен: на карте мира появится еще одно нищее государство.

Отделение Эритреи оставляет Эфиопию без выхода к морю. Остается лишь призрачная надежда, по расчетам Зенауи, на «какую-то политическую ассоциацию».

Между тем власть в Эритрее принадлежит сподвижнику Мелеса Зенауи по общей борьбе с Менгисту — Иссайясу Афеворку. Руководимая им организация — Народный фронт освобождения Эритреи — сосредоточила в своих руках и исполнительную, и законодательную власть. И.Афеворк родился в 1946 году. Христианин по вероисповеданию. До последнего времени пламенный марксист. Проучившись два года на инженерном факультете Аддис-Абебского университета, он в 1966 году ушел в партизаны. С 1987 года возглавляет НФОЭ. В последнее время в его взглядах произошли существенные подвижки. Иссайяс Афеворк выступает за много-

Иссайяс Афеворк: «Независимая Эритрея, отделившись от Эфиопии, не потерпит никаких автономий для «своих» меньшинств»

После 30 лет гражданской войны Эритрея становится независимым государством. Теперь ее главные враги — не империя, а голод, нищета, экономическая немота...

партийность, но и за руководящую и направляющую роль НФОЭ; за частную собственность, но и за контроль государства над экономикой страны... Фактически добившись отторжения от Эфиопии, местные власти, однако, не намерены предоставить даже куцее право на самоопределение нацменьшинствам, проживающим на территории Эритреи. «Единая и неделимая Эритрея не потерпит претензий кочевников из племени афар на какую-либо автономию», — ясно и недвусмысленно заявляет Иссайяс Афеворк.

Перед независимой Эритреей остро встанет не только проблема сепаратизма афаров и других нацменьшинств, но и угроза религиозных распрей. Ведь население страны почти поровну делится на христиан и мусульман. Вряд ли они смогут мирно ужиться...

В Аддис-Абебе между тем полагают, что Мелес Зенауи, дав вольную грамоту своему товарищу по борьбе с Менгисту, создал опаснейший прецедент для сепаратистских устремлений других народностей Эфиопии, зажег «зеленый свет» для распада двухтысячелетнего государства.

Свара на похоронах империи

В нынешней ситуации грядущего развала страны наиболее обиженными выглядят представители крупнейшего этноса — амхара (39,2 процента населения). При императорах они играли цементирующую роль объединителя нации. Проживали повсеместно. Все ключевые посты в государстве традиционно принадлежали им. Но и при Менгисту, который хоть и не относился к этому народу, но претендовал на роль амхарского национального лидера с ярко выраженными великодержавными амбициями, христиане-амхара до-

минировали в национальном собрании, правительстве, ЦК РПЭ. Хотя, впрочем, в конституции Народной Демократической Республики Эфиопия и было официально закреплено равноправие всех наций и народностей страны. Сегодня амхара с ужасом взирают на неминуемый распад своей родины.

Пробил час воинствующего национализма. Новые партии построены по национальному, племенному принципу. Местные князьки — все питомцы одного коммунистического гнезда, еще недавно ходившие в наглухо застегнутых на последнюю пуговицу френчах корейского образца, а ныне облачившиеся в национальные платья, — пытаются оторвать от Эфиопии кусок пожирнее. К тому же националистические партии наиболее крупных народов ведут нескончаемую кровавую борьбу не только с центром, но и друг с другом.

Фронт освобождения оромо — второго по численности народа Эфиопии (38 процентов населения) — являлся одним из главных союзников сил коалиции, боровшихся с тиранией Менгисту. Если по справедливости, то этому народу было за что не любить центральные власти. Менелик II силой присоединил земли оромо к Эфиопии на рубеже XIX—XX веков. При императорах культура и язык оромо были фактически запрещены. Шла усиленная амхаризация населения. Да и при Менгисту представителей этого народа не допускали к высшим эшелонам власти. После победы повстанцев в мае 1991 года Фронт освобождения оромо прекратил поддерживать своих бывших союзников, и ныне лидеры Фронта желают «добиться политических целей военными средствами». На практике это означает, что ФОО выступает за самоопределение и создание отдель-

ного государства оромо на юге страны — Оромии. Под этим названием подразумевается никогда не существовавшее в действительности государство. Между тем уже сегодня из мест компактного проживания оромо изгоняются амхара, тыграи, гураге... Нежелая покидать родные края живьем закапывают в землю. Сторонников «единой и неделимой» Эфиопии (а такие есть и среди оромо) преследуют, подвергают пыткам.

В то же время сами оромо не представляют однородной этнической общины. Наряду с христианами есть и оромо-мусульмане. Именно они, объединившись в Исламский фронт за освобождение Оромии, являются самыми фанатичными адептами создания «мусульманской Оромии» хомейнистского толка. Вряд ли такая перспектива может устроить христиан оромо, а также сторонников единой Эфиопии. Пока что происходят кровавые разборки между «своими» — ФОО и мусульманскими «фронтами».

Тыграи (7,4 процента населения страны) были основной силой в Народном фронте освобождения Тыграи. В этом нет ничего удивительного: ведь амхара и тыграи — традиционная этническая основа эфиопской империи. Однако тыграйские партизаны, войдя после боев в Аддис-Абебу, тотчас почувствовали себя чужаками в столице. Ведь «Новый цветок» (а именно так звучит название Аддис-Абебы по-амхарски), «посаженный» еще Менеликом II, всегда считался центром амхара. Амхарцы презрительно называли победителей «бушменами», хотя и те и другие — христиане. Вернувшись в родные края, обиженные тыграи превратились из сторонников унитарного государства в отъявленных сепаратистов. Ныне многие из них выступают за создание «национального дома» — Тыграиленда.

Глядя на братьев «старших», сепаратистские аппетиты разыгрались и у «младших»... Афары мечтают о «великой Афании» в Эритрее. Народ сомали вместе со своими братьями из племени иса тоже жаждет отщипать кусок Эфиопии на севере страны. Маленькое мусульманское государство Джибути стало выдвигать территориальные претензии к Эфиопии... Мелес Зенауи между тем считает, что «любые силовые действия по обеспечению единства Эфиопии приведут к полному национальному распаду, к началу новой гражданской войны».

В декабре 1991 года Мелес Зенауи уверял: «Я не думаю, что у нас может повториться Югославия». Но югославский призрак приобретает все более зримые очертания на Африканском Роге. Сепаратизм, похоже, похоронит Эфиопию — двухтысячелетнюю страну, колыбель христианства в Африке.

АДДИС-АБЕБА — МОСКВА

Рисунок и фото из журнала «Жен Африк»

Незванный гость хуже...

Граждане бывшего Советского Союза становятся в Польше персонами «non grata»

К этой печальной, если не сказать — обидной, для нас теме приходится возвращаться вновь и вновь. Неуютно ощущать сочувствие или видеть кривоватые улыбки, которыми сопровождают поляки все более многочисленные десанты бывших советских соотечественников на привокзальных площадях, на околицах гигантского рынка-стадиона или просто на улицах Варшавы. Удивляться, к сожалению, нечему. За торговцами потянулись разбойники, которые обирают не только своих, но и хозяев грабят при случае. Нападения с оружием, перестрелки; убийства — все это вошло в порядок дня.

Поводом вернуться к малоприятному разговору стала новая волна дискуссий: как быть, где выход? И вот тут демократическая Польша явила, кажется, пример разумной сдержанности и — на уровне властей — несогласия со стихией толпы. Об этом и пойдет речь.

Общепольский центр изучения общественного мнения только что завершил широкое, по всей стране, обследование. Его результаты удивили даже закаленных социологов. Оказалось, что поляки в большинстве своем за ужесточение правил пересечения границ, причем отнюдь не только для граждан СНГ. К не очень желанным визитерам отнесены и прибалты. Впрочем, это понятно, по статистике торгово-экономических и уголовных преступлений, они, особенно литовцы, в одном ряду с «нашими». Однако здесь же оказались и немцы, словаки, чехи. О румынах, и особенно цыганах, уж и не вспоминаю: они давно как бы за пределами дискуссий.

Для воссоздания более или менее точной картины состояния массового сознания поляков обратимся к итогам опроса. Итак, за ограничение приезда в Польшу русских, украинцев, белорусов, жителей среднеазиатских государств СНГ высказалось от 60 до 63 процентов опрошенных. Литовцы, латыши, эстонцы уступают этому неутешительному показателю незначительно: 58 процентов поляков видят в них непрошенных гостей.

Три четверти взрослого населения Польши полагает, что введение въездных виз «повлияло бы положительно на улучшение криминальной ситуации в стране». При этом, правда, лишь 42 процента решительно выступают за эту жесткую меру ограничения. Такой же процент

опрошенных высказывается менее определенно: «за ужесточение существующих правил и более строгий контроль». Примечательна и география оценок: чем ближе к восточной границе, тем мягче, терпимее к соседям отношение польского населения.

Угроза нарастания массового «торгтуризма» с востока, подталкиваемая, правда, весьма несовершенным российским законом о свободном пересечении границ, вполне логично требует от польских властей решения, достойного демократического государства, настойчиво стремящегося к интеграции с западной цивилизацией. Но чем в таком случае провинились чехи, словаки, немцы?

А каковы решения на уровне закона? Пока что на введение каких бы то ни было жестких ограничений, в том числе виз, правительство Речи Посполитой не пошло: конфронтацию между МВД и МИД выиграла дипломатия. Но — пока. Сейчас ждет утверждения компромиссный проект, смысл которого — переложить главную ответственность за гостя на приглашающего. По нынешним оценкам, само такое приглашение нового образца, то есть бумага с печатью, обойдется приглашающему в сумму, эквивалентную 30 долларам.

«Коробейники» в Варшаве

Фото автора

Отважусь на прогноз: при сохранении рыночного курса рубля к доллару в СНГ и среднестатистического уровня прибыли от одной «ходки» за Буг в 150–250 долларов, включая «накладные расходы» за товар и дорогу и обязательные поборы таможи за «свободу передвижения», тридцатка, возмещенная пригласившему, погоды не сделает. «Эсенговское коробейничество» еще долго будет делом доходным. И если в 1992 году в Польше побывало 7,5 миллиона «наших», то и в нынешнем никак не станет меньше.

Дело еще и в том, что немалое число поляков из тех, кто вынужден считать каждый истраченный злотый, ощущает в приездах «коробейников» из СНГ немалую для себя пользу. Вместе с ядовитой пеной всяческой липы — туфтовой икрой в фабричных банках, отравой под «Российскую» или «Столичную», будильников и часов, навеки останавливающихся в день покупки, — «туристы» из СНГ везут и массу вещей полезных. На развалах «свободной торговли» — в избытке инструменты и ткани, электрооборудование и постельное белье, сигареты и детские игрушки, посуда и запчасти для автомобилей. Все нашенское, незатейливое — зато за полцены.

Сознание «среднестатистического поляка» явно раздвоено. Но большинство, как видим, дешевому рынку все же предпочитает спокойствие в собственном доме. Хотя для себя самих — иронизирует одна из столичных газет — настойчиво требует, чтобы «для граждан Республики Польша все границы были широко распахнуты».

Обольстившись оздоровительной и обнадеживающей самоиронией, столь свойственной полякам, можно бы и точку поставить. Но за сухой статистикой социологических данных просматривается и нечто более серьезное, выходящее далеко за пределы Польши. Неприятное, или, скажу мягче, настороженное, отношение не только к нам, бывшим советским, но и вообще ко всем близким соседям — словакам, чехам, немцам — явление, в природе которого вовсе не только мотивы торговые или уголовные. Я бы назвал это явление рецидивом всеобщей ксенофобии, становящейся едва ли не закономерной в мире, выбирающемся из сталинского социализма. Проявления такой опасной болезни особенно печальны в народе, который одним из своих традиционно главных качеств с гордостью почитал толерантность — национальную и религиозную терпимость.

Рудольф Борецкий,
соб. корр. «Нового времени»
ВАРШАВА

Еще преступник или уже национальный герой?

Виктор Писмаров,
собственный корреспондент «Нового времени»

Так ли безобидны попытки реабилитировать Йона Антонеску и его фашистскую диктатуру?

Имя маршала Йона Антонеску, с которым связано установление в Румынии военно-фашистской диктатуры и вовлечение страны в войну против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии, постепенно выходит из небытия после почти пятидесятилетнего забвения, а сам маршал обретает ореол патриота, чья жизнь была-де посвящена созданию Великой Румынии.

Карьера под звон шпор...

Он родился 2 июня 1882 года в Питешти в семье капитана из местной военной администрации, что, очевидно, и определило его стремление тоже стать военным. Окончил школу для детей военнослужащих и училище, готовившее пехотных и кавалерийских офицеров. Свежеиспеченным младшим лейтенантом принял участие в подавлении крестьянских волнений 1907 года на севере румынской Молдовы. В звании лейтенанта поступил в Высшую военную школу, которую успешно закончил.

Йон Антонеску, новоиспеченный диктатор. 1940 год

Болгарский поход 1913 года застал Антонеску в должности начальника оперативного бюро штаба кавалерийской дивизии. Тогда же он получил свою первую награду «За военную доблесть».

Дальнейшая карьера Антонеску развивалась успешно. Он командовал эскадром курсантов в кавалерийской школе в 1914 году, возглавил эту школу в 1926-м, являлся начальником Высшей военной школы в 1927 и 1931 годах. В промежутках занимал различные должности в войсках — командовал полком и бригадой. Хотя в боях первой мировой войны особо не отличился, но в 1917 году приезжал в Петроград, чтобы согласовать с генералом Алексеевым планы взаимодействия и снабжения румынских и русских войск на южном участке фронта.

В 1923–1926 годах полковник Антонеску

служил по дипломатической линии в качестве военного атташе. В 1928-м стал генеральным секретарем министерства национальной обороны, в 1933-м — начальником генерального штаба. Через год получил под командование дивизию. В 1937 году стал министром национальной обороны, но через три месяца ушел.

В июле 1940 года он направил королю Каролю II письмо с протестом против возвращения Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины, которые были оккупированы Румынией после распада Российской империи, а затем присоединены к ней в 1918 году. Письмо королю не понравилось. Автор был отправлен под домашний арест, а потом сослан в монастырь. Казалось, военная карьера 58-летнего генерала завершилась. Но судьба распорядилась по-своему.

Последний резерв

1940 год был своего рода «черным годом» для Румынии. 26 июня правительство СССР направило Бухаресту ноту с требованием немедленно приступить к решению вопроса о возвращении Бессарабии и Северной Буковины. Берлин посоветовал румынам уступить. Аналогичные рекомендации последовали из Рима, Белграда и Афин.

30 августа министры иностранных дел Германии и Италии приняли в Вене румынских и венгерских представителей, чтобы объявить им арбитражное решение о возвращении хортистской Венгрии Северной Трансильвании, которая отошла Румынии по Трианонскому договору после поражения центральноевропейских держав в первой мировой войне и распада Австро-Венгрии. Болгарии была возвращена Южная Добруджа.

Венский диктат вызвал в Румынии взрыв недовольства политикой короля и его окружения. Бесчинствовала профашистская «железная гвардия». По дорогам брели тысячи беженцев. Кароль II решил создать правительство «твердой руки», чтобы «навести порядок». 3 сентября Йон Антонеску был привезен из монастыря в королевский дворец.

— Ты единственный настоящий патриот, — заявил король будущему диктатору. — Я обращаюсь к тебе, потому что всегда считал тебя своим последним резервом. Ты не можешь отказаться. Пришло твое время. В этот тяжелый момент доверяю тебе правительство и страну.

Однако надежды Кароля II сохранить с помощью Антонеску собственную корону не оправдались. Антонеску делить власть с королем не желал. Он потребовал отречения Кароля II от престола в пользу девятнадцатилетнего наследника Ми-

Не все в Румынии желали диктатуру. Антифашистская демонстрация в Бухаресте

хая, рассчитывая, что «мальчишка» не станет мешать. Акт отречения был подписан, управление страной передано Антонеску. Государство было объявлено легионерским, а легионеры — члены фашистской «железной гвардии» заняли важные посты в правительстве. Свой политический курс Антонеску сформулировал достаточно ясно: во внешней политике — ориентация на треугольник Берлин—Рим—Токио, во внутренней — опора на легионерский режим.

Гитлер его понял...

В Берлине с одобрением восприняли перемены в Румынии. Решительный генерал, симпатизирующий фашистам, был именно той фигурой, которая требовалась. Первая его встреча с Гитлером состоялась во время визита в Берлин 20–25 ноября 1940 года. Вначале она разочаровала Антонеску. Генерал выразил несогласие с решением проблем Северной Трансильвании, Бессарабии и Северной Буковины, подчеркнув вроде бы неотъемлемое право Румынии на эти территории. Его слова вызвали улыбку у фюрера.

— Я понимаю вашу озабоченность, — заявил, как говорят свидетели, Гитлер. — Но когда судьба всего мира поставлена на карту, проблему границ лучше отодвинуть на второй план. Все границы временны. Только после победы мы примем окончательное решение.

Не устраивало Антонеску и то, что Гитлер в плане пересмотра границ не рассматривает на румынскую армию, считая, что ее подготовка и оснащение современным оружием

потребуется слишком больших усилий. Немецкие войска-де сами завоюют Бессарабию и другие территории и передадут их Румынии, которая должна будет заняться сельским хозяйством и животноводством. С этим Антонеску не мог согласиться.

Тем не менее вторая беседа с Гитлером, проходившая с глазу на глаз, несколько повысила настроение генерала. Фюрер оказал ему высокое доверие, сообщив о своем решении напасть на Советский Союз. После окончания беседы Гитлер торжественно заверил членов румынской делегации, что вся политика Германии в отношении Бухареста будет основана на тесной дружбе, а в случае возникновения трудностей с кем-либо из соседей они могут на него рассчитывать.

Роль Румынии в будущей войне против СССР была определена. 23 ноября Антонеску подписал акт о присоединении к треугольнику Берлин—Рим—Токио.

«Приказываю перейти Прут!..»

Среди союзников фашистской Германии Антонеску был первым, кто узнал о ее планах войны против СССР. Однако и он не знал даты начала военных действий. И в середине июня 1941-го заявил германскому послу в Бухаресте Киллингеру, что для подготовки к боям ему надо хотя бы за 10 дней знать о их начале. Не говоря ни слова, посол взял карандаш и написал на клочке бумаги: «21–22 июня». На следующий день Антонеску отбыл в инспекционную поездку на границу с Советским Союзом.

На рассвете 22 июня румынские части получили приказ: «Солдаты! Приказываю перейти Прут! Сокрушите врага на Востоке! Освободите от красного большевистского рабства ваших братьев!..»

Когда войска вышли к Днестру, Антонеску решил было, что его задача выполнена: «Заканчиваю эту войну, начинаю наводить порядок в стране и заставлю всех взяться за дело». Он даже якобы распорядился демобилизовать две пехотные дивизии и лично выехал на место, чтобы проконтролировать отправку по домам первых эшелонов.

Однако подобные решения не вписывались в планы Гитлера.

Состоялась срочная встреча Антонеску с германским послом, который передал просьбу фюрера, чтобы румынские дивизии заняли зону между Днестром и Днепром в обмен на продолжение военных действий. Антонеску согласился при условии, что немецкие войска не будут вмешиваться в управление подпадающими под румынскую военную администрацию территориями между Днестром и Бугом, получившими название Транснистрия (нынешнее Приднестровье).

Возник замкнутый круг. Транснистрия стала платой за дальнейшее участие в войне. Румынские солдаты без особого, правда, рвения воевали под Одессой, Керчью и Севастополем, принимали участие в военных операциях под Харьковом, дошли до Кавказа и Волги. Было ясно, что, пока германские войска продвигаются по советской территории, румынские будут рядом с ними. Антонеску получил звание маршала. Появился тезис: чем весомее будет вклад Румынии в войну, тем больше возрастут шансы не только на приобретение советских территорий, но и на возвращение Северной Трансильвании.

Перелом, наступивший в ходе войны после Сталинграда, ставшая очевидной неизбежность поражения Германии и бесперспективность дальнейшего участия Румынии в войне заставили короля Михая и его придворных искать пути спасения монархии. Выходом могло стать лишь заключение перемирия с СССР. Но, пока власть находилась в руках Антонеску, король был бессилен что-либо предпринять...

«Классовые враги» договорились...

Решение избавиться от Антонеску созрело у короля весной 1944 года, когда советская армия, развивая наступление на юге, приближалась к границам Румынии. После долгих колебаний он решил войти в контакт с румынскими коммунистами. Первая встреча состоялась 23 мая во дворце. В ней участвовали король, генералы из его окружения и два представителя нелегальной КПР Л.Пэтрэшкану и Э.Боднэраш. В ночь с 13 на 14 июня, на этот раз уже на конспиративной квартире партии, состоялось новое совещание с участием представителей дворца и армии.

Коммунисты отвергли план короля, предусматривавший замену Антонеску с согласия Гитлера другим прогермански настроенным деятелем с последующим его смещением. Представители КПР были настроены гораздо решительнее. Их план предусматривал свержение военной диктатуры и образование коалиционного правительства, которое разорвало бы союз с Германией и обеспечило переход Румынии со всем своим военным потенциалом на сторону антигитлеровской коалиции. Арест Антонеску планировалось осуществить во время его аудиенции у короля, когда он откажется от заключения перемирия. Это был, пожалуй, единственный случай в мировой истории, когда «классовые враги» договорились о совместных действиях.

Арест диктатора

Во второй половине дня 23 августа к парадному подъезду королевского дворца прибыл кортеж из трех автомобилей. Из бронированного «мерседеса» вышел Антонеску. Его провели в так называемый желтый салон, где ожидал король. За тяжелой портьерой притаилась группа генералов и придворных с пистолетами в руках. Арестовать маршала было поручено, правда, всего лишь майору и старшему унтер-офицеру.

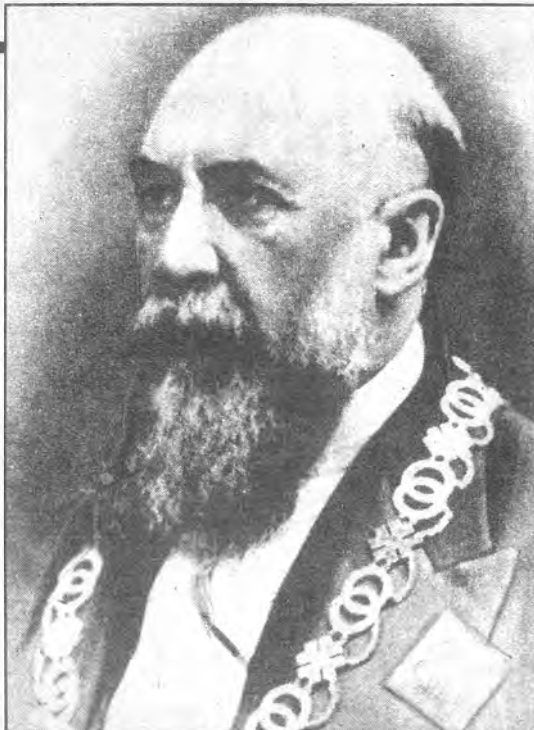
Как свидетельствуют очевидцы, король сразу приступил к делу.

— Мне стало известно, что русские прорвали фронт. Хотел бы знать, какие меры вы намерены предпринять?

Антонеску начал объяснять обстановку, признав, что противник продвигается, и заверив, что через день-два будет остановлен.

Король, однако, хорошо отретировал свою роль.

— Ситуация критическая, и я думаю, что надо просить о перемирии, — сказал Михай.

Своих политических противников будущий маршал быстро убрал со сцены. Одной из первых жертв стал крупнейший румынский и европейский ученый-гуманист, известный своими антифашистскими взглядами, — Николае Йорга, убитый легионерами 27 ноября 1940 года, через два дня после возвращения Антонеску со встречи с Гитлером...

Маршал был удивлен. Впервые король разговаривал с ним в таком тоне.

— Я попрошу перемирия, когда сочту нужным, и на определенных условиях, — заявил он.

— Слишком поздно, чтобы их разрабатывать, — заметил король.

— Мне нужны гарантии, и, если мне их не дадут, я буду продолжать войну вместе с германскими войсками, — настаивал Антонеску.

— Ваше решение неприемлемо. Вы должны просить о перемирии.

— Я знаю, когда выбрать момент. Не нужно меня учить!..

— Если вы не согласны, было бы лучше подать в отставку.

— Я не подам в отставку, — отрезал маршал, побагровев от гнева. — Не думаете ли вы, что я отдам страну в руки ребенка?

— Если это ваш ответ, то вы смещены, — произнес король заранее обусловленную фразу.

Антонеску был арестован. Под предлогом созыва Совета короны во дворец были вызваны и там арестованы члены его правительства. После перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции они были доставлены в Москву, где Антонеску якобы допрашивал сам тогдашний нарком государственной безопасности Абакумов.

Последнее поражение маршала

Суд над Антонеску и его министрами начался 6 мая 1946 года в бу-

харестском народном трибунале. Трибунал приговорил его к смертной казни. Среди предъявленных обвинений основными были предательство интересов румынского народа, ввод германских войск на территорию страны, ее экономическое и политическое подчинение интересам «третьего рейха», сотрудничество с легионерами, разработка антисемитских законов и массовые еврейские погромы и депортации, уничтожение политических противников, создание концентрационных лагерей, участие в войне против Советского Союза, казни в Одессе. Понимая, что невозможно опровергнуть ни эти обвинения, ни тот факт, что соучастие в гитлеровской аванюре принесло румынскому народу гигантские человеческие и материальные потери, маршал тем не менее попытался уйти из жизни как национальный герой и исторический провидец.

В своем последнем слове он заявил, в частности:

— Я горжусь, что принадлежу к нации, восходящей от римлян и даков. Я сражался в двух войнах ради ее славы.

Эта война, которая завершилась поражением Германии, не положила конец мировому конфликту, возникшему в 1914 году. Предвижу третью мировую войну, которая заложит истинную социальную основу для человечества. Я воевал против Советского Союза. Этого требовали от меня честь румынского народа и веление времени. Вы и ваши потомки сделаете завтра то, что я пытался сделать сегодня. И если бы я победил, то памятники мне стояли бы в каждом городе Румынии. Прошу приговорить меня к смертной казни и заранее отказываюсь от помилования...

В 1946 году столь выспренные тирады не вызывали у людей, пожалуй, ничего, кроме горьких раздумий о правителях, вознамерившихся возрождать «славу нации» на крови и страданиях своего и чужих народов. Ныне, почти через полвека, когда непосредственных участников военной трагедии почти не осталось, они воспринимаются иначе. И, хотя насчет третьей мировой войны пророчества маршала не сбылись, разговоры о возведении ему памятника уже идут. Появился ряд публикаций, в которых он предстает как национальный герой, освободитель румынских земель, чьи преступления можно называть лишь ошибками, которые, дескать, меркнут по сравнению с его заслугами... Так ли все это безобидно?..

БУХАРЕСТ

Фирма реализует
со склада в Москве:

ФИРМА "КОНСУЛ" ПРОДАЕТ

КАБЕЛЬ И ПРОВОД РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ:

- ВВГ, АППВ, АПВГ, ИВ;
- ПВ, ТПП, ТРП и др.

Телефон:

(812) 271-56-62.

ТОЛЬКО С НАМИ ВАШ УСПЕХ!

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЗАВОД "ИЖОРА-КАРТЭКС" А.О.О.Т. "ИЖОРСКИЕ ЗАВОДЫ"

ПРЕДЛАГАЕТ:

проектирование (по Вашему заданию) и изготовление машин, механизмов и оборудования для различных отраслей народного хозяйства;

изготовление машин, механизмов и оборудования по Вашей документации;

различные виды механической обработки, холодной и горячей штамповки, изготовление поковок и отливок массой до 100 тонн, сварных металлоконструкций.

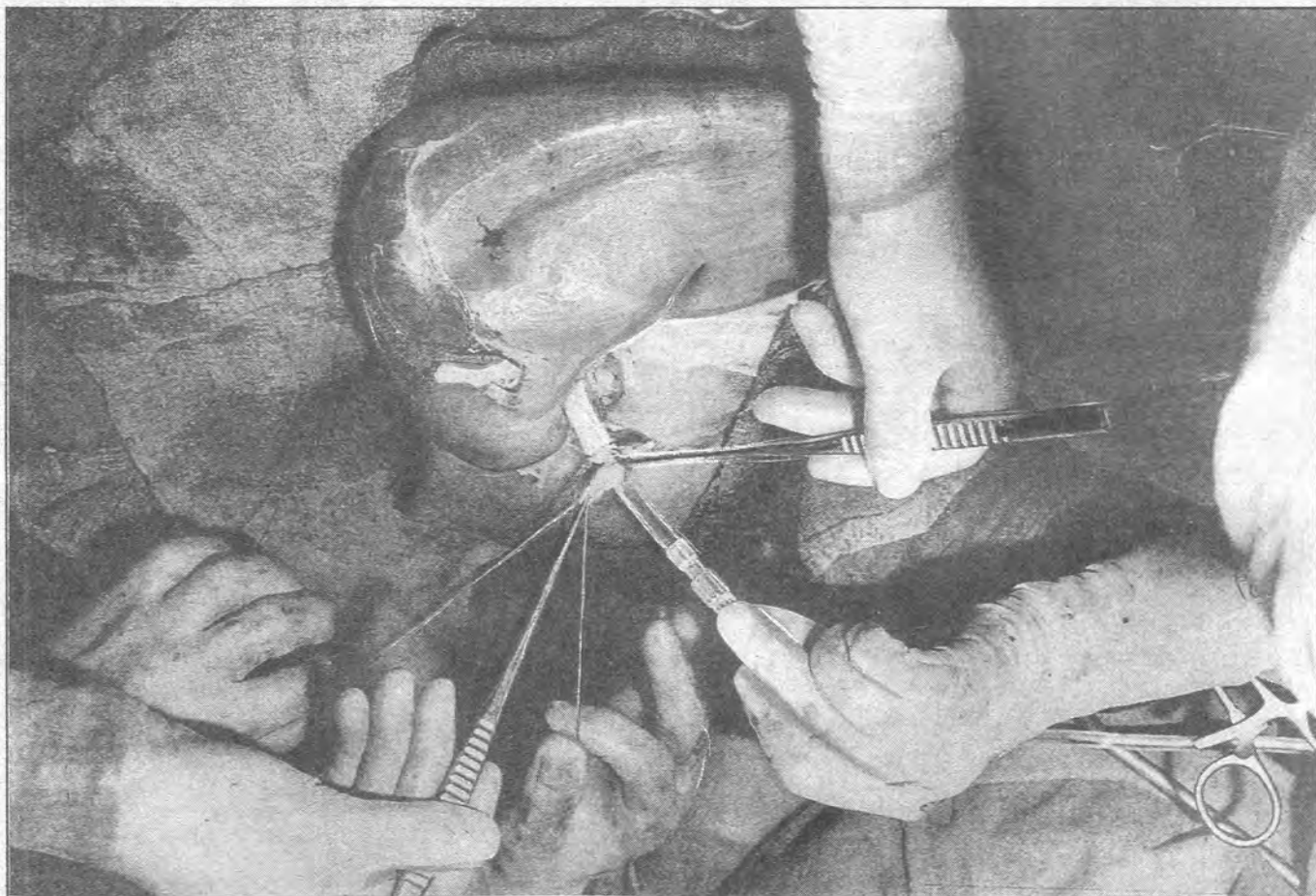
ЖДЕМ ВАШИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

Наш адрес: 189630, С.-Петербург, Колпино-1, пр. Ленина, 1.
Тел.: (812) 481-81-53, 481-88-22, факс: (812) 482-68-23.

209-95-81
209-76-52
200-21-10

RUSSIAN
PRESS
SERVICE

Право на чужую почку

Донорские органы изымаются после признания смерти головного мозга. Закон должен оградить пациентов от опасности превращения консилиумов врачей в «медицинские тройки»

Николай Серегин

Когда в 1967 году увенчалась успехом первая пересадка сердца, Барнард стал таким же известным, как Гагарин. Со временем пересадки человеческих органов стали почти обыденными — ежегодно в мире трансплантируют десятки тысяч почек, сотни сердец. Спасенная (или хотя бы продленная) человеческая жизнь стоит усилий и затрат, которые связаны с такими операциями. Но кроме проблем технологического и финансового характера изначально существовали этические и юридические.

В Японии и мусульманском мире транс-

Трансплантация: отрежут все, что плохо лежит

плантологии не существует вообще. Ее противники ссылаются на то, что в качестве донорских могут быть использованы только живые органы, а значит, строго говоря, и прежнего их владельца нельзя считать полностью мертвым.

В некоторых странах необходимый донорский материал изымают без лишних церемоний и рассуждений об этике и правах личности. Но в большинстве осознали необходимость принятия специальных законов.

Иностранец ждет, пока убивают донора

Бригада медиков уже готова к рассчитанной по секундам операции. Нет только анестезиолога: этому пациенту наркоз не пона-

добится. Прежде чем попасть в руки хирургов, он будет расстрелян.

До того как будет зафиксирована смерть и врачи начнут изымать почки, печень, роговицы глаз, свое дело должны сделать конвоиры и палачи. На палаче — особая ответственность. Нужно настоящее мастерство, чтобы пуля не испортила органы, за пересадку которых уже заплатили валютой.

Будущие владельцы тоже готовятся к операции. Им все равно, где взят донорский орган: они заплатили за операцию, которая продлит им жизнь, а не за убийство.

Такая трансплантация человеческих органов налажена в Китае. Гонконгский врач, присутствовавший при подобной операции, утверждает, что внутренние органы казенных преступников составляют основу банка органов КНР.

Переход от бесплатной медицины к частично оплачиваемой превратил трансплантацию в едва ли не самое доходное дело для китайских клиник. Заказчики из Гонконга и с Тайваня отмечают быстроту и аккуратность китайской стороны.

Вырученная валюта идет на развитие медицины, закупку необходимой медицинской техники и препаратов, на операции по трансплантации для китайских граждан. Эту информацию подтвердили в медицинском институте Чжуншань в Гуаньчжоу.

Вариант «трансплантации по-китайски», иронизируют его критики, можно усовершенствовать. Состоятельные клиенты, например, могли бы оплачивать постоянное присутствие в пределах досягаемости одного-двух доноров из числа смертников — вдруг откажет почка или сердце. Да и обслуживать клиентов можно по месту жительства — усаживать в самолет приговоренного к казни, палача, врачей-трансплантологов и лететь на вызов. Печень, почки и сердце доедут так гораздо лучше, чем в контейнере...

Есть подозрения, что подобная практика существует и в некоторых других странах. Но в России, похоже, такого нет. Правда, исполнение смертных приговоров покрыто секретностью, тела казенных родственников не выдаются. К тому же нет закона, определяющего право распоряжаться телом человека после его смерти, а следовательно, нет и серьезных препятствий для освоения китайского опыта. Вот только число казенных неизмеримо мало — в прошлом году, по неофициальным данным, в исполнение приведен лишь один смертный приговор.

Убийцы в белых халатах?

Появление организованной преступной деятельности в трансплантологии предсказывали еще в 70-х годах.

Журнал «Штерн» рассказал, как действует преступная трансплантология в Колумбии и Аргентине. В одном случае студенты медицинского института занимались похищением

бездомных людей, которых затем убивали для продажи «на запчасти». В другом — главврач психиатрической больницы умерщвлял с той же целью своих пациентов.

Криминалисты многих стран предупреждают о превращении нового бизнеса в проблему, сравнимую с незаконной торговлей наркотиками. Только в данном случае правоохранительным органам имеет смысл идти от «потребителя», а не от производителя, как в борьбе с наркоманией. Специфика рынка донорских органов такова, что контроль за потенциальными реципиентами позволит свести к минимуму пиратскую трансплантологию.

В министерстве безопасности России не видят серьезных оснований для тревоги, хотя и не забыли, что два десятилетия назад в Москве и Московской области совершались убийства детей-подростков: трупы находили с аккуратно сделанной операцией на одном глазу — удалялась роговица. Но это единичные случаи. Пока МБ больше беспокоит контрабанда людьми не «по частям», а целиком — поставка живого товара в зарубежные публичные дома.

Журналисты телерадиокомпании «Останкино» выпустили передачу о том, как некое акционерное общество «Медицина» продает почки сотен тысяч долларов за штуку. Сейчас в Мосгорсуде слушается дело по иску а/о «Медицина» к «Останкино». Материальная часть иска — 72 миллиона рублей за понесенные убытки (от сотрудничества с «Медициной» отказались все зарубежные контрагенты).

Покойник не возражал

В международной практике сложилось два подхода к проблеме правомерности изъятия органов у трупа, принципиально отличающиеся друг от друга.

Первый, представляющий этически наиболее оправданным, требует обязательного (прижизненно) согласия донора или его родственников. В ФРГ осенью прошлого года был подготовлен законопроект, после принятия которого в паспортах, водительских удостоверениях и других личных документах

появится обязательная запись о согласии или отказе на использование органов и тканей для трансплантации.

Во Франции и Израиле руководствуются другим принципом — если со стороны донора или его родственников нет заявленных возражений, то «в случае смерти головного мозга» внутренние органы и ткани могут использоваться для спасения чьей-то жизни.

Основанный на этом же принципе российский закон вступит в силу 1 мая 1993 года.

Законом определено, что изымать, заготавливать и делать пересадки человеческих органов и тканей могут только специализированные учреждения, перечень которых утверждается Минздравом. Трансплантация органов и тканей допускается исключительно с согласия живого донора и, как правило, с согласия реципиента. Пересадка осуществляется только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранение жизни реципиента либо восстановление его здоровья.

Однако число пересадок от живых доноров составляет лишь 2 процента всех подобных операций (например, пересадка от матери к дочери). Основная же часть донорского материала поступает от умерших.

Закон закрепляет принцип «презумпции согласия» умершего на изъятие его органов и тканей. Это означает, что медикам запрещается изымать органы и ткани у тех, кто при жизни оговорил свое несогласие или чьи родственники успели заявить об этом несогласии на момент изъятия. Если же четко выраженного несогласия нигде не зафиксировано или медицинское учреждение не было своевременно поставлено в известность о его наличии, донорский материал беспрепятственно изымается.

Основу банка донорских органов и тканей у нас в отличие от КНР составляют жертвы дорожно-транспортных происшествий и других несчастных случаев. Поэтому, если вас собьет на улице машина, никто теперь не обязан звонить вашим родственникам с целью узнать вашу последнюю волю.

Полбеда, если вы атеист. Но как быть с теми, кто исповедует религию, запрещающую подобные манипуляции с умершими? В некоторых конфессиях сохранность тела умершего — обязательное условие для вхождения в мир иной.

Даже сами разработчики закона согласны, что остается немало открытых вопросов.

Можно ли обеспечить при «презумпции согласия» эффективный контроль, исключающий «пиратство»? Речь ведь идет о больших деньгах. В США и Европе цены черного рынка на человеческие органы просто астрономические — сердце и печень идут по 100 тысяч долларов, почки — от 10 до 20 тысяч.

Новым законом четко определе-

В контейнере чье-то сердце — живое. Согласен ли был его прежний хозяин к такой жизни после смерти?

но, что органы и ткани не могут быть предметом купли-продажи. Однако как отличить торговлю человеческими органами, которая запрещается, от платных операций по трансплантации почки иностранцу? Он вроде бы платит за операцию, то есть за оказываемые ему медицинские услуги. В результате, правда, уезжает домой с полученным донорским органом.

При этом цена операции вполне соответствует международным ставкам на почку человека. Даже если операции будут осуществляться за меньшую плату (для соотечественников трансплантация обходится дешевле) — это все равно торговля.

Беспрепятственное изъятие органов и тканей у всех, кто не позаботился о будущем своей плоти, рисует заманчивые перспективы. Валютная и рублевая прибыль за медицинские услуги (а не за органы) пойдет на благие цели.

Люди — наше богатство

Главный трансплантолог страны профессор Шумаков объясняет, что одна пересадка почки иностранцу позволяет сделать десять пересадок соотечественникам (за импортные препараты, препятствующие отторжению тканей, придется дорого платить). И с убедительностью этого довода нельзя не согласиться — только в Москве

очередь на трансплантацию почки составляет 1000 человек. И все же...

Когда-то московским студентам был известен способ получить сто рублей в случае крайней нужды — пойти в медицинский институт и завещать ему свой скелет.

А с 1 мая 1993 года вступает в силу закон, согласно которому 150 миллионов российских граждан и их потомки незаметно для себя самих оказались завещанными неким «специализированным учреждением», которые «беспрепятственно изымают» органы и ткани. Донор и его родственники не получают при этом ни копейки.

Верховный Совет запретил использовать органы и ткани как объект купли-продажи только на территории нашей страны. Но никто не может помешать российскому гражданину выехать за пределы родины и продать, к примеру, одну почку частной клинике в стране, где это разрешено.

А как быть на российской земле с иностранными гражданами? Скажем, приехал к нам с визитом американский деятель и решил посмотреть Москву без прикрас из машины приятеля... А навстречу «КамАЗ», водитель которого неправильно спит «Ройял» развинул... У американца документов при себе нет. Повезли неизвестного гражданина помощь оказывать, а бригаде медиков уже ясно — не выживет с такой травмой головы. В больнице врачи с ходу принимают решение. «Сорри, — говорят потом американскому народу и остальному человечеству. — Беспрепятственно изымали и спасли тем самым жизни россиянам Смирнову, Иванову и гражданину Ирака Хусейну, который обратился к нам

Штраф за вскрытие

Ряд положений российского закона «О трансплантации» кажется спорным. Презумпция согласия на изъятие органов дает широкие возможности для произвола. Кроме того, все несовершеннолетние в возрасте до 18 лет приравнены законом к полностью недееспособным, то есть не понимающим характера и последствий своего поведения лицам. Неужели человек 16–17 лет, живущий самостоятельно и обеспечивающий себя материально, не может обращаться за любым лечением и отказываться от любого лечения? Даже в Основы законодательства СССР о здравоохранении 1969 года возраст, до которого согласие на хирургическое вмешательство должны давать родители несовершеннолетнего пациента, определялся в 16 лет (ст.35).

Наш закон выступает как полная противоположность практике, принятой в большинстве штатов США, где установлена презумпция несогласия умершего на изъятие у него трансплантата. Каждое дееспособное лицо, желающее разрешить посмертное использование своих органов, заполняет бланк карточки донора, которая подписывается в присутствии двух свидетелей. Согласие может быть получено и от ближайших родственников, к правам которых применяется юридическая конструкция квазисобственности на тело умершего.

Разумеется, труп не составляет части наследуемого

имущества, не может быть продан. Но родственники могут выбрать место и ритуал погребения, требовать правовой защиты при отказе в выдаче тела, при незаконной аутопсии (вскрытии), изъятии органов. Известен случай, когда вдова узнала о произведенном вопреки ее воле вскрытии тела супруга через десять лет после его смерти, и суд обязал клинику-ответчика выплатить ей компенсацию за нравственные страдания.

В США карточки донора имеет около 20 процентов населения. Понятно, что многие не склонны заполнять их: одни не желают думать о смерти, другие опасаются, что врачи «ускорят» ее приход. Чтобы сократить дефицит трансплантатов, в большинстве штатов приняты законы, предписывающие больницам заранее выяснять отношение родственников потенциальных доноров к вопросу посмертного использования органов. Предлагалось даже обязать больницы задавать этот вопрос при поступлении пациентов, но такая мера была отвергнута из соображений этики.

Законодательством некоторых штатов разрешено использование органов неопознанных трупов, если попытки установления личности умершего и розыска его родственников в течение установленного времени не увенчались успехом. Наше же законодательство не только не устанавливает обязательность розыска родственников умершего, но даже не предписывает учреждению здравоохранения поинтересоваться их мнением...

Екатерина Афанасьева

по поводу острой почечной недостаточности и уже несколько дней «инкогнито» дожидался подходящего донора в «специализированном учреждении».

...Нынешняя ситуация с пересадкой органов напоминает бесплатную приватизацию жилья. Только квартиры дешевле, чем потенциальный набор донорских органов каждого из нас. Хочешь, чтобы твои почки, печень, сердце не достались «специализированным учреждениям»? Пиши заявление. Кто не успел — тот опоздал. На этом фоне Чичиков со своими «мертвыми душами», как теперь говорят, «отдыхает».

Вполне естественным, с точки зрения элементарной этики, представляется порядок, при котором все граждане, согласные на использование своих органов, носят при себе соответствующую именную карточку (жетон, значок), где кроме самого факта согласия указаны группа крови и другие краткие данные, позволяющие сэкономить время трансплантологов. Уменьшается вероятность использования «некачественного» материала — жертва ДТП может быть, например, носителем гепатита, а для реципиента это смертный приговор.

Если вы противник любых манипуляций со своим телом, что делать вам? Изготовить заявление-карточку со своим возражением и носить в автоправах или паспорте? А если родственникам вашим скажут, что не было никакой карточки? Татуировку, что ли, сделать?

Эмбрион, как свет в конце туннеля

Если человеческий орган нельзя пересадить, то его можно вырастить

У медиков накапливается печальная статистика: люди с пересаженными органами, в том числе и сердцем, как правило, живут не очень долго. При этом донорское сердце оказывается настолько изношенным, будто работало десятилетия в постоянном режиме перегрузок.

Главная причина, считают специалисты, — иммунологический барьер. Если бы его удалось преодолеть, трансплантология сделала бы колоссальный рывок вперед.

Ситуация, однако, не безнадёжна. Не так давно ученые высказали предположение: возместить утраченные или вышедшие из строя органы можно с помощью пересаженных... клеток эмбриона.

Каждый год только на территории России проводится несколько миллионов — по разным данным, от 5 до 15 — абортов. Долгое время плод попросту выбрасывали. Теперь его начинают использовать для изготовления биопрепаратов. Американцы пошли еще дальше.

В начале 1993 года президент Билл Клинтон отменил запрет на государственное финансирование экспериментов с эмбриональной тканью. Это стимулировало активность ученых-медиков.

Исследователей привлекает в эмбриональных клетках их способность быстро расти и делиться, быстрая адаптация к организму другого человека. Это происходит потому, что в клетках эмбриона еще нет «маркера», признака чужеродного тела. Пересаженные, например, в почку такие клетки тотчас начинают размножаться, вырабатывая здоровую почечную ткань. Вырастая, они принимают на себя часть функций больного органа.

Среди заболеваний, которые можно лечить таким образом, значится болезнь Паркинсона. Болезнь эта ужасна — у человека начинают неконтролируемо подергиваться руки, ноги, голова... Кончается все, как правило, общим параличом. Происходит это из-за того, что мозг больного не получает достаточного количества вещества под названием дофамин.

Болезнь уничтожает тот участок мозга, который отвечает за его выработку.

Пять лет назад доктор Курт Фрид решил пересадить в мозг 22-летнего пациента постоянно действующий источник дофамина: нервные клетки эмбриона. Спустя несколько недель после операции молодой человек смог вернуться к своему любимому занятию — резьбе по дереву.

Помогают аналогичные операции диабетикам, старикам, страдающим склерозом, бесплодным женщинам...

Впрочем, ученые ищут возможность обходиться без эмбрионов.

Как известно, человеческий организм себя сам ремонтирует. Костный мозг вырабатывает новые кровяные клетки, клетки кожи пополняются за счет делений особых подкожных тканей, растут волосы и ногти... И только клетки головного и спинного мозга — нейроны — составляют исключение. В силу этого любое повреждение мозга, как правило, носит непоправимый характер.

Однако канадские нейробиологи из университета провинции Альберта — профессор Самюэль Вайс и его аспирант Бренд Рейнольдс установили, что клетки головного мозга подопытных мышей способны восстанавливать нейроны в лабораторной культуре. Заставить их делать это ученым удалось, позаимствовав одну из составляющих эмбриональных клеток — так называемый эпителиальный фактор роста (ЭФР).

Теперь доктор Вайс надеется воспроизвести эксперимент в организме живых мышей.

Следующий шаг удалось сделать доктору Фреду Кейджи из университета Сан-Диего, штат Калифорния. Он обнаружил в мозгу человека химические соединения, которые помогают нервным клеткам выживать, направляют их рост по мере развития плода в строго определенные места организма.

Возможно, ученым удастся отыскать и клетки, контролирующие рост не только отдельных тканей, но и целых органов. Если научиться их «включать», человек приобретет возможность регенерации. Будем выращивать новые органы взамен заболевших или утраченных.

Станислав Зигуненко

Рисунок Николая Сергеева

Сотворение гимна

Антон Антонов-Овсенко

Весной 1943 года, когда солнце повернуло на победу, маршал Сталин решил, что пора сменить государственный гимн. Новый гимн должен украсить, политико-эстетически облагородить фасад его социализма и, подобно звуковой рекламе, разнести весть о народе-победителе по всему свету. Передаваемый ежедневно по советскому радио, он должен пробуждать граждан СССР по утрам, с ним же после трудового дня они будут отходить ко сну.

Они так свыклись с прежним гимном, но нельзя же брать Европу под звуки «Интернационала»... «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Что союзники скажут?..

Авторы нового текста знали, что Хозяину полюбили «Гимн партии большевиков» бывшего синодального регента, будущего генерала Александра Александрова.

Антон Владимирович Антонов-Овсенко, автор книг о Сталине и Берия, заканчивает ныне работу над новой книгой «Театр Иосифа Сталина». Начальные главы были опубликованы в 1988–1989 годах в журнале «Театр». Предлагаем читателям новую главу.

**Культура
победившего
социализма
рождалась
в песнях
партийных
вождей**

В этом опусе слышны отзвуки церковных песнопений, столь привычных уху бывшего семинариста. Михалкову и Эль-Регистану оставалось совсем немного — перелицевать Лебедева-Кумача. Что до музыки, то Заказчик устроил для композиторов нечто среднее между конкурсом и всесоюзным соревнованием. Приверженный грандиозным масштабам, Сталин мобилизовал 160 музыкантов, обязав участвовать в этом ристалище выдающихся мастеров — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна и официально приравненного к ним Александра.

«Нэ надо женщин»

Жюри отобрало 14 произведений и устроило прослушивание в Большом театре при участии оркестра под управлением Мелик-Пашаева. В пустом зале находились лишь охранники, в бывшей императорской ложе — члены правительства. Назначенная Сталиным конкурсная комиссия в составе маршала Ворошилова, московского партийного секретаря Щербакова и председателя Комитета по делам искусств Храпченко засела в боковой ложе.

Но вот сыгран последний гимн, и Сталин пригласил в ложу четырех маститых. Прокофьев отсутствовал. Трое остановились

Б.Гмыря, К.Ворошилов, К.Данькевич, Н.Хрущев. Собираясь вместе, члены Политбюро любили попеть что-нибудь из церковного, классического, народного или даже белогвардейского репертуара

Фото Владимира Киврина

перед дверью: кому входить первым. Наконец вытолкнули Шостаковича — он не робел перед властями. Остальные вошли следом.

Сталин стоял посреди кабинета, примыкавшего к ложе, по бокам — малые вожди. Шостакович со свойственной ему фотографической памятью выпалил:

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, здравствуйте, Николай Александрович...

В общем, всех, сколько там было — 15 или 17 членов Политбюро и кандидатов, он назвал по имени-отчеству.

Сталин пригласил сесть и, дымя своей неизменной трубкой, спросил:

— Скажите, товарищ Хачатурян, что, по-вашему, нужно сделать, чтобы улучшить качество музыки? Вы ведь получили замечания жюри?

— Мне кажется, — ответил Хачатурян, — что хорошо бы ввести в хор женские голоса...

— Не надо женщин, — сурово сказал Сталин.

— Вы знаете, это будет такой серебристый звук, — пытался продолжать Хачатурян, — как серебряные трубы...

— Не надо женщин.

По выражению желтых глаз Шостакович понял, что музыка Арама не пройдет.

— А вы, товарищ Шостакович, — обратился к нему Сталин, — получили замечания жюри? Вы с ними согласны?

— Да, да!

— Сколько же вам надо времени, чтобы переделать музыку?

— Три дня, — сказал Шостакович и прочитал в глазах вождя, что и его музыка не пройдет.

— Вот, товарищи композиторы, — сказал Сталин, — прослушали мы последние гимны. Есть у нас свое мнение, но хотелось бы, прежде чем принять окончательное решение, посоветоваться с вами. Кажется нам, что величии Страны Советов больше всего соответствует гимн профессора... — кивок в сторону Александрова.

К описываемому времени Александр Васильевич Александров, главный музыкальный фаворит Вождя, пользовался невиданным почетом. Без руководимого им коллектива, придворного Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной Армии, не обходится ни один ответственный концерт.

... Выслушав похвалу, Александров заулыбался. Но Сталин еще не закончил:

— Только я вот что скажу вам, профессор, там у вас что-то с инструментами неладно.

Три варианта гимна Советского Союза, написанные Прокофьевым, Шостаковичем и Хачатуряном, Сталин «забраковал». Хозяину понравился «Гимн партии большевиков» бывшего синодального регента, будущего генерала Александра Александрова

Композитор смелся:

— ...Да, да, Иосиф Виссарионович, вы совершенно правы, мне вот некогда

было и я поручил Кнушевицкому, а он схалтурил, безобразно отнесся, надо переделать...

Взрывается Шостакович:

— Александр Васильевич! Забудьте немедленно! Сейчас же замолчите! Как вам не стыдно? Кто же за вашу музыку будет отвечать, если не вы сами! Как вы можете так говорить о человеке, которого здесь нет и который является вашим подчиненным по армии? Сейчас же замолчите!

Все замерли. Сталин, попыхивая трубкой, поглядел на одного, на другого. Александров побледнел. После тяжелой паузы Вождь заметил:

— А что, профессор, нехорошо получилось.

Можно было подумать, что Диктатор оставит без внимания дерзкое поведение Шостаковича. Но нет, он ничего не забыл, и в кампании травли деятелей культуры, что начнется через три года, имя композитора поставят в один ряд с именами Мурадели, Зощенко,

Ахматовой. И подвергнут глумлению.

С решающей силой вступило в эту кампанию тайное ведомство. Ленинградское управление НКВД давно следило за семьей расстрелянного в 1937 году Вячеслава Ромуальдовича Домбровского, с которой Дмитрия Шостаковича связывала давняя дружба. Тогда же репрессировали вдову Домбровского, Генриету Левитину. Уцелев в лагерях, она в сорок пятом попыталась вернуться в родной город, но дальше Луги ее не пустили. В сорок восьмом Генриету Давыдовну неожиданно вызвали в Большой дом и предложили сотрудничать на предмет слежки за Шостаковичем, пообещав взамен ленинградскую прописку, снятие судимости и кое-что еще. Следователь Баранов был очень удивлен отказом женщины. Травля Шостаковича со временем прекратилась. Что касается Святослава Кнушевицкого, за которого смело вступился композитор, то и его оставили в покое.

Красный Байрон

Майор Кнушевицкий, заместитель Александрова по музыкальной части, действительно справился со своей задачей не лучшим образом.

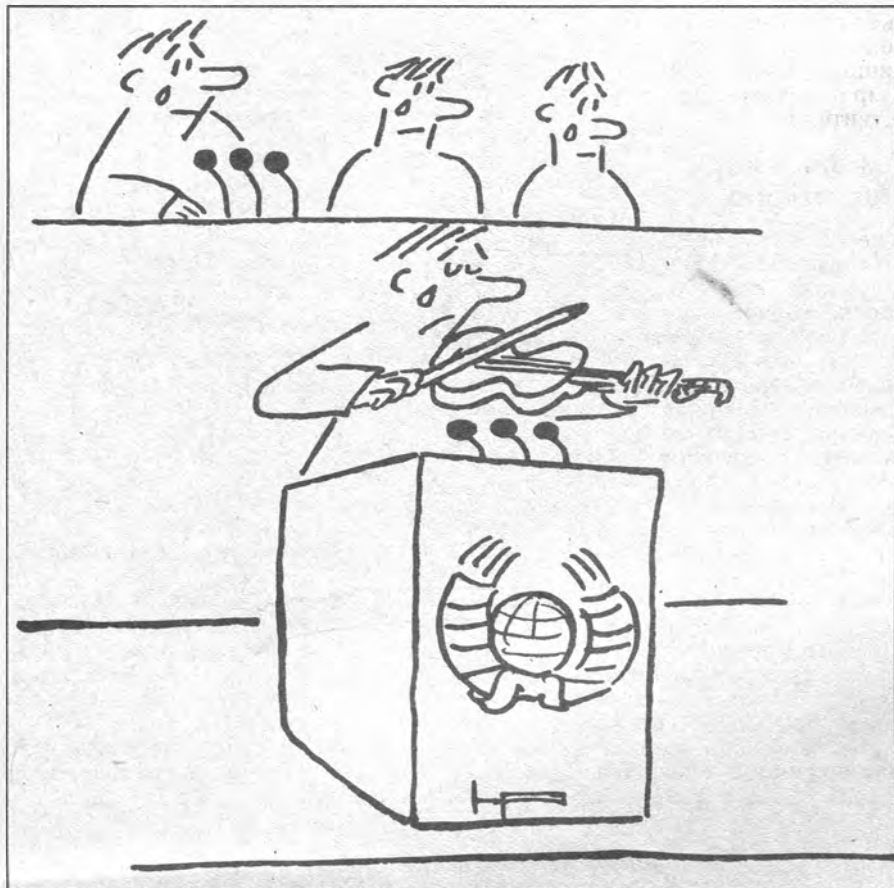

Рисунок Юрия Румянцева

Новую оркестровку поручили Дмитрию Рогаль-Левицкому.

Профессор Московской консерватории Дмитрий Романович Рогаль-Левицкий был автором трехтомного труда, «Современный оркестр», учителем многих выдающихся музыкантов. Его почитали далеко за пределами страны. Потомок ссыльных поляков, он обладал характером угрюмым, скрытным и казался человеком, занятым исключительно своим любимым делом. Однако Рогаль-Левицкий предстает острым наблюдателем жизни. Оказавшись свидетелем и участником сложных событий, он оставил нелицеприятные и точные в деталях воспоминания. Вот когда пришлось к месту его педантизм. Мемуары профессора хранились в тайне от людей, и лишь после его смерти, в 1962 году, вдова передала рукопись писателю Владимиру Лакшину. Первое знакомство читателей с этими мемуарами состоялось почти тридцать лет спустя.

Рогаль-Левицкий присутствовал в зале Большого театра на правительственном прослушивании четырнадцати отобранных гимнов и на заключительном, когда был сделан окончательный выбор в пользу александровского гимна в новой оркестровке. За полчаса до начала из музыки изыяли звон колоколов. На всякий случай. И вновь — десятки

охранников у всех дверей, на сцене, за кулисами, во всех темных углах. И тревожное ожидание. Ровно без четверти двенадцать в своей бронированной ложе, рядом со сценой, в сопровождении обычной свиты появился Сталин.

Оркестр изготoвился и после команды: «Новую редакцию» заиграл в полную силу. Отзвучал последний аккорд, наступила пауза. Наконец дали занавес. На сцену вышел начальник музыкального управления и объявил: «Хор!»

Красноармейский ансамбль Александрова в который раз грянул гимн, но уже с последними исправлениями партитуры.

В конкурсе на лучший текст участвовали сорок поэтов и рядовых стихоплетов. Победил баснописец Сергей Михалков. И заслужил у своих коллег прозвище — Михалков-Гимнук.

...Полный смелых надежд прибыл юный Михалков из провинции в Москву. Родственники спросили:

— Что ты собираешься делать в столице, Сережа?

— Я буду красным Байроном.

Байроном детский поэт Михалков так и не стал, зато преуспел в жанре басен, начав с государственного гимна. Вместе с Эль-Регистаном с готовностью уловил суть задания и заменил текст партийного гимна новым, более актуальным.

Рассказывают, что Михаил Светлов, встретив Михалкова, заметил:

— Плохие слова ты сочинил для гимна.

— Зато эти слова ты будешь всякий раз слушать стоя.

...«Славься, Отечество наше свободное...» — в последний раз пропел хор, занавес закрылся, ложа опустела, музыкантов отпустили. Тишину нарушил резкий голос:

— Скорее в ложу! Дмитрий Романович, вас просят!

«Я сорвался с места и бегом за кулисы, — вспоминает Рогаль-Левицкий. — У каждой двери раздавался окрик стражи — Рогаль-Левицкий! И меня, словно мячик, передавали от одного поста к другому. На сцене уже ждали.

— Об инструментах вы уж не поднимайте разговора, — шепнул мне Храпченко.

— Ну ясно! — так же ответил я.

Через сцену мы шли гуськом. Шествие открывал кто-то из личной охраны Сталина, затем шел Александров, Пазовский, я, Храпченко и в хвосте два адъютанта — Сталина и Ворошилова. Мы подошли к правительственной ложе. Перед ней — человек шесть охраны.

— Минуту обождите, — отрезал дежурный и нажал на кнопку звонка. Ответа не последовало. Он позвонил еще раз. Двери раскрылись и нас впустили.

Аванложа и салон были заполнены военными. Мы прошли молча сквозь их ряды в открытую дверь гостиной. Входящих ласково приветствовал сам Сталин. Нас представлял ему Ворошилов:

— Рогаль-Левицкий, автор новой оркестровки!

Сталин улыбулся сквозь усы и сильным рукопожатием выразил свое одобрение. Поздоровавшись с Ворошиловым — на его лице играла радостная улыбка, — я перешел на правую сторону. Меня приветствовали Молотов, Щербаков и Берия. Спустя минуту на нашу сторону перешел и Ворошилов. Последним от Сталина отошел Молотов, открыв всем взорам фигуру Вождя в маршальском мундире с Золотой звездой на груди. Мизансцена приобрела законченный вид.

— Очень хорошо, — сказал Сталин. Лицо его выглядело утомленным, он нервно ходил по комнате и курил свою трубку, держа ее в левой руке.

— Очень хорошо, — повторил он. — Вы взяли лучшее, что было прежде, соединили со всем хорошим, что придумали сами, и получилось то, что нужно. Очень хорошо, — одобрительно закончил он.

Мы с Пазовским поклонились.

— Ну, я очень рад! Я все устроил, все протаскал! — быстро проговорил Ворошилов, слегка подталкивая меня в бок. Я обернулся. Климент Ефремович улыбается и одобрительно кивает головой.

Сталин продолжал измерять расстояние между двумя стенами гостиной, тесно заставленной мягкими диванами, креслами и круглыми столиками. Лакеи накрывали на стол. Все продолжали стоять. Водворилось молчание — немного чопорное, неестественное. Ни на минуту не задерживая хождения, Хозяин все время тянул трубку — она, видно, не курилась, он не раз подходил к столу и чиркал спичкой. Сталин терпеливо ждал, когда вновь захватит трубка».

То было подлинное театральное представление — подготовка текста, сочинение музыки (никчемное), соревнование композиторов (тоже никчемное), прослушивание гимна (зачем, если все было давно решено одним человеком), работа комиссии, чествование победителей и сам банкет... Комично выглядели на этой сцене Молотов и Ворошилов в ролях Бобчинского и Добчинского. Явно переусердствовали в лакействе статисты Храпченко с Пазовским, но на фоне всеобщего раболепия это выглядело вполне пристойно. А Хозяин, его позы и реплики, его умение закатывать длинные паузы, — он был великолепен, на-

сколько мог быть великолепным провинциальный фигляр под маской Небожителя.

Славный хор Политбюро

Участие в этом представлении Клима Ворошилова было оговорено давно: главный режиссер поручил ему роль попечителя культурного ведомства. Маршал Ворошилов мало что смыслил в военном деле, зато в музыке... Послушаем, что по этому поводу говорит концертмейстер Георгий Прусак. В 1938 году он был участником концерта на правительственном приеме в Кремле.

«Не проаккомпанируешь ли ты одному человеку? — спросил его дирижер Василий Агапкин.

И к нему направляется — кто был мог подумать! — маршал Вороши-

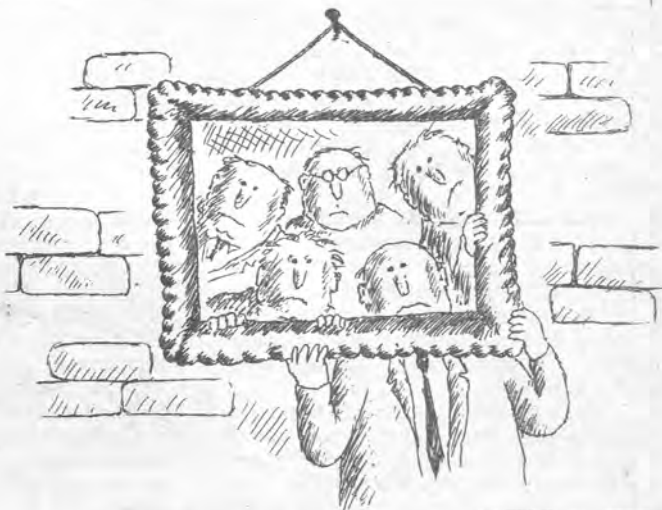

Рисунок Марата Таурова

лов с клавиром в руках и ставит на пюпитр перед пианистом: Чайковский. Ария Германа из оперы «Пиковая дама» — и сходу как начал петь чистейшим драматическим тенором «Я имени ее не знаю...», следом дру- гую арию «Прости, небесное соз- данье...» и, наконец, не дав опо-

НОВОЕ ВРЕМЯ

Что происходит — об этом пишут все. Еженедельник «Новое время» пишет о том, что происходит на самом деле.

К сожалению, из-за общей неразберихи и инфляции в предыдущих номерах были указаны неверные цифры стоимости подписки на наш журнал. Правильная подписная цена на «Новое время» на второе полугодие 1993 года (по каталогу):

на один месяц — 195 руб.;
на три месяца — 585 руб.;
на полгода — 1170 руб.

+ стоимость услуг местных предприятий связи.

ИНДЕКС 70621

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на журнал «НОВОЕ ВРЕМЯ»

70621

(наименование издания) Количество комплектов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА

ПВ место ли-тер на журнал 70621 (индекс издания)

«НОВОЕ ВРЕМЯ»

Сто-мость подписки пере-адресовки руб. коп. руб. коп. Количество комплек-тов:

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

мниться, — «Что наша жизнь...» в си мажоре и как взял верхнее си — десять потов с меня сошло. И уже дальше на «бис» романсы Чайковского, Рахманинова... Вот вам и маршал, думаю. Да ведь он из луганских слесарей, а каков певун!»

Не знал, видимо, Прусаков, что Ворошилов в молодости пел в церкви в родном Луганске. Молотов тоже был церковным певчим. Да и Вождь, по словам современников, обладал приятным голосом, пел в Тифлисской православной церкви.

Став распорядителями огромной державы, они собирались за обеденным столом на Ближней даче Генсека и на сытый желудок, после обильного возлияния пели иногда церковные песни. Бывало, и белогвардейские пели...

На кремлевской сцене это трио сразу же заняло ведущее положение, спевка в Политбюро началась ведь еще при жизни Ленина. Но вокальную школу прошел один лишь Ворошилов, он брал уроки у неповторимой Антонины Неждановой. Что бы там ни говорили о вокальных способностях наркома оборо-

ны, но именно его Генсек определил, по совместительству, на вторую роль — куратора государственного гимна.

Однако этим обязанности Ворошилова не ограничивались, ему как члену Политбюро поручили изобразительное искусство. И он энергично ведал этой отраслью, покровительствуя одним (соцреалистам), шельмуя других (формалистов). Рассказывают, что комнату, примыкавшую к его кабинету, украшала картина с обнаженной натурой в гинекологической позе — повседневная утеха маршала. Ворошилов поддерживал дружеские отношения с такими живописцами-лакировщиками действительности, как Дмитрий Налбандян.

Производство картин, скульптур, графики было поставлено под надзор одного из главных управлений (Главизо) комитета. Кому понадобилось подчинить это дело наркому обороны? Впрочем, не будем задаваться риторическими вопросами: все подчинялось капризу Диктатора. Этот маршал был ему удобен во всех видах, прежде всего в роли главы военного ведомства. Именно

его кремлевский калькулятор назначил наркомом после загадочной смерти Михаила Фрунзе, одаренного и смелого политического деятеля.

О культурном уровне самого почитателя можно судить по эпизоду, имевшему место много позднее, в конце пятидесятых. В кабинете Хрущева утверждали проект строительства Дворца съездов в Кремле. В стиле того времени деревья вокруг здания были изображены несколько схематично.

— Разве такие деревья бывают? — возмутился Ворошилов. — На них же сучочки, сучочки!

— Ты ничего не понимаешь, — пояснил новый Хозяин, — это модерново!

...Было такое село в Белоруссии — Остолопово. Сельский Совет того же наименования. Этому селу и сельсовету присвоили в 1935 году имя Ворошилова. Уже тогда Вождь знал истинную цену своему верному оруженосцу. И в размышлении о том, кому курировать культуру победившего социализма, остановил свой выбор на нем, Климе Ворошилове.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

**«Новое время»
— элитарный
журнал для
всех!**

*Подписка на «НВ»
принимается во всех
отделениях связи
без ограничений.*

"Золотые страницы" "Golden Pages"

Частные лица и фирмы, уникальная возможность
для Вас!

Почему?

**"Золотые
страницы"**

- информационно-рекламный
справочник на мировом уровне.

**"Золотые
страницы"**

- бесплатно весь год в квартирах
и офисах!

И потому...

**Если Вы в "Золотых страницах",
о Вас знают ВСЕ!**

Наши контактные телефоны:

965-34-50, 441-99-90, 441-49-36, 118-80-21, 209-76-52

Факс: 242-17-29

Внимание! Остерегайтесь подделки!

Требуйте от наших коммерческих представителей доверенности с печатью фирмы!

108 фотографий из архива гестапо

«Красная капелла Берлин» — так назвал свою картину участник подпольной организации художник Карл Бауман. В центре — его друг Вальтер Кюхенмайстер, казненный в 1943 году. Справа, на втором плане — сам Бауман

Лев Безыменский

Если у меня есть невыполненное обязательство, то оно, безусловно, касается «Красной капеллы». В конце 60-х годов я познакомился с Гретой Кукхоф — вдовой казненного гитлеровским трибуналом Адама Кукхофа. Сама она была приговорена к пожизненному заключению и ее освободила из тюрьмы советская армия. Разумеется, я стал ее уговаривать дать интервью о «днях минувших». Она упорно отказывалась. Наконец уговорил рассказать хотя бы о предвоенных месяцах, но дальше дело не шло.

Трудности Греты Кукхоф

Бывая в Берлине, я посещал ее уютный дом, но хозяйка не меняла своей позиции. Наконец смог использовать ее очередной деловой визит в Москву (она была одним из руководителей движения за мир в ГДР) для подробной беседы. Стенограмма заняла сотню страниц, но так и осталась в моем архиве. Почему?

Когда в ГДР стали появляться исследова-

Гитлер гордился тем, что разгромил «Красную капеллу». Москва долго не хотела о ней вспоминать...

ния об антифашистском подполье, они следовали непреложной схеме: центром и руководителем антифашистского движения была Коммунистическая партия Германии, иже не преидеши. Под эту схему собирались, а точнее сказать — подгонялись все факты. Знала об этом и Грета Кукхоф — дисциплинированный член СЕПГ, вдобавок видный деятель ГДР (она была президентом Немецкого эмиссионного банка). Что же было делать ей, если антифашистская группа, в которую она входила, к КПГ имела самое косвенное отношение? И из Москвы, где в эмиграции находился ЦК КПГ, она никаких директив не получала, а если получала, то от советской разведки?

Кукхоф хорошо знала тогдашние берлинские порядки. Обращалась она в Москву, но и там ей вежливо дали понять, что не могут помочь, так как все решает Эрих Хонеккер, ведающий этими сугубо специальными вопросами. Совершила Кукхоф и еще большую неосторожность: в беседе с одним из секретарей ЦК СЕПГ рассказала о завещании, которое оставил перед казнью Арвид Харнак. Кто-либо из участников его группы, сказал он, должен обязательно выжить и после разгрома фашизма (Харнак в этом не сомневался) выяснить в Москве — по-

чему в 1941 году остались без внимания неоднократные предупреждения о готовящемся гитлеровском нападении? Собеседник Кукхоф просто испугался, так как в те времена об ошибках советского руководства говорить в ГДР не было принято.

В итоге мы ограничились небольшим интервью для «Нового времени» (№ 19/65). Стенограммы остались в письменном столе. Их частично использовала в 1972 году сама Кукхоф в своих мемуарах.

Почему же я вспомнил об этом?

Учили или не учили?

В прошлом году в Берлине был издан большой фотоальбом под странным названием «Учили?». Его составили два молодых автора — Регина Грибель и Марлис Кобургер. Третьим стал Генрих Шеель — известный ученый и сам свидетель деятельности «Красной капеллы». Странное название разъяснялось в подзаголовке: «Гестаповский альбом о «Красной капелле». Фотодокументация». Составители ставили вопрос: все и всех ли учло гестапо, арестовав членов «Красной капеллы»?

...Разные судьбы бывают не только у книг, но и у фотоальбомов. История же гестаповских фото просто невероятна. Она началась осенью 1941 года, когда Красная Армия с трудом сдерживала напор вермахта — но все-таки сдерживала. Сломать это сопротивление, явно непредвиденное в Берлине, — такую задачу выполняли все ведомства «третьего рейха», в том числе разведка и контрразведка. В частности, радиоразведку крайне беспокоила возросшая активность непонятных радиостанций, явно не принадлежавших ни вермахту, ни СС. Нигде не зарегистрированные радиостанции заполняли своими морзянками эфир. Пеленгаторные станции фиксировали, что некоторые из них связываются с Москвой.

В немецкой радиоразведке существовал обычай, согласно которому в служебном обиходе подобные подозрительные радиостанции обозначались, как «музыканты», а их группы — «оркестры» или «капеллы». Так, одну из групп называли «капеллой цитр», другую — «арденнской капеллой» (по дислокации), третью — «красной», поскольку по связям с Москвой был ясен ее «красный характер».

На пеленгацию станций были брошены все силы. Передаваемые тексты записывались и передавались на расшифровку, что оказалось делом непростым. «Красная капелла» применяла сложнейшую методику шифрования, не поддававшуюся раскрытию лучшими немецкими специалистами. Прошел год, пока чистая случайность — находка обрывка незашифрованного текста на захваченной гестапо подозрительной вилле в Брюсселе — не помогла напасть на след.

Началась карательная акция. 31

августа 1942 года в Берлине был арестован сотрудник министерства авиации обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, за ним — сотрудник министерства экономики Арвид Харнак. За арестами последовала волна закрытых процессов (декабрь 1942 года — октябрь 1943 года), наконец, волна казней (с 22 декабря 1942 года). В ставке Гитлера торжествовали: нанесен удар по «руке Москвы». Всего было арестовано 108 человек, считавшимися в гестапо участниками некоей «Красной капеллы» — как ее сугубо условно называли в немецкой радиоразведке, а затем и в ведомстве Гимmlера — Кальтенбруннера. Сам Гитлер ставил операцию в пример. 26 июля 1943 года он сказал:

— При расследовании дела «Красной капеллы» мы увидели, что с 1933 года враги засели повсюду...

Судьба альбома

В тюрьмах есть свой порядок, включающий в себя фотографирование арестанта: профиль, анфас, вполоборота. Так действовал и неизвестный нам мастер тюремно-фотографического жанра, который осенью 1942 года приступил к созданию новой фотоколлекции. Происходило это в Берлине, в печально известном доме 8 по Принц-Альбрехт-штрассе, в котором находилось Главное управление имперской безопасности СС и его IV управление, в просторечии гестапо.

Харро Шульце-Бойзен в тюрьме. Он же — на фотографии 1938 года, снятой во время летней прогулки с друзьями (сидит справа)

Обычные фото, но история их необычна. Вот, к примеру, Вальтер Хуземан. Его арестовали 19 сентября 1942 года, а фото датировано октябрём. Секрет задержки: на первых допросах Хуземана подвергли таким избиениям и мучениям, что для фотообъектива он оказался явно непригодным. Пришлось ждать до октября...

Время шло, альбом жил своей жизнью. Его предъявляли обвиняемым и свидетелям. Когда же следствие закончилось, альбом остался на Принц-Альбрехт-штрассе — и пережил все бомбежки. Но вот странное обстоятельство. Уже в мае 1945 года было найдено это гестаповское фототворчество, столь важное для научного исследования движения антифашистского Сопротивления. Сначала альбом передали в магистрат Большого Берлина, а затем в архив ЦК КПГ, ставший архивом СЕПГ. Но достоянием широкой гласности он стал лишь... в 1992 году, почти пятьдесят лет спустя.

Прятали? Нет, кое-кому показывали. Об этом свидетельствуют торопливые карандашные записи, сделанные на полях гестаповской коллекции. Судя по всему, они были сделаны для идентификации изображенных лиц (под фото стояли только номера). Подписи были сделаны различными почерками — видимо, привлекали несколько человек из числа антифашистов. Мероприятие понят-

▲ Адольф Гримме. Он же третий (справа) — на встрече с великими немецкими писателями Томасом и Генрихом Маннами, Бернгардом Келлерманом

Авторы нового альбома заменили смерть жизнью. Мы видим не напряженные или искаженные лица обреченных, а нормальных, веселых людей. На пикниках. Дома. С детьми. На рыбалке. За письменным столом. В свадебной фате. С аккордеоном. С друзьями. Люди как люди. Или как мы раньше писали — простые люди.

Нет, это было бы упрощением. Это были не такие уж простые люди. Вот найденная составителями фотография из жизни Адольфа Гримме, тюремное фото которого носит номер 258-й. Он не один: с ним Томас и Генрих Манны, Бернгард Келлерман. На другой фотографии — он же и другие члены прусского кабинета министров.

Другой номер 194-й, Иоханнес Грауденц. Его можно рассмотреть на пожелтевшем групповом портрете, в центре которого... Ленин, Каменев, Зиновьев, Калинин. А вот номер 173-й бывал совсем в другой компании: не в Москве, а в Берлине и с офицерами имперского министерства авиации. Номер 213-й — полная смена декораций. Русская деревня, лето 1941 года. Рядом с немецким солдатом — веселые русские лица.

Мы попадаем в удивительное общество. Инженеры, артисты, офицеры, художники, журналисты. Рабочие, домохозяйки, студенты. Внук адмирала, внучка генерала. Коммунист. Социал-демократ. Конечно, в

ное, как понятны и некоторые замечания, которые были сделаны на полях. Например, такое: «Идеологически нам чужд...»

Нельзя сказать, что альбом был полностью засекречен. Но его пользование было ограничено по мановению некоей властной руки. О причинах можно лишь догадываться (об одной из них говорила Грета Куххоф). Свой безусловный вклад в засекречивание внесло и «штази», так как при изучении «Красной капеллы» оно сосредоточило внимание лишь на одном специфическом эпизоде: поиске лиц, которые выдали гестапо сброшенных на связь с берлинской группой советских парашютистов.

Смерть и жизнь

Обычно тюремное фото — это символ конца, может быть, даже конца жизни. Но вот случилось чудо. Группа самоотверженных и необычайно настойчивых людей превратили конец в начало, смерть в жизнь. Взяв в руки сохранившийся старый тюремный альбом с 108 фотографиями «Красной капеллы», три составителя нового альбома поставили себе задачу: «расшифровать» каждого из 108, но опять же средствами фотографии. Они стали ворошить семейные и иные архивы, восстанавливать обстоятельства биографий, искать корни тех подвигов, которые совершали люди, попавшие к палачам на Принц-Альбрехт-штрассе.

↓ Иоханнес Грауденц. Он же — в бытность корреспондентом в Москве, с фотографирован со своими коллегами в начале 20-х годов

центре — Харро Шульце-Бойзен и Арвид Харнак. Первый — выходец из военной семьи, сам впоследствии блестящий офицер, высокообразованный аналитик. Второй — крупный экономист. Вокруг них — кружок убежденных противников гитлеровской диктатуры, готовых к активным действиям — от выпуска антифашистской литературы до сбора важной информации о планах Гитлера и его вермахта, которую они стали передавать тому, кого справедливо считали главным противником Гитлера — советской стране.

Это не джеймсы бонды и подавно не штирлицы, выходящие победителями из любых положений. Они не профессионалы. Часто становились жертвами своей неопытности. К этому добавлялись и провалы советских руководителей (не в этом ли скрывалась одна из причин долгого нежелания официальных органов ГДР заниматься исследованием этой темы?).

Когда немецкая общественность познакомилась с этой замечательной книгой, в том числе и с выставкой, организованной в Берлине на основе книги, раздалось удивленные голоса: как, и это «агенты Москвы», страшный облик которых не раз рисовали в многочисленных публикациях? И это та самая злобная «Красная капелла», которой боялся сам Гитлер, говоря о ней как об одной из главных причин неудач вермахта?

Эти вопросы задавали и на состоявшемся в Берлине научном коллоквиуме, где с удовлетворением отмечали, что сейчас стало возможным восстановить подлинное лицо героев Сопротивления, отбросить ненужные штампы и лучше понять происхождение оппозиционных сил, которые зрели внутри гитлеровского рейха. Говорилось и о том, что пора отбросить родинский в эпоху конфронтации идеологизированный подход к «Красной капелле», который заранее вычеркивал ее из рядов Сопротивления из-за того, что эта группа тесно сотрудничала с Советским Союзом, с советской военной и политической разведкой.

Для постановки подобных вопросов есть достаточные основания.

Человек в Берне

23 августа 1943 года — год спустя после расправы гестапо с группой Шульце-Бойзена и Харнака — в Берне в бюро начальника британской разведки в Швейцарии графа Ванден Хювеля явился человек, представившийся немецким врачом Кохерталером. Граф услышал от него невероятное предложение: организовать встречу с чиновником из министерства Риббентропа, готовым передать британской разведке секретнейшие документы рейха. Ванден Хювель раздумывал недолго и решительно показал Кохерталеру на дверь.

Так чуть было не сорвалась инте-

Грета Кукхоф. Она же — президент Немецкого эмиссионного банка ГДР

реснейшая в истории разведслужб операция, впоследствии получившая условное наименование «Джордж Вуд». Но доктор Кохерталер не разочаровался неудачей у графа. В тот же день он появился в другом кабинете, а именно у представителя американского Ведомства военной информации Джорджа Майера, где повторил свое предложение. Реакция Майера была иной: посоветовавшись со своим земляком, представителем Управления стратегических служб США (УСС) Алленом Даллесом, он дал положительный ответ. Вечером того же дня в доме 23 по Херреншассе состоялась встреча главы американской разведки в Европе Даллеса с господином средних лет, изложившим поистине сногшибательное предложение.

Фриц Кольбе — так звали посетителя — являлся сотрудником бюро связи имперского министерства иностранных дел с верховным командованием вермахта. Он предложил Даллесу регулярно передавать важнейшие документы и тут же вынул из портфеля 186 документов из своего ведомства. Ни много ни мало 400 страниц!

В отличие от Ванден Хювеля Даллес не отказался, хотя в Вашингтоне сначала отнеслись к Кольбе скептически. Начались регулярные встречи с Кольбе, который вполне сознательно и бескорыстно передавал американской разведке тайны «берлинского двора». К примеру, он информировал Даллеса о деятельности знаме-

нитого немецкого агента «Цицерона» в Анкаре. Информацией Кольбе Даллес пользовался до конца войны.

«Джордж Вуд» был далеко не единственным добровольным немецким источником у союзников. Еще в 1940 году заместитель Канариса полковник Остер совершенно сознательно совершил «государственную измену», сообщив англичанам дату нападения Гитлера на Францию. Известен также так называемый «Лиссабонский доклад» 1944 года, в котором его немецкие авторы передали британской разведке секретную немецкую программу ракетостроения.

Так почему же связь с разведкой другой страны антигитлеровской коалиции считать «изменой» или «аморальным делом»? Почему вычеркивать Шульце-Бойзена и его друзей из рядов Сопротивления, как это делали многие авторы? Оснований нет и вполне можно согласиться с берлинским сенатором Ульрихом Ролоф-Момином, который на открытии выставки по книге «Учили?» сказал:

— «Красная капелла» является важной и составной частью немецкого Сопротивления национал-социализму...

Он же в предисловии к самому альбому не менее справедливо призывал к дальнейшему беспристрастному изучению этих трудных страниц немецкой истории, к их «совместному обдумыванию».

Но на этом пути нас подстерегают некоторые неожиданности.

(Окончание следует)

экспортно-импортная
компания

FILTER

Falco

официальный дилер "R. J. Reynolds Tobacco Co."

Звоните:
289-45-03,
289-13-28 (факс).
Наш адрес:
М., Октябрьская, 103
(от м. "Рижская" А84,
Т18, 42 до ост.
"Гостиница "Северная")

постоянно со склада
в Москве известнейшие
американские сигареты.

AMERICAN TOBACCO

L & M

FILTER

RUSH PROOF B

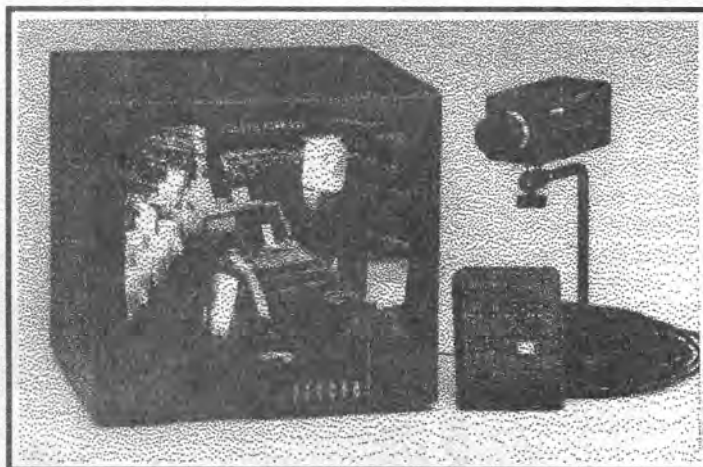
Vinsto

FILTER CIGARETTES

FULL RICH
TOBACCO FLAV
MADE IN USA

209-95-81
209-76-52
200-21-10

Система визуального контроля с двухсторонней звуковой связью EXXIS-1242

широко применяется для охраны различных объектов, например: на контрольно-пропускных пунктах, для защиты банков, частных домов и коттеджей, автостоянок, гаражей, офисов, гостиниц, торговых залов, казино, театров и концертных залов, может также использоваться в условиях наблюдения за детьми, инвалидами и животными, оставленными без присмотра.

Система рассчитана на проведение 24-часовой черно-белой видеозаписи и просмотра режима охраны. Комплект предполагает подключение от 1 до 4 миниатюрных видеокамер.

Телефоны для справок: 150-55-86; 150-29-53; 150-29-54; факс. 245-18-00

Уважаемые господа! Предлагая сотрудничать с нами,
мы предлагаем Вам весь мир.
В США и во все страны Европы - с новым журналом "We offer"

We offer

Вы ищете? Мы предлагаем.
Вы выбираете.

Ваша реклама за границей - это реальность.
Любые товары, услуги, коммерческие предложения и предложения познакомиться - все может быть предметом Вашего объявления.
Тираж - 50 000 экз.
Объем - 48 страниц.
Распространяется только за границей среди потенциальных потребителей Вашей рекламы - бизнесменов, туристов, коллекционеров, любителей животных, студентов.
По вопросам размещения рекламы обращайтесь в международное рекламное агентство "Русская Пресс-Служба"
Издательский дом "Новое время"

Телефоны: 209-73-01, 209-92-82, 200-96-12.
Факсы: 209-96-12, 209-51-78.

Бомонд бомжей

Вячеслав Басков

Это лишь приятное заблуждение, будто людей на улицу выгоняет государство. Наоборот, статья 209 УК РСФСР всегда карала за скитальческий образ жизни, а статья 198 сурово наказывала за нарушение спортивного режима. Каждый человек должен быть прописан в какой-то квартире и жить только там. Но была одна категория населения, которой словно запретили иметь свой дом: крупные города закрылись перед теми, кто возвращался из мест заключения. Крупным мог объявить себя любой город.

А людей тянет на родину. Это инстинкт. Они «шли домой», идут сейчас и будут идти вечно, потому что повинуются коду, заложенному в человеке природой.

Нынешний Верховный Совет России отменил и статью 209, и фактически 198. Лишь для отдельных людей, совершивших когда-то самые тяжкие преступления, Москва, а следом за ней и другие города остаются закрытыми навсегда. На деле же значительная часть московских бездомных —

**Богатый опыт
московских
бездомных
убеждает в
том, что домом
нужно
дорожить**

отсидевшие по всем статьям. Они не нужны городским властям — если у вернувшихся нет родственников; их отталкивают родственники — если они еще остались.

Среди освободившихся не только мужчины. Город, где когда-то было совершено преступление, отторгает женщин и мужчин одинаково. Бездомными из числа освободившихся становятся обычно те, кто свылся с лагерными привычками. Люди, которым в лагере было плохо, преспокойно живут и работают в Москве, их не отличишь в московской толпе. Их психика пережила, конечно, мощный стресс, но не настолько, чтобы они навязывали свой образ жизни всем. Их приняли обратно родственники, пригостили знакомые.

Их бездомные товарищи — это, как правило, личности яркие, самобытные, эгоистичные до рекордно высокой планки. Они не считаются с обстоятельствами. Они желают, чтобы обстоятельства считались с ними. Поэтому они становятся бездомными.

Печальный портрет

Но Москва полна бездомных и совсем другого рода. Это люди, «ранее не судимые». Если собрать их всех вместе, получится печальный коллектив. Мы увидим толпу еще довольно бойких старушек, которые в непогоду резво ездят в метро, в хорошую погоду блуждают по помойкам, паркам и садам, а спят или под кустом или на вокзале. Их истории скроены по одной схеме и сводятся к решению ими неразрешимой жилищной проблемы. Они имеют паспорт, в нем стоит штамп о прописке, но жить им нигде.

Есть еще горькие забулдыги, проститут-

ки, психические, сексуальные маньяки и прочие.

Микрообщество московских бездомных представляет собой массу людей, опустившихся до самого простого состояния. Им не нужно телевизора, радио, тепла, кастрюлек, тапочек, халатиков — они пробаваются тем, что обкрадывают друг друга. Не ошибусь, если скажу, что все они знают друг друга в лицо. Так шапочко знакомы между собой московские артисты, журналисты, художники, музыканты. Вот тот же бомонд и на улице. В крайнем случае им легко вычислить друг друга в густой толпе по сетке в руках, набитой тряпьем для подстилки, или обтерханной сумке с тем же практичным содержимым. И еще по несколько отрешенному виду, словно бы все, что они видят перед собой, им снится.

Галина Дмитриевна Т.

Старушка. У нее дочь и сын. У дочери семья и у сына семья. У дочери квартира и у сына квартира. Была своя однокомнатная квартира и у Галины Дмитриевны. Своя квартира на Алтуфьевском шоссе! Когда началась приватизация, дочь уговорила маму записать квартиру на внука. Внук, между прочим, уже женился и жил с молодой женой в своей однокомнатной квартире. Но молодым не хватало денег на жизнь. И дочь предложила: давай-ка, мама, перебирайся ко мне, а твою квартиру будем сдавать. И Галина Дмитриевна, подумав, согласилась. На-

деялась, что скоро умрет, но живет и помирать не собирается.

Итак, ее собственная квартира сейчас приносит внуку доход, а Галина Дмитриевна живет на улице, потому что у дочери жить оказалось невозможно: эта средних лет женщина вышла замуж. И новый муж привел с собой младшего сына. Старушке просто негде спать. А на улице места много.

— Почему же вы не пошли жить к сыну?

Невестка категорически против. Какая жестокая женщина! Но выясняется, что квартира на Алтуфьевском шоссе когда-то принадлежала невестке. В свое время она уступила эту квартиру свекрови, совершили «родственный обмен»: сын с женой переехали в коммунальную квартиру, где жила мама, а любимой маме пожертвовали однокомнатную квартиру невестки. Когда старшая дочь предложила Галине Дмитриевне вариант со сдачей квартиры, чтобы внуку было на что жить, невестка, жена сына, протестовала, отговаривала. Но внук оказался сердцу Галины Дмитриевны ближе, чем невестка. А невестка теперь говорит, что «тоже живой человек» и не хочет больше приносить себя в жертву маме мужа, которая к ней так плохо относится. В результате старушка живет на улице. Любопытно, однако, что о своей дочери и о внуке, которые ее обманули, она говорит очень хорошо, а о невестке,

которая отдала ей свою однокомнатную квартиру, очень плохо. Со странностями старушка.

Светлана Ивановна В.

Вдова профессора. Но профессор — ее второй муж. От первого брака у Светланы Ивановны есть дочь. Профессор много лет болел, Светлана Ивановна сидела у него в больнице, выхаживала дома. Профессор умер. Об этом сообщили газеты. На следующий день после газетного некролога приехала дочь, которая принципиально порвала с мамой, потому что была против ее брака. Она держалась своего принципа все тринадцать лет, что Светлана Ивановна была замужем. Итак, на следующий после похорон день дочь приехала к маме и сказала:

— Ну, теперь-то, мама, ты пропишешь меня в своей двухкомнатной квартире?

Мама стала упрекать дочь за черствость, взывала к ее совести. Но взывать было ни к чему: дочь, и сама научный работник, все прекрасно понимает, начитанная. Объяснение кончилось тем, что мама прописала к себе внука. Тотчас дочь объявила, что квартиру нужно сдавать, потому что цены растут, жить совершенно не на что, а мама пусть переезжает к ней, если хочет. И сдала. Светлане Ивановне стыдно обращаться в милицию с жалобой на родную дочь.

— Я же не хочу ей неприятностей,

— говорит старушка. — Я даже стараюсь с ней не встретиться, когда приезжаю за пенсией на почту. Так совпало, что у меня пенсия и у нее получение с жильцов платы — в один день. Я приезжаю на почту к восьми утра, пораньше. А то однажды встретились... Она посмотрела с такой злобой. Она меня всегда ненавидела за то, что я вышла замуж второй раз.

Нина Георгиевна Л.

У Нины Георгиевны очень деятельный сын. Запомнить всех его планов махинаций с квартирами матери, бабушки и дедушки, извините, не сумел. Но планировать он начал с того момента, как женился.

Жена живет в Подмоскovie* в общежитии какой-то организации. Долгое время организация не могла ее выгнать из общежития, потому что у этой молодой женщины был маленький ребенок от первого мужа. Потом она родила внуку Нине Георгиевне. И вот тогда-то организация наконец добилась для этой женщины с двумя детьми комнаты в коммунальной квартире. Сын же Нины Георгиевны живет в Москве. И тогда сын настоял, чтобы мама приватизировала свою квартиру, а потом отдала приватизационный чек христианской общине, которая гарантировала нежный уход за мамой, то я и подавно не вдаюсь в подробности относительно христианской морали христианских общин, объявлениями которых пестрят все газеты.

Уж если молчит церковь Всей Руси, то я и подавно не вдаюсь в подробности относительно христианской морали христианских общин, объявлениями которых пестрят все газеты.

Нина Георгиевна сначала была

поражена предложением сына. Она даже смеялась, настолько нелепой показалась ей сама мысль жить под залог. Но община предлагала бешеные деньги за выкуп приватизационного чека, а деньги, сыну нужны были позарез. И вот для чего. Его пригородная жена придумала так. Не то в Серпухове, не то в Чехове можно купить комнату, сдавать ее и на эти деньги жить. Так вот для того, чтобы купить комнату не то в Серпухове, не то в Чехове, требовалось заложить квартиру матери в Москве. Для любимого оглашенного сына и своей первой внучки Нина Георгиевна отдалась неведомой христианской общине и поклялась жить как можно дольше. Но дело повернулось иначе. Взяв у мамы долгожданные деньги, которые она получила от христиан, сын и невестка передумали покупать комнату. Они накупили игрушек и одежды детям, новый диван взамен старого, из которого лезли пружины, и тому подобное. Деньги разошлись мгновенно. Но дальше получилось еще хуже. Комнату, где жила молодая семья, однажды залило. И молодая семья быстренько перебралась к Нине Георгиевне. А у Нины Георгиевны всего две комнаты.

Гостиница

В связи с отменой статьи 209, которая запрещала бродяжничать, в Москве закрылся один из двух приемников-распределителей. Остался один. Это мини-тюрьма. Здесь работники милиции устанавливают личность беспаспортной и бездомной души, выдают паспорт и посылают на работу куда подальше от Москвы и Московской области.

Неизвестных рассаживают по ка-

мерам. В камере по пять двухэтажных кроватей с матрацами и постельным бельем. Мне могут не поверить, но московские бездомные околачиваются возле приемника-распределителя, умоляют их впустить и запереть в камеру. Однако в тюрьме, куда клиентов, бывало, доставляли силой, их теперь не принимают. Счастье, если позволят написать заявление с просьбой принять. Это равносильно разрешению поселиться в камере.

Здесь кормят, моют, лечат, выдают паспорт (разумеется, не со слов, а проводя самое тщательное расследование — в 1992 году, например, выявили 64 преступника, находящихся в розыске) и железнодорожный билет до места «распределения». Любая процедура, даже невинное купание, стоит денег. Один визит к врачу — 5000 рублей. Московские власти еще терпят это заведение, но со дня на день обещают его прикрыть. В камерах оживленно, весело, режут в карты, в домино — сюда попали счастливчики. Подходя к дверям этой мини-тюрьмы, я увидел двух забулдыг, которых от двери отгоняли. Шел дождь со снегом. Один затюканный жизненными обстоятельствами плакал. На местном наречии эта сцена называется «пришли сдаваться».

— Куда?! Все места заняты! Завтра приходите! — говорил строго милиционер. Так говорит обычно администратор гостиницы.

А пока я сидел в кабинете начальника приемника-распределителя Владимира Перевертайлова, ему несколько раз звонили женщины и, ластясь, уговаривали принять их еще ненадолго. Одна упрашивала дать ей билет еще раз, а то она первый потеряла. Проще говоря, пропала. Из Москвы она так и не тронулась. Добрейший Владимир Иванович на уговоры не поддавался.

— Что ж, вам теперь все время билет покупать? Надо бы, дорогая, и честь знать. Пойдите теперь в министерство социальной защиты, попробуйте внушить доверие...

Ходячая инфекция

Ненадежная публика. Но она есть. И если последний приемник-распределитель закроют, тысячам грязных, опустившихся людей будет просто некуда податься. В 1992 году в приемнике побывали 1224 человека. 558 из них были больны сифилисом и гонореей. Туберкулезом — 245. Психически больных людей было 232. Было также обнаружено 942 случая вшивости и 250 случаев чесотки.

Неужели отныне эти люди не получают медицинской помощи? А поскольку они обитают главным образом на вокзалах, то эти места станут еще более опасными. Но Моссовет, кажется, неумолим в своем стремле-

нии к демократии, которая провозгласила свободу личности. Если человек хочет шататься, пусть шатается! Общественных организаций, которые бы опекали бродяг, не создано.

Скорей всего, депутатов Моссовета вынуждает быть страстными приверженцами демократии неважное финансовое положение. В часы моего пребывания в приемнике на женской половине властвовала дифтерия. Всем милиционерам перед моим приходом спешно сделали прививки.

И все же я рискнул войти в женские камеры.

Капустина

Валентине Ивановне 48 лет. Освободилась 20 октября 1990 года. Приехала в Москву и скитается здесь потому, что москвичка. Мать умерла, комнату заняли соседи. Паспорт, выданный при освобождении, украли. Не пьяница.

— Я не пью, я только цифирю.

Получила направление в Астраханскую область, на бахчи. Но считает себя непригодной для сельского труда. Специальность — швея-мотористка. На работу без прописки никуда не принимают, общежития не дают.

Шмонова

Антонине Николаевне 53 года, судима неоднократно. С нетерпением ждет пенсии. Ждет так: «идет сдаваться» в 17-ю наркологическую больницу, где держат четыре месяца. В воспитательных целях и по инициативе главного врача Эдуарда Дроздова пациентов каждое утро возят на ЗИЛ. Там платят наличные. Потом из больницы выписывают. Бродяжничают. Потом снова в больницу на четыре месяца.

— Мне всего полтора года так продержаться. Фью, уже мало осталось! Я тоже швея-мотористка, а меня никуда не берут. Кому я нужна-то, старая да судимая!..

Барсукова

Раиса Николаевна говорит, что приехала в Москву долечиваться. В прошлом году ей будто бы вставили в коленку «штырь». Приехала («вынимать»). Так врач сказал. Имени врача не помнит. Но на вокзале у нее украли паспорт и она пришла сюда, чтобы паспорт восстановили.

Кадырова

Марии Ивановне 41 год, судимая. Освободилась в 1990 году. Работала дояркой в поселке Зобнино Ивановской области. Но скот стали забивать и доярок сократили. Не стало работы — лишили общежития. Сумку с документами украли.

Придуманная жизнь

В камерах приемника-распределителя сидят люди, личность которых не установлена. Опытные работники милиции предупредили меня, что все их истории — лапша на уши. Врут фамилии, имена, даты рождения, события. Это, оказывается, вообще свойство бродяг: они придумывают себе жизнь. В одной из мужских камер на первом этаже сидит озорной парень, который назвался одной фамилией, а отпечатки пальцев показывают, что он совсем не тот, за кого себя выдает. И он сидит, не признается тем, кого в нем признала безошибочная экспертиза. Ему трудно расстаться с романом собственного сочинения и рассказать все как есть, посмотреть на себя трезво.

Эта литературщина — следствие бездомности. Человек придумывает себе чужую жизнь в целях самосохранения. Будто то, что происходит с ним на самом деле, происходит не с ним, а его жизнь — совсем другая.

Стремление следователей и судей узнать истину разрушает выдуманный домик, в котором прячутся бродяги. Истина травмирует и без того хрупкую личность. Впрочем, это только теория. На практике человека, лишенного своего дома в течение многих лет, просто невозможно вернуть на землю. Он выдуман от начала до конца. И это его крепость, которая заменяет дом.

Муругов

Анатолию Ивановичу Муругову сейчас 67 лет. Вся его жизнь прошла в лагерях. Он был судим пять раз. Первый раз сел в 1943 году, ровно пятьдесят лет назад.

— Да ничего не делал, пошел с ребятами в кино...

С иностранцем, не зная его языка, объясняться проще. Этот хронически бездомный человек — комок ненависти. Но виду не показывает, что вас ненавидит. Это начинаешь понимать вскоре после начала разговора, потому что Анатолий Иванович не верит ни одному вашему слову, не реагирует на такие видимые вещи, как сочувствие, искреннее желание помочь. В разговоре выясняется совсем другое: он ощущает себя в центре вселенной, потому что он очень положительный. Его всегда сажали напрасно, напрасно скручивали руки, судили без предъявления пострадавших. Он ощущает себя очень хорошим, славным, тихим, мягким, добрым, прекрасным, душевным, чутким, безобидным человеком. Вот таким себя выдумал. Все кругом пьют, колются, дышат, Анатолия Ивановича каждый бьет, обмывает.

Анатолий Иванович — пришелец с другой планеты. 50 лет его содер-

жало государство. Его кормили по команде, одевали по команде. Он не знает обязанностей перед родными, даже простейших обязанностей по дому: как сходить в магазин, вымыть посуду. Он говорит, что недавно у него умерла мать, но где ее могила, он не знает. Он уже семь лет на свободе, полтора года бродит по Москве, но не испытал потребности найти могилу матери.

Анатолий Иванович желает, чтобы государство содержало его и дальше. И государство не отказывается. Пенсионера по возрасту, Анатолия Ивановича отправили в дом-интернат. Но он оттуда ушел. Кругом очень плохие люди. Семь лет, как он мог оформить себе пенсию по возрасту, не исключено, что доброе государство учло бы и его трудовой стаж (все-таки в лагерях он работал и были перемены между лагерями, когда он тоже куда-то устраивался), но он не написал простейшего заявления в райсобес. Все должны делать за него. А не сделали — опять виноваты.

Владимир Перевертайлов всей душой расположен к этому человеку, готов сделать все, что в его компетенции. Анатолий Иванович не верит ни одному слову Владимира Ивановича, отрицает любое его предложение. Тогда начальник приемника-распределителя достает из ящика стола кипу писем от таких, как Муругов: люди благодарят Владимира Ивановича за то, что «распределил» их в интернаты, присылают свои фото на фоне куста сирени. Анатолий Иванович смеется. Смех его не смешон. Так смеется камень: все в лице его недвижно и твердо, глаза стеклянные и блестят ненавистью.

Море соблазнов

Такая метаморфоза с обычным с виду человеком — следствие затянувшейся бездомности и полной безработности. Результат распушенности и привычки к безудержному веселью. Пять раз сажали человека — то за кражу, то за драку, то за пьянку. Как хорошо бродить с цыганским табором, переезжать с вокзала на вокзал, из города в город, пить, когда захочется, любить того, кто приглянулся, любить минут пятнадцать, а потом — другой, другая! Как весело назваться чужим именем, дать в морду, схлопотать по морде! Как легко получить «кучу денег» — нужно всего-то заложить мать родную!..

О, море соблазнов, которое, волнуясь, манит и притягивает каждого человека за дверями его родного дома!

Фото Юрия Грипаса, Василия Шапошникова и ИТАР — ТАСС

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

На днях исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя — философа и юриста — Ивана Александровича Ильина. Его работы — медленно и постепенно — возвращаются на родину. Напомним, что наш журнал был первым изданием, которое еще три года назад начало публиковать отрывки из трудов Ивана Ильина («НВ», № 10/90). Сегодня мы печатаем фрагменты из серии его статей, вышедших в 1932 году в парижском «Возрождении» и навеянных как опытом западной демократии, переживавшей в тот период глубокий политический кризис, так и опытом «тоталитарной демократии» в лице «реального социализма» и фашизма.

Советские власти выслали его из России в 1922 году, а до этого он несколько раз чудом избегал смертной казни — режим «ЦеКа — ЧеКа» многократно подвергал его аресту и «скорому революционному суду». По правде сказать, Ильин действительно принадлежал к «антибольшевистскому Сопротивлению», но скорее к теоретическому, чем практическому. Эту работу он продолжал и в эмиграции, постоянно и упорно изучая «яд большевизма». Он был близок к тем эмигрантским кругам, которые придерживались жесткой линии по отношению к Советской России. Но главным родом его деятельности оставалась научная, педагогическая и публицистическая работа.

Непримиримое отношение к любого рода «большевизму» привело к разрыву связей Ильина со многими видными деятелями эмиграции.

Единственным человеком, с кем дружеские — как человеческие, так и интеллектуальные — контакты у него оставались постоянными, был Петр Струве. Эта дружба помогает многое понять и в политических взглядах Ильина, далеко не столь однозначных, как это порой кажется. Во всяком случае его никак нельзя считать «православным ультрамонтанцем», консервативным романтиком или идеологом самодержавия, каким его нередко изображают.

Он действительно не был демократом, особенно в нынешнем, часто поверхностном и легкомысленном значении этого слова. Но совсем не был он — при всем своем своеобразии — и яростным противником правового государства, разделения властей, представительных учреждений и местного самоуправления. Критика демократии у Ильина (особенно в эпоху ее

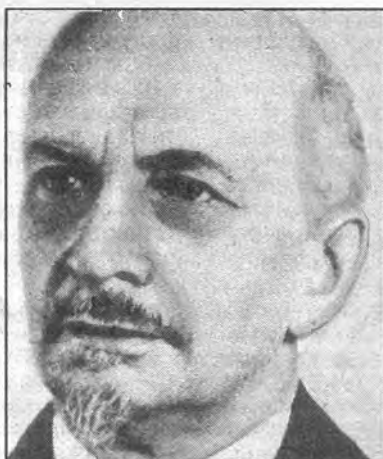
кризиса) — это прежде всего указание на ее «узкие места», предупреждение как «тирании большинства», так и анархии, это напоминание о возможности ее вырождения и превращения в охлократию. А если в западной политической мысли прошлого искать фигуру, чьи мысли напоминают Ильина, то окажется, что консерватизм Эдмунда Бёрка или Джона Адамса ему много ближе, чем консерватизм Шатобриана или Жозефа де Местра.

Отбор лучших

Иван Ильин (1883–1954)

Государствовать (в России) становится все сложнее и труднее. А демократический строй затрудняет нахождение единого и колеблющегося государственного авторитета. Близится буря, а команда корабля занята выборами нового капитана, стараясь выбрать его из числа наименее решительных матросов и дать ему как можно менее полномочий. Демократия боится сильной, неменяемой, пожизненной власти; это опасение входит в самую сущность ее. А слабая государственная власть ныне вредна и опасна, как никогда.

Принципиально говоря — демократия делает ставку не на подчинение (субординация), а на сговор (координация)... Начало же координации требует свободного изъяснения мнения и воли. Отсюда — вовлечение всех в политику; всеобщее кипение в словах, воззваниях, заседаниях и газетных спорах; всеобщий партийный раздор; растрата времени и энергии — как духовной, так и материальной; полное попрание принципа экономии сил. Здесь даже не надо примеров: они у всех на глазах. Чем затруднительнее положение государства, чем нужнее единая воля и сильная, отвечающая за себя власть, тем более страстным и бесплодным делается политическое кипение в демократиях. Политика прямо становится основным содержанием и целью жизни. Но так как на самом деле государство не есть сама жизнь, а лишь средство, орудие для лучшей жизни — оно призвано как бы прибирать комнату жизни, держать в добром порядке жизненный сад, то получается картина совершенно противоположная: занимаясь все время политической... все хотят прибирать комнату и разметать дорожки в саду, или, вернее, все только и делают, что ав-

торитетно и страстно болтают о том, как лучше «прибрать» и «разметать». Не политика обслуживает жизнь, а жизнь служит политике; люди живут, зарабатывают, едят и пьют, чтобы политически бороться или попросту политиканствовать; люди заболевают жаждою власти, чести и своего фигурирования...

...Государство требует единой воли и сильной воли. Найти ее тем труднее, чем больше людей должно объединиться для ее создания и чем больше начало координации вытесняет начало субординации. Россия 1917 года сконцентрированно и быстро явила то самое зрелище, которое медленно и постепенно разворачивается в Западной Европе: слагается распыление воли и безвластия; настоящий тупик безво-

лия. Но из тупика нет выхода; разве только через разломанный забор; вот откуда все эти современные прорывы, разламывающие забор демократической конституции.

По идее, демократия ищет нового, высшего государственного единения, основанного на всеобщем добровольном сговоре. Как ни привлекательна эта идея сама по себе, она не должна ни возводиться в догмат, ни становиться требованием дня; к ней возможно лишь медленное и долгое приближение вместе с медленным ростом и длительным облагораживанием правосознания. Ставши священным догматом и неукоснительным требованием дня, эта идея разваливает единство государственной власти и подрывает ее силу. И вот демократы не только не создают единую и сильную, прочную и ответственно ведущую государственную власть, но делают ее просто невозможной (разве лишь в форме диктаториального цезаризма, сохраняющего лишь для вида «демократическую» видимость)... Демократия...

развязывает центробежные силы... Мало того, она расстраивает постепенно и веру в координацию, и волю к единению...

От всего этого слабеет волевая функция государства и государственной власти... Демократ не любит государственного гнета; и он прав в этом. Но если это ведет к праву гражданина не быть лояльным и готовить революцию или к праву любой национальности объявить своеволие, «самоопределиваться» и отпасть, то демократия оказывается началом разлагающим и противогосударственным. Демократ склонен считать всех людей братьями; и он прав в этом. Но если это ведет к признанию, что иностранный пролетарий мне, как пролетарию, ближе, чем свой крестьянин-собственник, или к признанию, что иностранный банкир мне, как банкиру, ближе, чем свой крестьянин и пролетарий, то демократия оказывается началом разрушительным. Демократ не хочет войны; и он прав в этом. Но если он думает отменить войну мировой революцией и введением мирового социализма; если он приветствует коммунистов как великих миролюбцев, объединяется с ними и помогает им; если он начинает презирать и травить идею армии или даже полиции, то он готовит такую мировую анархию и резню, после которой сама идея демократии может стать ненавистной для целого ряда поколений.

Демократия, как идея, есть идея государственная; приобретая противогосударственный характер, расшатывая (вольно или невольно) единство и силу государственной власти, разлагая начало обязательного единения, субординации и лояльности, — демократия превращается в жизненное внутреннее противоречие и готовит себе печальный конец. Где-то в глубине души современного демократа заложены начала революционности и анархии; и от этих начал ему необходимо освободиться начисто. Демократ, конечно, стоит за законность; но против не нравящихся ему законов он готов апеллировать к революции. Демократ, конечно, признает государство и государственную власть, особенно если она находится в его руках; но, строго говоря, начала авторитета, водительства субординации, принуждения ему не по душе; он всегда думает про себя, что государство тем совершеннее, чем меньше «всего этого», и не замечает, что его всегда тянет к пределу демократической идеи — к анархии.

Выйдет ли современная демократия из этих опасностей и тупиков; справится ли она со своими историческими задачами — мы не знаем и предсказать не беремся. Но ни о каком «злорадстве» с нашей стороны здесь не может быть и речи; ибо крушение демократии будет не «сменой режима», а мировой катастрофой...

За годы русского крушения наметился целый цикл вопросов, о которых мы обязаны додумать все до конца и выговорить правду. Мы не можем, мы не смеем при этом считать с тем, что это кому-нибудь «понравится» или «не понравится». Мы должны думать о России и только о России; о ней и о ее будущем...

Мы должны понять и крепко усвоить, что Россия не спасается никакими старыми трафаретами — ни монархическими, ни республиканскими, ни демократическими, ни ежово-рукавичными. Россия спасется только на новых путях, только в новых творческих формах, учитывающих и все ошибки прошлого, и все заблуждения западных рецептов, и всю сложность настоящего.

...Проблема демократии — это одна из тех проблем, о которых мы должны додумать и высказать все до конца, искренне и честно! Но для этого необходимо прежде всего убрать с пути идеологически-полевые баррикады.

Прежде всего трудно сказать что-нибудь по этому во-

просу тем, которые «верят» в демократию. Вера есть дело свободное, личное, иррациональное. И если кто-нибудь не нашел для своей веры лучшей области, чем политика, и более достойного предмета, чем демократия, то что же ему можно сказать? И что он может услышать? Это черта русского человека: он нуждается в вере. И если у него нет духовного опыта, для того чтобы найти себе Предмет, достойный веры, то он начинает верить в другое, в такое, во что верить не стоит, потому что это надо исследовать. Кто-то «верит» в кооперацию, кто-то «верит» в парламентаризм, в демократию, в референдум; а иные «верили» в опрошение, в егеровские фуфайки, в ламановское какао. Иногда кажется, что русская интеллигенция далеко еще не поборола в себе того полуинтеллигента, который достаточно образован, чтобы не верить в Бога, и недостаточно образован, чтобы не верить в идолов.

Демократия подлечит не вере, а исследованию. Не стоит прилепляться к ней «всем сердцем, всем умом и всем помышлением». Не стоит впадать в ярость при первом же критическом прикосновении к ней, отвечать на критику бранью и «отлучением». Демократия совсем не есть какая-то «священная самоценность» или «высшая самоцель», ради которой живет человечество и вне которой — все мрак и гибель. Пора оставить раз и навсегда это ребячество... вырасти из

этого политического романтизма. Пора преодолеть этот суррогат религии и прекратить это идолопоклонство. Политика требует трезвости; она обязана считаться с трезвым наблюдением и с эмпирическими фактами. И если даже признать условно, хоть на миг, что демократический строй есть «идеальный» строй, как это признавал Герцен до пятидесятих годов, то все же неизбежен отрезвляющий вопрос: «Правильно ли навязывать идеальный строй людям и народам, не способным ни понять его, ни понести, ни осуществить?» Ведь «идеальный» строй может быть просто не по силам народу... Еще Аристотель корил Платона за непонимание этой истины. А мы до сих пор еще склонны думать вместе с анархистами Толстым и Кропоткиным, что как только «идеальный» строй будет введен, так все преобразится, обнимутся и возгласят «осанну»...

Нет, мы не имеем права «верить» в политические лозунги; мы обязаны наблюдать и исследовать политические реальности. Можно понять, что «идеал демократии» выводится кем-нибудь из общих основ его мирозерцания. Но недопустимо раздувать лозунг демократии до целого мировоззрения, превращать его в критерий добра и зла и делить всех людей на «демократов» («добродеев») и «недемократов» («злодеев»). Я помню одного приват-доцента, который вдруг открыл, что можно «построить кооперативное мировоззрение», и с увлечением предался этому спасительному занятию; он шел не от мировоззрения к кооперации, а раздувал кооперативизм до целого мирозерцания и думал найти в этом спасение. Это дело несерьезное, и мы должны его оставить. Никакой политической или хозяйственной «лозунг» не может служить критерием добра и зла; и делить людей на «демократов» и «недемократов» есть занятие поверхностное и неосновательное. На вопрос: «Вы демократ или нет?» — надо отвечать требованием снять этот вопрос. Нельзя отвечать на него односложно — «да» или «нет»...

Словом, нельзя превращать демократию в нечто священное и неприкосновенное. Здесь необходимо спокойно и предметно восстановить свободу суждения так, как она восстанавливается во всей Европе. И если кто-нибудь заявит, что он «все-таки будет верить в демокра-

тию», то мы ответим ему: «Это ваше дело; верьте и даже веруйте, если можете; но от нас никакого благоговения ни перед демократией, ни перед вашей верой не ждите...» И, ответив так, будем исследовать. Установим с первого слова, что сложность этой проблемы нам вполне ясна; что самое понятие «демократии» люди определяют различно и что в истории было «много разных демократий»; что исследование особенно затрудняется от множества неверных и пристрастных постановок вопроса...

Прежде всего не следует противопоставлять «демократию» «аристократии»; это противопоставление исторически условно и может только извратить основную постановку вопроса. «Аристос» — значит лучший. Не «самый богатый» или «самый родовитый», или «самый ловкий и пронырливый». Но именно лучший — бескорыстный, искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, волевой, даровитый, умный, образованный... Можно добавить к этому и другие качества, но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к «лучшим» человека жадного, продажного, патристически безразличного, лишённого государственного правосознания и опыта, бездарного, глупого, невежду...

Но если так, какой же демократ и какой демократический строй смеет восставать против аристократического отбора людей? Разве смысл демократии состоит в том, чтобы свергнуть лучших и поставить на их место худших? Например, продажных люмпенов, большевиков-интернационалистов и бездарных невежд? Само собой разумеется, что идейные демократы этого не хотят: они потому и стоят за демократию, что хотят выдвинуть к власти подлинно лучших. Но отсюда вытекает, что демократия есть прежде всего попытка создать настоящую аристократию, не правление богатых кутил, или родовитых дегенератов, или лукавых честолюбцев, но правление людей, политически и нравственно лучших.

Ставя себе эту задачу, демократы правы; они хотят верного; они верны самой идее государства; они стремятся поставить политику и политическую жизнь своей страны на высоту. И если бы оказалось, что сущность демократии именно к этому и сводится — в отличие от всех недемократических партий и течений, — то мы все должны были бы стать демократами. Но сущность демократии к этому, конечно, не сводится.

Идейные демократы — а мы ради справедливости будем говорить только о них, а не о плутоватых честолюбцах — хотят не только выдвинуть к власти лучших людей, но хотят достигнуть этого посредством выборов, и притом по возможности всенародных выборов. Их идея состоит именно в том, чтобы создать настоящую аристократию всенародными выборами. И насколько демократы бесспорно правы и принципиально правы в своей первой задаче, настолько они оказываются обычно беспочвенными оптимистами, веруя в разрушительность этой задачи на путях «демократических». Здесь безусловно верная цель сталкивается с условно целесообразным средством; и всюду, где это столкновение обнаруживается, условное средство должно уступить безусловной цели. Ибо к самому естеству, к самой идее государства относится это требование, чтобы правили лучшие; мало того, строй, при котором правят худшие, будет жизненно обречен и рухнет при первом серьезном историческом испытании. Государство призвано быть аристократией в подлинном смысле этого слова; и можно сказать с уверенностью, что если бы недемократические государства умели обеспечивать себе всегда правле-

ние лучших, то идейным демократам нечего было бы делать на свете.

Вопрос «всенародных выборов» есть поэтому вопрос средства, которое может оказаться целесообразным, но может оказаться нецелесообразным. Нельзя исходить из допущения, что это средство целесообразно всегда и повсюду; таких средств вообще нет; политической «панацеи» также не бывает, как и лечебно-врачебной. И «веровать» в эту панацею — ребячество. Не всякий народ и не всегда может выборами выделить к власти лучших людей; мало того, вопрос надо поставить совсем иначе, а именно: какому народу и когда удавалось выделять к власти посредством всенародных выборов действительно лучших людей? И если это удавалось, то при каком размере государства? При каком уровне религиозности, нравственности, образования и правосознания в стране? При какой системе выборов? В спокойные периоды жизни или же во время волнений и в периоды политиче-

ческих напряжений и опасностей и так далее?.. Именно так вопрос должен быть поставлен и изучен. И если он будет так поставлен, то для веры в демократию не останется места, а понимание ее опасных сторон станет доступно многим... Практически же дело обстоит так. Как только окажется, что демократические выборы выделяют не луч-

ших людей, а всевозможных честолюбцев и продажных проходим, или же хотя бы людей безвольных, государственно-неспособных, политических плоскодухов, так перед идейными демократами встанет дилемма: или жертвовать родиной, государством и народом ради идеи всенародных выборов, или же отступить от этого способа выделения лучших людей, как оказавшегося теперь и здесь нецелесообразным. Нельзя, нелепо и гибельно настаивать на демократических выборах, если народ выделяет к власти худших людей — беззастенчивых демагогов и прохвостов; настаивать на «демократии» в таком случае было бы равносильно предательству. И нечего ссылаться на «партийную программу»; настоящий политик учится на ходу, думает и передумывает на ходу; и партийная программа не есть символ веры или священный канон: надо иметь мужество исправлять ее ошибки.

Демократические выборы представляют лишь одно из средств выделения лучших к власти; и притом средство самое сложное и политически удобоизвратимое. Есть другие пути и средства для отбора лучших. Более того, в течение ближайших же десятилетий человечество увидит, что есть еще неизведанные средства отбора; что здесь возможно и необходимо политическое творчество; что присягающие старым трафаретам не имеют будущего. И человечество, конечно, обратится к этим новым путям. Словом если демократизация политического отбора вредит государству или губит его, то надо с ней покончить; и жизнеспособный народ покончит с ней вопреки всяким догматам и фанатикам. А может быть — и жестокими средствами.

Что же, значит избирательное начало вообще осуждается и отменяется?! Нисколько: оно остается условно целесообразным средством, которое должно быть приспособлено к уровню народного правосознания в данной стране и в данную эпоху, урезано, видоизменено, подвергнуто новым способам избирательной и неизбирательной цензуры, — словом, творчески преобразовано. И нет сомнения, что если бы сами идейные демократы это поняли и своевременно осуществили, то двадцатый век не принес бы им фашистских сюрпризов.

Демократия или создает новую, настоящую аристократию, или же оказывается прямой ставкой на чернь. Этому учит История.

Не нужны приговоры демократии — захочет, так сама себя приговорит; недостатки ее слишком очевидны, чтобы их не учитывать, но, пожалуй, они лучше, чем тайные — кроме еще и явных — пороки тирании

Туристическая компания
"Русский экспресс"

ТОЛЬКО У НАС!

КНИЖА

дорого

**Прикоснитесь
к раю
на земле!**

Тел.: 292-21-21
Факс: 292-72-55

Информационно-
рекламное
агентство "РОССИ"

предлагает рекламу
на цветных
компьютерных табло,
расположенных в
самых многолюдных
местах Санкт-
Петербурга (ст. метро
"Гостиный двор", холл
гостиницы
"Пулковская",
выставка "Ленэкспо").

Реализует
электронные цветные
компьютерные табло
размером от 0.8 x
0.8м до 4.0 x 4.0м. На
табло - полная копия
экрана Вашего
компьютера.

Наш адрес: 191011,
г. Санкт-Петербург,
наб. реки Фонтанки,
51/53-17.

Тел.: (812) 310-75-46.
Факс: (812) 310-10-68.

КОММЕРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ АССОЦИАЦИЯ

"РУСЬ"

в связи с закрытием складов
СРОЧНО проводит РАСПРОДАЖУ

ДЕШЕВО,

КАЧЕСТВЕННО,

С ГАРАНТИЕЙ 1 ГОД!

Наш адрес: Москва, пл. Пряникова, 6.
Проезд: ст. метро "Площадь Ильича".
Тел.: 278-4244, 278-1265, 278-3491.

ТЕЛЕВИЗОРЫ:

MAXIM 4020	(51 см)	250 000
MAXIM 4021	(54 см)	270 000
SANYO 6022	(51 см)	321 000
ORION 14J	(37 см)	208 000
ORION 20J	(51 см)	299 900
JVC 14M1	(37 см)	273 000
JVC C21T1	(55 см)	399 500
SHARP 21N52	(55 см)	410 500

ВИДЕОПЛЕЙЕРЫ:

ORION N300 FV	180 000
AKAI P-110	180 000
JVC P-7	193 000
Panasonic P-7	235 000

ВИДЕОМАГНИТОФОНЫ:

JVC HR-D 1560	299 000
Shintom Japan	218 500

ВИДЕОКАМЕРЫ:

Panasonic M-3000	1 142 000
Panasonic M-9000	1 809 600
Hitachi 2480	985 000
JVC M-31	687 000

ТЕЛЕФАКСЫ:

Panasonic KXF-50B	431 600
Panasonic KXF-90B	525 000

ТЕЛЕФОННЫЕ АППАРАТЫ Panasonic

Очень дешевые:
СТЕРЕОМАГНИТОЛЫ
Thakral,
КАЛЬКУЛЯТОРЫ,
ВИДЕОКАССЕТЫ
Sony

ВКУСНО!!!

ШОКОЛАД
"SNICKERS",
"MARS",
ШОКОЛАДНЫЙ
КРЕМ
"HAZELLA"
(Голландия)

Цены даны по
состоянию на 1 апреля
1993 года.
По договоренности
осуществляем
доставку
приобретенного товара.

209-95-81 **RUSSIAN**
209-76-52 **PRESS**
200-21-10 **SERVICE**

Один из наиболее интересных режиссеров современного российского кино 53-летний **Александр Прошкин** после мастерски сделанного боевика «Холодное лето 53-го» (получил «Нику» как лучший фильм 1988 года) и телесериала о Николае Вавилове на этот раз обратился к мелодраме. И, похоже, опять не прогадал. Несмотря на, казалось бы, откровенную «некасовость» жанра, усталость зрителя от всякого рода «чернухи», премьера фильма «Увидеть Париж и умереть» в московском Доме кино вызвала небывалый по нынешним временам ажиотаж.

Действие новой картины Александра Прошкина происходит в 60-е годы. В центре — трагическая история взаимоотношений матери и сына. Мать убеждена, что у сына большое будущее. Он талантливый пианист, готовится к музыкальному конкурсу в Париже. Мать понимает, что для сына это единственная возможность добиться успеха, и ради этой поездки она готова идти на любые унижения...

В фильме заняты великолепные актеры — Татьяна Васильева, Владимир Стеклов, Станислав Любшин. В роли юного дарования снялся кумир российских школьников поп-звезда Дима Маликов.

Александр Прошкин когда-то сам был актером. Окончил в Ленинграде институт те-

атра и кино, несколько лет прослужил в Ленинградском театре комедии у Николая Акимова. Как режиссер начинал в Москве на телевидении. Его первые телефильмы — «Инспектор Гул», «Опасный возраст», «Стратегия риска» — шедеврами не стали, но зрителю запомнились и полюбились, их до сих пор регулярно «крутят» по ТВ. Гораздо больший успех выпал на долю телесериала «Михайло Ломоносов», после которого неожиданно для самого себя Прошкин ненадолго стал самым любимым режиссером общества «Память» (после Николая Бурляева, разумеется). Хочется надеяться, что новая картина Прошкина, где тема государственного и бытового антисемитизма одна из главных, окончательно

исправит это недоразумение.

Сочувствие, доверие и труд — эти слова могут стать девизом единственного в своем роде Христианского девичьего приюта «Евфимия» — была такая на Руси прекрасная святая. Находится приют в Санкт-Петербурге на Малоохтинском проспекте и организовала его 55-летняя **Зинаида Ефимовская**.

Сюда приходят в любое время и живут постоянно около пятидесяти девочек от 12 до 18 лет. У каждой своя непростая история — в приюте они оказались не от хорошей жизни. Здесь дают не только кров и еду. Девочки учатся (учителя приходят из ближайшей школы), работают в художественной и швейной мастерских, в цехе игрушек. Все, что делают, идет на продажу и хорошо раскупается. Это позволяет как-то держаться на плаву.

Сначала девочки жили в трехкомнатной квартире Ефимовской, потом получили спальный дом — бывшее общежитие ПТУ. Сами сделали ремонт, начали налаживать быт, организовали мастерские. Кроме спальных, учебных классов, мастерских, столовой появился еще как бы при-

ют в приюте. Назвали «Маленькая мама», выделили пять небольших комнат. Здесь живут девочки, которые готовятся или уже стали матерями. От родительского дома им отказали, некоторые просто не хотят, чтобы узнали родители.

Для воспитанниц приюта Зинаида Ефимовская — не директор, не старший наставник, не мать, а добрый, милосердный человек, воспитатель божьей милостью. У нее масса энергии:

— Хочу, чтоб из благородных девиц каждая воспитанница приюта стала благородной: хорошей матерью, доброй женой, умелой хозяйкой. Не так-то все просто...

Л.Хайкин

Милиционер по комсомольскому набору

Назначение 44-летнего майора милиции **Сергея Солдатова** начальником Управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Москвы (бывшее УБХСС) немало удивило и встревожило выдавших виды профессионалов с Петровки, 38. Дело в том, что стаж практической работы в органах внутренних дел у нового руководителя службы составляет всего лишь три года, два из которых Солдатов проработал в политико-воспитательном управлении ГУВД.

Многие годы жизни Сергей Солдатов отдал комсомолу. Начиная секретарем комсомольской организации школы, был секретарем Киевского райкома комсомола, заместителем заведующего международным отделом ЦК ВЛКСМ. Параллельно учился на вечернем отделении юрфака МГУ.

В органы внутренних дел Солдатов попал в 1980 году — опять-таки по комсомольскому набору. Его карьера оперативника началась в 1982-м с должности заместителя начальника управления по борьбе с хищениями социальности и закончилась в 1983 году, когда Солдатов перешел во Всесоюзный юридический заочный институт. Последние десять лет он проработал в этом вузе преподавателем.

В беседе с корреспондентом «НВ» Сергей Солдатов отказался прокомментировать свое назначение. Не ответил он и на вопрос о причинах отставки своего предшественника. Ничего не сказал и о том, какие первые шаги собирается предпринять на новом посту.

На что же Сергей Солдатов собирается сделать ставку в новых условиях? В первую очередь, как и следовало ожидать, «на профессионализм своих сотрудников». Поясняя эту свою мысль корреспонденту «НВ», в общем немногословный и косноязычный Сергей Солдатов неожиданно без запинки произнес буквально следующее: «Сегодня коллектив Управления по борьбе с экономическими преступлениями — это мощный, мобильный коллектив профессионалов, от которого следует ждать самых высоких результатов в работе».

А.Гладилин

Самый известный в Европе израильский писатель 44-летний **Давид Гроссман** недавно выпустил книгу «Невидимый народ», посвященную палестинцам, проживающим на территории Израиля.

На пресс-конференции по случаю выхода книги Гроссман подчеркнул, что его давно уже интересует судьба 800 тысяч палестинцев, являющихся израильскими гражданами. Гроссман утверждает, что, хотя израильтяне и палестинцы вот уже столько лет живут вместе бок о бок, между ними почти нет никаких контактов и первые ничего не знают о вторых.

Книга «Невидимый народ» явилась плодом девятимесячных усилий автора, результатом его поездок по стране и бесед с сотнями населяющих ее жителей — евреев и палестинцев, молодых и пожилых, мусульман и христиан. Итогом его поездок стало убеждение, что Израиль слишком маленькая страна, чтобы претерпеть еще какое-то деление. Гроссман убежден, что все граждане Израиля, евреи и неевреи, дол-

жны пользоваться совершенно одинаковыми правами. Более того, необходимо, считает писатель, гарантировать равные права даже тем, кто таит намерение убивать израильтян. «Пусть это сочтут сумасшествием, — говорит Гроссман, — но я убежден, что это единственный способ добиться мира в стране».

Гроссман признает: многие его европейские читатели уверены, что он настроен пропалестински. «Они ошибаются, — говорит он, — я настроен произраильски и поэтому верю в сосуществование палестинцев и израильтян, в прекращение оккупационного режима, в мир на земле Израиля. И каждый должен внести этот свой вклад в создание жизнеспособного демократического государства».

Главная цель, которую ставит перед собой американский гражданин **Сергей Петрофф**, — вернуть золотой запас Российской империи законному владельцу — Российской Федерации.

В 1918 году его отец, генерал армии Колчака, успел вывезти часть российского золотого запаса и сдал его на временное хранение японским властям. Когда Российская Федерация объявила себя в феврале 1992 года правопреемницей СССР и Российской империи, Петрофф выразил готовность предо-

ставить семейный архив ее руководству. Россия, по его мнению, имеет теперь все основания востребовать принадлежащие ей средства.

Однако сын белогвардейского генерала этим не ограничился. По собственной инициативе он предпринял усилия для прояснения запутанной истории всего российского золотого запаса, который в 1914 году составлял 1,7 миллиарда золотых рублей. Документы, обнаруженные Петроффом в архивах Гувейского института, Колумбийского и Калифорнского университетов, в Британском военном архиве, легли в основу солидного исследования на эту тему. Скрупулезный ана-

лиз позволил сделать и другой вывод: существует возможность возвращения и некоторых других активов Российской империи.

Конкретным итогом деятельности русского американца стало создание в Москве Международного общественного совета из

специалистов и энтузиастов, готовых финансировать работы по поиску и возвращению российского золота.

Сергей Павлович предупреждает, что вернуть золотые миллионы (а с учетом среднегодового банковского процента суммы возросли многократно) будет делом нелегким. Но он искренне верит, что станет свидетелем возвращения российского золота, за судьбу которого считает себя ответственным.

Н.Серегин

На обложке журнала «Служба безопасности» нет грифа «совершенно секретно». Однако до недавнего времени почти все мате-

риалы, опубликованные в этом издании Министерства России, находились в спецхранах.

45-летний главный редактор журнала **Сергей Смелянский** утверждает, что сам лично не имеет отношения к МБ: «У меня нет ни воинского звания, ни оружия». Смелянский — профессиональный журналист. Работал в «Огоньке», в «Советской России», в журнале «Природа и человек».

Материалы в «Службе безопасности» затрагивают три основных раздела: архивы, анализ и текущие события. Среди ключевых материалов первых двух номеров — воспоминания «нелегала» Дмитрия Быстролетова, взаимоотношения Бориса Савинкова и Феликса Дзержинского, информация об отечественном «детекторе лжи».

Идея журнала вынашивалась два года. Предполагалось, что одним из спонсоров и учредителей уникального издания на двух языках — русском и английском — будет сам Роберт Максвелл. Но после его таинственной смерти об этой идее пришлось забыть.

Смелянский не собирается делать свое издание массовым. Он за элитарность журнала. Однако главный редактор планирует выпускать специальные видеоприложения: по его мнению, почти все статьи в «СБ» «хорошо ложатся на видеоряд».

И.Рябов

Певец итальянской социал-демократии

«Мистер Воларе», как итальянцы называют своего знаменитого певца и автора песен **Доменико Модуньо**, похоже, «влетел» в неприятную историю. Миланская прокуратура, которая в рамках кампании «Чистые руки» занимается выявлением и привлечением к ответственности крупных взяточников среди нечистоплотных политических и финансовых воротил Италии, вызвала Модуньо для дачи показаний по поводу незаконно полученных им значительных сумм денег.

Автор и исполнитель всемирно известной песни «Воларе» («Летаю») может утешаться лишь тем, что оказался в одной компании с другими итальянскими знаменитостями, среди которых несколько бывших премьер-министров, министров иностранных дел и масса финансовых «тузов».

Несколько лет назад Доменико Модуньо решил всю свою немалую песенную популярность вложить в политику и стать депутатом Европейского парламента от Радикальной партии Италии, что ему и удалось без особого труда. Затем, войдя во вкус представительской власти и перейдя в лоно социал-демократов, он стал регулярно давать концерты, как бы совмещая свою предвыборную деятельность и сбор финансовых средств для нужд социал-демократической партии Италии. Прокуратура установила, что певец получал за свои выступления ничем не оправданные завышенные гонорары, которые неизвестно откуда поступали и куда уходили. К тому же эти деньги не были отражены в финансовой отчетности и, таким образом, с них не выплачивались государственные налоги.

Прокуратура намерена выяснить, действительно ли певец за десять своих последних эстрадно-предвыборных выступлений в качестве кандидата от социал-демократической партии получил более полумиллиарда лир и не осела ли эта сумма в кассе социал-демократов. Если это действительно так, то Доменико Модуньо и его партии будет предъявлено обвинение в серьезном нарушении закона о финансировании политических партий. Даже если эта версия не получит подтверждения, останется обвинение в сокрытии доходов и уклонении от уплаты налогов, что также чревато серьезными последствиями.

Ярасэ

«Ярасэ — естественное с виду развитие событий, в действительности заранее предрешенное».

Толковый словарь японского языка

Владимир Цветов,
корреспондент РТВ в Японии

Корреспондент Гостелерадио СССР не обращал внимания на жестокий, судя по непрерывным автоматным очередям и частым минометным залпам, бой, развернувшийся вокруг него. Стоя во весь свой внушительный рост, он живописал перед телекамерой, как советские воины-интернационалисты защищают завоевания афганской революции. И телезрители поражались героизму корреспондента, явно рисковавшего жизнью, чтобы показать им картину настоящего боя. Душа телезрителей наполнялась гордостью за тележурналиста и за тех, о ком он говорил.

У советского посольства в Токио шумел десяток юнцов в пятнистых куртках десантников. Вокруг очень коротко остриженных голов — повязки: на белой ткани красный круг восходящего солнца. Из мощных динамиков, установленных на автобусе с решетчатыми окнами и надписью на кузове: «Сокрушим Советский Союз!», неслись выкрики: «Вернуть северные территории! Долой советскую оккупацию!» Выкрики перемежались военными маршами времен второй мировой войны. Разум телезрителей вскипал возмущением: в Японии возрождались милитаризм и шовинизм.

И невдомек телезрителям, что видели они не подлинную жизнь, а спектакли, или «ярасэ», если применить японский телевизионный термин. Я не хочу сказать, что не было в Афганистане ожесточенных боев и что не случались в Токио у советского посольства крикливые демонстрации мелких профашистских групп. Но именно тот бой

и именно та демонстрация, которые показало в программе «Время» Центральное телевидение, являлись зрелищем, лишь внешне не выдуманным, а в действительности — заранее тележурналистами подготовленным.

Об афганском спектакле мне рассказали сами воины-интернационалисты, устроившие по просьбе корреспондента отчаянную пальбу, когда настоящий бой давно кончился. Токийское зрелище состоялось по моему заказу. Чтобы выполнить ЦКовскую идеологическую установку широко и активно разоблачать милитаризацию Японии и японскую антисоветскую политику, я

вынужден был завести знакомство с руководителем одной из правых организаций. Выводить своих молодых — на демонстрацию в иное, кроме советского посольства, место он отказывался. А других наглядных проявлений милитаризма и антисоветизма в Японии не наблюдалось.

Королевство Мустанг

Я вспомнил эти факты родного «ярасэ», подумал о ежедневном 600-секундном невзоровском, представил неизбежное «ярасэ» в телепрограммах о деятельности Верховного Совета и съездов народных депутатов, выпускаемых в эфир под надзором хасбулатовского агитпропа, и мгновенно утасло желание осудить японское телевидение, где разразился скандал, связанный с подменной в документальной телепрограмме естественного хода жизни выдуманными эпизодами.

Телерадиокорпорация Эн-Эйч-Кэй показала большой телеочерк о затерявшемся в Гималаях королевстве Мустанг. Чтобы добраться до него, съемочной группе пришлось преодолевать с опасностью для жизни стремительные горные реки, карабкаться по отвесным кручам. Тележурналистов мучила жажда. Спаслись от нее им помог молоденький монах, вымоливший у неба немного влаги. Все это телезрители увидели на экране. Они воздали должное самоотверженности тележурналистов и вознесли хвалу Эн-Эйч-Кэй. Зрительские симпатии обернулись для телерадиокорпорации вожделенным ростом рейтинга ее передач.

Но вскоре выяснилось: не существовало никакой надобности лезть в бушующие горные потоки — через реки в королевстве Мустанг перекинута мосты. Не такие, как, скажем, через Москву-реку, но пригодные для переправы. Совсем не требовалось уподобляться альпинистам: в королевстве проложена дорога — далеко не Невский проспект, но и не хуже, чем наша сельская. Не было священика. Съемочная группа нарядила в монашеское одеяние местного

Рисунок Виктора Богорада

мальчика. И молился он о ниспослании небом дождя по просьбе режиссера телепрограммы, хотя перед самым приездом съемочной группы дождь, правда, не слишком здесь частый, в королевстве прошел. То есть телепрограмма содержала «ярасэ».

Общественность всколыхнулась. Вознегодовала печать. Газеты, собственно, и вскрыли «ярасэ». Один из руководителей Эн-Эйч-Кэй извинился в эфире перед нацией за обман. Суровым дисциплинарным наказаниям подверглись участники съемочной группы.

Телевизионное «ярасэ» резко критиковали в парламенте. Такая критика в Японии весьма действенна. Японцы уважают парламент и достаточно почтительно относятся к депутатам. Депутаты же не воспользовались представившейся возможностью образовать некий наблюдательный совет и взять под свой контроль Эн-Эйч-Кэй. Им это и в голову не пришло. Ведь японский закон об электронных средствах массовой информации гласит: «Телевидение и радиовещание независимы. Они надпартийны». А поскольку Эн-Эйч-Кэй допустила аморальный поступок, конкретные действия в отношении телерадиокорпорации следует предпринять исполнительному органу, решили депутаты, что и сделал министр связи.

На заседании парламента он вручил председателю Эн-Эйч-Кэй письменное предупреждение, в котором сказано: «ярасэ» вызвало у телезрителей подозрение в честности телерадиокорпорации как общественного органа». В старину после подобного обвинения в потере лица японец совершал хакари. Сейчас нравы в Японии мягче. Председатель Эн-Эйч-Кэй снизил себе и еще пяти руководителям, ответственным за подготовку документальных программ, заработную плату.

«Круглый стол» вместо хакари

А затем Эн-Эйч-Кэй организовала телевизионный «круглый стол» на тему: «Что такое документальная телепрограмма?» Ответ на этот вопрос попытались дать популярнейшие в Японии телевизионные и газетные журналисты. Помогали им телезрители: в студии были включены телефоны. И тут оказалось, что телевизионщики — те, кто непосредственно создает программы, — и телезрители по-разному относятся к «ярасэ».

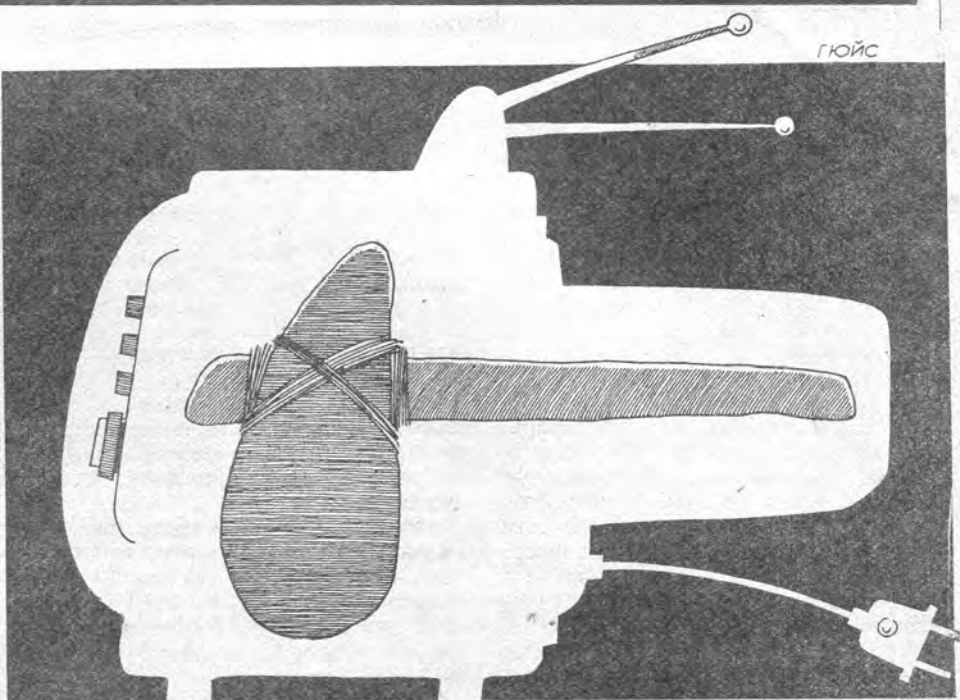

Рисунок Геннадия Живуцкого

«Без постановочных сцен не снять интересной документальной телепрограммы», — заявил один из журналистов.

«Нас подталкивает на «ярасэ» борьба за высокий рейтинг телепрограмм», — добавил другой.

Эффект разорвавшейся бомбы произвели в студии данные анонимного опроса творческих работников крупнейших японских телекомпаний. Сорок четыре процента опрошенных признались, что допускали «ярасэ» в том или ином виде в своих документальных передачах. Столь «массовую безнравственность», как выразился кто-то из телезрителей, трудно представить. Сдается, что и участники «круглого стола» тоже не были готовы к такому итогу опроса. Только 30 процентов телевизионщиков заявили, что всегда обходились без «ярасэ».

«Круглый стол» не сумел прийти к однозначному выводу. Да и возможен ли он? Ведь телевидение — в первую очередь зрелище. Документальное телеповествование вряд ли сделать зрелищным без срежиссированных эпизодов. Когда ведущий в авторской документальной программе нашего телевидения аристократическим жестом показывал на дачные усадьбы: здесь жил музыкальный гений, здесь писал музыку или репетировал гений, не возникало сомнений, что этот проход по поселку сначала репетировался, а потом несколько раз снимался. Телезритель должен был остаться в полной уверенности: интересные

мысли пришли в голову ведущему спонтанно. Телекамера лишь удачно подсмотрела момент рождения мысли. А это что? «Ярасэ»? 39 опрошенных японских теледокументалистов в графе анкеты, гласившей: «Что такое «ярасэ»?», написали, что затрудняются дать четкое определение.

Участники «круглого стола» уже готовы были завершить дискуссию декларацией, что «ярасэ» — прием, конечно, плохой, но чего не сделаешь ради телезрителей — так хочется, чтобы документальные программы захватывали их, как вдруг в студии зазвучал голос телезрителя, усиленный динамиком. «Изображение сильно воздействует на сознание, — сказал телезритель. — И ложное изображение может вызвать превратное представление о действительности. Отсюда недалеко до манипулирования общественным мнением».

Я потянулся к телефону, чтобы сказать коллегам на телеэкране: не пропустите мимо ушей предостережение телезрителя, мы это уже проходили, за свой опыт мы заплатили слишком дорого. Но отдернул руку. Накануне я снимал репортаж с выставки об экологической трагедии, постигшей Землю. По залу шла японка с ребенком. Я попросил ее встать у стенда так, чтобы ребенок смотрел на фотографию убитого кислотными дождями леса. «Что мы оставим детям?» — собирался сказать я за кадром на этом изображении.

Так что же такое «ярасэ»?

Жизнь за окурок

В июне 1981 года было принято очередное постановление о поддержании чистоты на улицах Москвы. В июле того же года я в ожидании автобуса курил болгарскую сигарету «Интер». Когда автобус подошел, я бросил окурочек на мостовую, поближе к бровке тротуара, и собрался было войти, как вдруг сзади послышался типичный милиционерский глас:

— Гражданин! Подберите окурочек!

Я отмахнулся и шагнул на ступеньку, но милиционер взял меня за руку:

— Поднимите окурочек!

Автобус уехал без меня, а я сказал милиционеру:

— Из-за вас пропустил машину. Теперь двадцать минут ждать.

А он мне:

— Вы что, не слышали постановления насчет чистоты города?

Я говорю:

— Слышал.

— Тогда поднимите окурочек.

— Вы что, смеетесь? — говорю милиционеру. — Их тут целая куча. Урны надо ставить, тогда мусорить не будут.

— Подберите ваш окурочек, — говорит он.

Я разозлился и говорю:

— А где я его тут найду? И куда я его дену? Съесть его, что ли? Или в карман положить?

— Подберите окурочек.

Я подобрал первый попавшийся и подаю ему.

— Натё.

— Это не ваш. Вон ваш дымится.

Тут уж меня такое зло взяло, что я с полной ответственностью заявил:

— Не буду поднимать! — и швырнул чужой окурочек в общую кучу.

— Платите штраф! Один рубль! — постановил милиционер.

А у меня рубля не было — только немного мелочи. Платить я, естественно, не стал. Милиционер повел меня в отделение милиции и там штраф возрос уже до пяти рублей (за привод). Потребовали мой домашний адрес и место работы. А я как раз выписался из города Горького, а в Москве прописан не был и на работу еще никуда не устроился. Жил у одного знакомого. Забрали у меня паспорт, взяли адрес моего знакомого и отпустили.

Через два дня пришла бумага из милиции, в которой сообщалось, что я должен заплатить пятнадцать рублей. Я никак не прореагировал. Через неделю пришла бумага с требованием заплатить 50 рублей за злостное уклонение от штрафа. В повестке было написано, что в противном случае меня арестуют на пятнадцать суток. Разумеется, пятидесяти рублей и подавно не нашлось. «Ничего себе окурочек!» — думал я.

Вскоре милиция забрала меня и отправила в КПЗ. Днем выводили на прокладку трамвайных путей. В первый же день я сбежал с работ. Меня арестовали и за побег присудили к месяцу исправительно-трудовых работ. Через пару дней я сбежал. Когда меня снова арестовали и, припаяли трехмесячный срок за побег в соответствии с 285-й статьей УК СССР, сбежать удалось только спустя неделю. Я уехал в город Горький и там с помощью друзей сделал себе новый паспорт на том основании, что прежний «сгорел при пожаре».

Но я между тем был объявлен в розыске, и когда меня там арестовали, то припаяли уже год. В тюрьме плохо кормили, уголовники издевались надо мной как над «политическим», а сбежать удалось лишь спустя месяц, причем с большим трудом.

Был объявлен уже всесоюзный розыск, и спустя год

меня все-таки достали где-то в горах Акатуя, где я устроился работать в совхозе. Дали пять лет строгого режима как рецидивисту.

Сбежать удалось только спустя два года — старый товарищ бежать пособил. После этого по всей стране возле отделений милиции был вывешен мой портрет под рубрикой «Разыскивается милицией» и с надписью, что я, мол, особо опасный преступник, сбежавший из тюрьмы, и крайне опасен именно при взятии. Когда арестовали, присудили 15 лет лишения свободы в соответствии со статьей 64 пункт 4 прим Уголовного кодекса СССР. Еще четыре года отсидел из-за проклятого окурка. Потом снова побег. Снова лагеря, мытарства и очередной побег. Теперь меня разыскивают силами не только Министерства внутренних дел, но и Интерпола, и КГБ. В соответствии со статьей 83 УК Российской Федерации мне грозит «вышка».

Когда меня поставят к стенке, я брошу в лицо палачам:

— Я отдаю жизнь за окурочек! Да здравствует Минздрав Российской Федерации! Минздрав предупреждает!

Записал Дмитрий Згерский

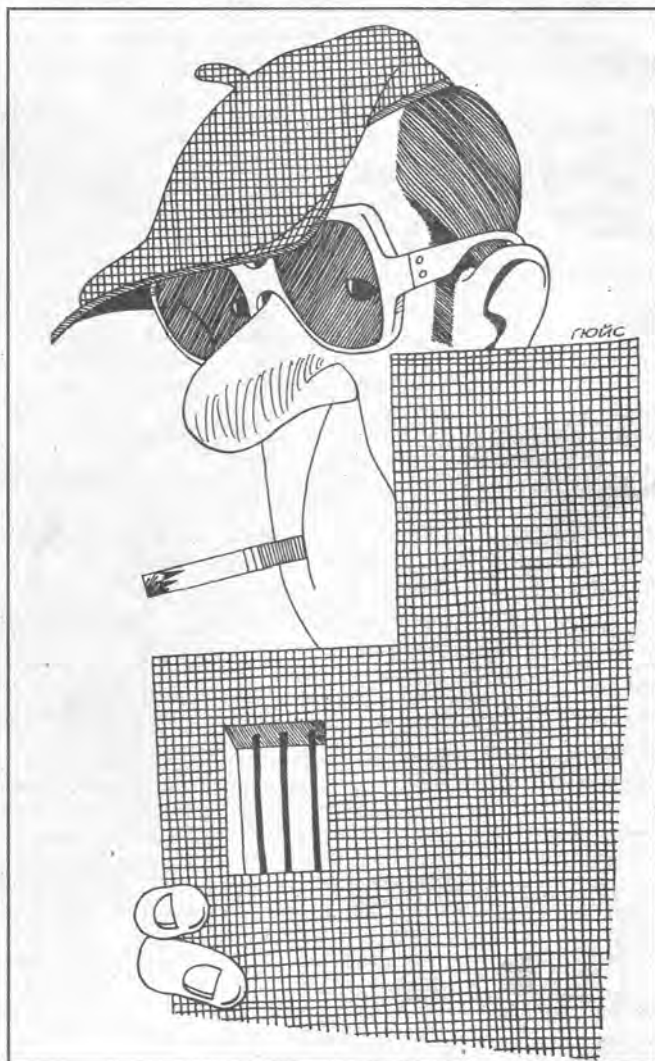

Рисунок Геннадия Живуцкого

Международная академия маркетинга и менеджмента (МАМАРМЕН)

*Действительный член «Инкорвуза»
и Торгово-промышленной палаты Российской Федерации*
Объявляет очередной прием студентов (дневное, вечернее,
заочное отделения) на I курс 1993/94 учебного года

МАМАРМЕН —

Академия дает высшее образование и присваивает степени бакалавра и магистра наук по специальностям:

- государственное и муниципальное управление;
- управление (менеджмент);
- коммерческая и предпринимательская деятельность (маркетинг);
- международные экономические отношения;
- правоведение;
- финансы и кредит;
- книговедение и организация книжной торговли.

Начало занятий:

дневное отделение — с 1 октября,
вечернее и заочное — по мере комплектования групп
(круглогодично).

МАМАРМЕН предоставляет студентам общежитие.

Стипендия не выплачивается.

Адрес академии: 125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37-б.

Проезд: ст. метро «Водный стадион», авт. 65, 72 до остановки
«Улица Лавочкина» (4-я остановка).

Почтовый адрес для корреспонденции:
125499, Москва, МАМАРМЕН, а/я 33.

Часы работы: ежедневно, кроме субботы и воскресенья, с 10 до 18 ч.

Телефоны приемной комиссии:

454-31-61, 454-30-19 — дневное и вечернее отделения

155-71-09 — заочное отделение

одно из первых в стране частных высших
учебных заведений, прошедших
государственную аттестацию.

Срок обучения в академии на базе среднего образования — 4 года, на базе высшего — 1 год.
Лица, не владеющие русским языком, изучают его
дополнительно 1 год.

Выпускникам академии присваивается
квалификация «коммерсант» и «менеджер» и
вручается конвертируемый диплом о высшем
образовании.

Студенты очного отделения МАМАРМЕН
имеют право на отсрочку от армии на период
обучения.

Система обучения построена преимущественно
на индивидуальной подготовке студентов.

с/з

Качество мирового уровня — это плюс **SIEMENS.**

Компания «ТриК» — это Ваш плюс,

потому что «ТриК»
предлагает по оптимальным
ценам полный ассортимент
электробытовых приборов
SIEMENS для Вашего дома
и офиса со склада в Москве:

холодильники и морозильные
шкафы, стиральные и
посудомоечные машины,
газовые и электрические
плиты, микроволновые печи
и пылесосы, утюги и фены,
тостеры и кофеварки,
фритюрницы и раклетницы,
комбайны и миксеры,
вытяжки и обогреватели и др.

Приглашаем Вас ежедневно,
кроме воскресенья,
в выставочный зал по адресу:

Москва,
Можайское шоссе, 4.
Телефоны: (095) 443-81-35,
441-82-55.

Гарантия — 1 год.
Любая форма оплаты.

Компания «ТриК» — ключ к новому качеству жизни!